

УЧРЕДИТЕЛИ:

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова;
социологический факультет МГУ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

ОСИПОВА Надежда Геннадьевна – доктор социологических наук, профессор, декан социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, главный редактор, г. Москва, Россия, e-mail: ngo@socio.msu.ru, тел., факс: 8 (495) 939-46-98

ПОЛЯКОВА Наталья Львовна – доктор социологических наук, профессор кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, заместитель главного редактора, г. Москва, Россия, e-mail: polyakova@socio.msu.ru, тел.: +7(495) 939-45-39

ИЛЬИНЫХ Ольга Владимировна – сотрудник кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, ответственный секретарь, редактор, г. Москва, Россия, тел.: +7 (495) 939-08-54, +7 (903) 268-89-69, e-mail: ilinikh@socio.msu.ru

ДОБРИНСКАЯ Дарья Егоровна – кандидат социологических наук, доцент кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, редактор сайта, г. Москва, Россия, тел.: +7(495) 939-08-54, e-mail: dobrinskaya@socio.msu.ru

БАРКОВ Сергей Александрович – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической социологии и менеджмента социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, сотрудник редколлегии, г. Москва, Россия, тел.: +7 (495) 932-88-71, e-mail: socorgmen@yandex.ru

ВЕРШИНИНА Инна Альфредовна – кандидат социологических наук, доцент кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, сотрудник редколлегии, г. Москва, Россия, тел.: +7 (495) 939-21-37, e-mail: vershinina@socio.msu.ru

ЕЛИШЕВ Сергей Олегович – доктор социологических наук, профессор кафедры современной социологии, ученый секретарь социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, сотрудник редколлегии, г. Москва, Россия, тел.: +7 (495) 939-59-61, e-mail: elishev@list.ru

КАНЕВСКИЙ Павел Сергеевич – кандидат политических наук, доцент, заместитель декана по научной работе социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, сотрудник редколлегии, г. Москва, Россия, тел.: +7 (495) 939-24-05, e-mail: kanevskiy@socio.msu.ru

НОВОСЁЛОВА Елена Николаевна – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии семьи и демографии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, сотрудник редколлегии, г. Москва, Россия, тел.: +7 (495) 939-24-05, e-mail: nauka@socio.msu.ru

ПРОНЧЕВ Геннадий Борисович – кандидат физико-математических наук, доцент, заместитель декана по учебной работе социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, сотрудник редколлегии, г. Москва, Россия, тел.: +7 (495) 939-55-44, e-mail: pronchev@yandex.ru

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Аверин Юрий Петрович – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой методологии социологических исследований социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия, тел.: +7(495)939-27-95, e-mail: aip@inbox.ru; **Антонов Анатолий Иванович** – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социологии семьи и демографии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия, тел.: +7 (495)939-50-60, e-mail: antonov_ai@mail.ru; **Вельц Франк** – доктор социологических наук, профессор департамента социологии Инсбрукского университета имени Леопольда и Франца, г. Инсбрук, Австрия, тел.: +43 512 507 73405, e-mail: frank.welz@uibk.ac.at; **Бабосов Евгений Михайлович** – доктор философских наук, профессор, академик НАН Белоруссии, главный научный сотрудник Института социологии НАН Белоруссии, г. Минск, Белоруссия, e-mail: soccomsys@mail.ru; **Водопьянов Павел Александрович** – доктор философских наук, профессор, член-корреспондент НАН Белоруссии, профессор кафедры философии и права УО “Белорусский государственный технологический университет”, e-mail: pva1940@bk.ru; **Данилов Александр Николаевич** – доктор социологических наук, профессор, член-корреспондент НАН Белоруссии, заведующий кафедрой социологии факультета философских и социальных наук Белорусского государственного университета, тел.: +375-17-259-70-41, e-mail: a.danilov@tut.by; **Желтов Виктор Васильевич** – доктор политических наук, профессор кафедры всеобщей истории и социально-политических наук Кемеровского государственного университета, г. Кемерово, Россия, тел.: +7 (384) 254-49-33, e-mail: politdekanat@kemsu.ru; **Ильхам Мамед-Заде** – доктор философских наук, директор Института философии, социологии и права Национальной академии наук Азербайджана, г. Баку, Азербайджан, тел.: + 99412-439-34-61, e-mail: lsham_mamedzade@mail.ru; **Кеничи Охаша**, профессор социологии и культурной антропологии департамента культуры и туризма Университета Риккьо, г. Токио, Япония, тел.: +81-48-471-7447, e-mail: ohashik@rikkyo.ac.jp; **Скворцов Николай Генрихович** – доктор социологических наук, профессор, декан факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета, председатель Социологического общества им. М.М. Ковалевского, г. Санкт-Петербург, Россия, тел.: +7 (812) 710-00-29, e-mail: n.skvortsov@spbu.ru; **Тай-Лок Луи** – доктор философии, профессор, вице-президент Университета образования Гонконга, директор Академии гонконгских исследований, Гонконг, тел.: +852 2948 7220, e-mail: tlolui@eduhk.hk; **Фарро Антонио Луиджи** – доктор социологических наук, профессор Римского университета “Сапиенца”, г. Рим, Италия, e-mail: antimoluigi.farro@uniroma1.it; **Цинекер Хайдрун** – доктор политических наук, профессор Университета Лейпцига, г. Лейпциг, Германия, тел.: +49 341 97 35614, e-mail: zinecker@uni-leipzig.de

Редактор **О.В. ИЛЬИНЫХ**

FOUNDER

**Lomonosov Moscow State University;
Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University)**

Editorial Board

Editor-in-chief: Nadezhda G. OSIPOVA, Doctor of Sociology, Professor, Dean of the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7(495) 939-46-98, e-mail: ngo@socio.msu.ru

Associated Editor-in-Chief: Natalya L. POLYAKOVA, Doctor of Sociology, Professor of the Department of Contemporary Sociology at the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7(495) 939-45-39, e-mail: polyakova@socio.msu.ru

Managing Editor: Olga V. ILINIH, phone: +7(495) 939-08-54, +7(903) 268-89-69, e-mail: ilinih@socio.msu.ru

Website Editor: Daria E. DOBRINSKAYA, Candidate of Sociology, Associate Professor at the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7(495) 939-08-54, e-mail: dobrinskaya@socio.msu.ru

Editorial board: Sergey A. BARKOV — Doctor of Sociology, Professor, Head of the Department of Economic Sociology and Management at the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7 (495) 932-88-71, e-mail: socorgmen@yandex.ru

Inna A. VERSHININA, Candidate of Sociology, Associate Professor at the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7(495) 939-21-37, e-mail: vershinina@socio.msu.ru

Sergey O. ELISHEV — Doctor of Sociology, Professor of the Department of Modern Sociology, Scientific Secretary at the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7 (495) 939-59-61, e-mail: elishev@list.ru

Pavel S. KANEVSKIY, PhD, Associate Professor, Associate Dean for Science at the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7 (495) 939-24-05, e-mail: kanevskiy@socio.msu.ru

Elena N. NOVOSELOVA, Candidate of Sociology, Associate Professor of the Department of Sociology of Family and Demography at the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7(495) 939-24-05, e-mail: nauka@socio.msu.ru

Gennady B. PRONCHEV — Candidate of Physics and Mathematics, Associate Professor, Department of Methodology of Sociological Research, Deputy Dean for Academic Affairs at the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7 (495) 939-55-44, e-mail: pronchev@yandex.ru

Editorial council

Anatoliy I. Antonov, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Sociology of Family and Demography at the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7 (495)939-50-60, e-mail: antonov_ai@mail.ru

Yuriy P. Averin, Doctor of Sociology, Professor, Head of Sociological Research Methodology Department at the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7(495)939-27-95, e-mail: aup@inbox.ru

Frank Welz, Doctor of Sociology, Professor at Innsbruck School of Social and Political Sciences, Department of Sociology (Innsbruck University), Innsbruck, Austria, phone:+43-512-507 -73405, -73420 (secretary), e-mail: frank.welz@uibk.ac.at

Lui Tai-lok, Doctor of Philosophy, Professor, Vice President of the Education University of Hong Kong, Director of the Academy of Hong Kong Studies, phone: +852 2948 7220, e-mail: tlolkui@eduhk.hk

Viktor V. Zheltov, Doctor of Political Science, Professor at Chair of General History and Socio-Political Sciences (Kemerovo State University), Kemerovo, Russian Federation, phone: +7 (384) 254-49-33, e-mail: politdekanat@kemsu.ru

Nikolai G. Skvortsov, Doctor of Sociology, Professor at the Department of Comparative Sociology (Saint Petersburg University), Saint Petersburg, Russian Federation, phone: +7 (812) 710-00-29, e-mail: n.skvortsov@spbu.ru

Antimo L. Farro, Doctor of Sociology, Professor at the Department of Social and Economical Sciences (Sapienza University), Rome, Italy, e-mail: antimoluigi.farro@uniroma1.it

Heidrun Zinecker, Doctor of Political Science, Professor of International Relations at the Institute of Political Science (University of Leipzig), Leipzig, Germany, phone: +49 341 97 35614, e-mail: zinecker@uni-leipzig.de

Evgeniy M. Babosov, Doctor of Philosophy, Professor, Academician of National Academy of Sciences of Belarus (NAS of Belarus), Chief researcher at the Institute of sociology of NAS of Belarus, Minsk, Republic of Belarus, e-mail: soccomsys@mail.ru

Pavel A. Vodop'yanov, Doctor of Philosophy, Professor, Corresponding Member of the National Academy of Sciences of Belarus, Professor at the Department of Philosophy and Methodology of Science (Belarusian State Technical University), Minsk, Republic of Belarus, e-mail: pva1940@bk.ru

Kenichi Ohashi, Professor of Sociology and Cultural Anthropology at the Department of Culture and Tourism Studies (Rikkyo University), Tokyo, Japan, phone: +81-48-471-7447, e-mail: ohashik@rikkyo.ac.jp

Ilham Mamed-Zadeh, Doctor of Philosophy, Professor, Director of the Institute of Philosophy, Sociology and Law of Azerbaijan National Academy of Sciences, Baku, Azerbaijan, phone: + 99412-439-34-61, e-mail: Ilham_mamedzade@mail.ru

Alexander N. Danilov, Doctor of Sociology, Professor, Corresponding Member of the National Academy of Sciences of Belarus, Head of the Department of Sociology Faculty of Philosophy and Social Sciences (Belarus State University), Minsk, Republic of Belarus, phone: +375-17-259-70-41, e-mail: a.danilov@tut.by

Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 18

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

Издательство Московского университета

№ 1 • Том 26 • 2020 •

ЯНВАРЬ — МАРТ

Выходит четыре раза в год

СОДЕРЖАНИЕ

Теория, методология и история социологии

Полякова Н.Л. Глобальная социология: основные исследовательские стратегии. Часть II. Цивилизационный подход 7

Вершинина И.А. Концепция гуманистического планирования городов Яна Гейла 29

Социальная структура, социальные институты и процессы

Осипова Н.Г., Елишев С.О., Прончев Г.Б. Представления студенческой молодежи московских вузов о процессах, институтах социализации и субъектах осуществления молодежной политики в Российской Федерации (по результатам исследования 2019 г.) 46

Гришаева С.А. Социальные трансформации в условиях цифровой среды 70

Даллакян К.А. Техносоциальное неравенство в цифровую эпоху 82

Экономическая социология

Смирнов В.А. Феномены финансового поведения россиян (на примере клиентов ПАО Сбербанк России) 97

Политическая социология

Шебло О.Д. Методологический статус времени в политической науке 122

Каневский П.С. Генезис и современное состояние системы групп интересов во Франции..... 153

Самсонова Т.Н., Наумова Е.С. Роль СМИ в политической социализации современной российской молодежи 166

Социология коммуникаций

Могилевич Б.Р. Полилингвизм как лингвистический капитал информационного общества 188

Moscow State University Bulletin

SCIENTIFIC JOURNAL

Established in 1946

Series 18

SOCIOLOGY AND POLITICAL SCIENCE

Publishing house of Moscow State University

N 1 • VOLUME 26 • 2020 •

JANUARY — MARCH

Four Issues per Annum

CONTENTS

Theory, methodology and history of sociology

- Polyakova N.L.** Global sociology: basic research strategies.
Part II. Civilization approach. 7
- Vershinina I.A.** Jan Gehl's concept of human planning 29

Social structure, social institutions and processes

- Osipova N.G., Elishev S.O., Pronchev G.B.** Knowledge of Moscow students about the processes, institutions of socialization and the subjects of youth policy in the Russian Federation (based on the 2019 study). 46
- Grishaeva S.A.** Social transformations within the conditions of digital environment. 70
- Dallakian K.A.** Technosocial inequalities in the digital age. 82

Economic sociology

- Smirnov V.A.** The phenomena of financial behavior of Russians (on the example of clients of Sberbank of Russia) 97

Political sociology

Sheblo O.D. Methodological status of time in political science 122
Kanevskiy P.S. Genesis and current state of interest groups system
in France. 153
Samsonova T.N., Naumova E.S. The role of mass media in political
socialization of modern Russian youth 166

Sociology of communications

Mogilevich B.R. Polylinguism as a Global Linguistic Capital 188

ТЕОРИЯ, МЕТОДОЛОГИЯ И ИСТОРИЯ СОЦИОЛОГИИ

DOI: 10.24290/1029-3736-2020-26-1-7-28

ГЛОБАЛЬНАЯ СОЦИОЛОГИЯ: ОСНОВНЫЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ СТРАТЕГИИ. ЧАСТЬ II. ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ПОДХОД

Н.Л. Полякова, докт. социол. наук, проф. кафедры социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, МГУ, д. 1. стр. 33, г. Москва, Российская Федерация, 119234*

Цивилизационный подход имеет долгую историю. Он оформился в рамках истории, социальной философии и философии истории. В социологии его использование носило фрагментарный характер и было связано преимущественно с анализом культуры и религии. Однако в середине XX в. в рамках постколониальных исследований и теорий модернизации исторической социологии стала очевидной потребность в использовании теории цивилизации для объяснения обнаруженного отсутствия универсализма как относительно путей движения к модерну различных обществ, так и относительно результирующих социальных форм, обретаемых этими обществами. Процесс глобализации, социологическое осмысление которого, в том числе и в перспективе проблем модернизации, развернулось в 1990-е гг., сделал цивилизационный подход фактически альтернативой универсалистскому подходу к прочтению современного глобального мира.

Опора на цивилизационную теорию позволила сформулировать новую версию глобальной социологии как социально-гуманитарной дисциплины, исследования в рамках которой должны осуществляться как исследования единого культурно-цивилизационного комплекса культуры, религии, социальных институтов и идентичностей.

Ключевые слова: империя, культура, социальный институт, идентичность, модернизация, универсализация.

GLOBAL SOCIOLOGY: BASIC RESEARCH STRATEGIES. PART II. CIVILIZATION APPROACH

Polyakova Natalya L., Doctor of Sociological Sciences, Professor of the Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninsky Gory 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: polyakova@socio.msu.ru

The civilization has a long history. It was formed in the framework of history and philosophy of history. In sociology it was used from time to time and only as a means of

---

* Полякова Наталья Львовна, e-mail: polyakova@socio.msu.ru

analysis of religion and culture. However in the middle of the XX century in the context of post-colonial studies it became evident that both the process of movement of different societies to modernity and the results of this movement show the lack of universalist patterns. It also become clear that one can use theory of civilization to explain all these phenomena. In fact the civilization approach turned out to be a useful alternative to the universalist approach as a way of understanding the contemporary global world especially of the processes of modernization.

The civilization approach has made it possible to work out a new version of global sociology. It shows the way to investigate the culture-civilization complex which includes religion social institutes and identities.

Key words: *empire, culture, social institute, identity, modernization, universalization.*

Оформившийся в рамках глобальной социологии и сформировавший ее предметное поле цивилизационный подход имеет долгую историю. Эта история укоренена в философском и научно-историческом знании и всегда противопоставляла свой подход и свое видение природы социальных процессов подходам классической социологии, базирующейся на универсалистском видении природы социальной реальности.

Оформившись в XVIII–XIX вв. одновременно с социологией, цивилизационная теория уступала социологии в академическом признании и даже научной респектабельности. (На это были свои причины, рассмотрение которых не входит в задачи данной статьи.) Но уже в 70–80-е гг. XX в. теория цивилизации вновь стала утверждать свои позиции.

Это возвращение произошло под влиянием общего процесса деколонизации и развернувшихся после Второй мировой войны социальных трансформаций, связанных с модернизацией неевропейского мира. Возникшие в связи с этими процессами теории модернизации способствовали возрождению научного интереса к истории неевропейских наций и появлению современных теорий цивилизации.

При этом следует указать на то обстоятельство, что все теории модернизации были связаны с универсалистским подходом, с практически одинаковым в теоретическом плане прочтением модерна как социального состояния. Однако полученные в результате исследования теоретические результаты вносили серьезные коррективы в изначальные позиции и привели к отклонениям от универсалистского прочтения модерна. Появляются теории множественности путей движения к модерну, множественности модернов и его форм. Фактически речь идет о первом “ударе” по универсалистской перспективе в теории единой и универсальной современности.

Именно в силу этого рассмотрение и анализ некоторых теоретических результатов теорий модернизации представляется необходимым при рассмотрении цивилизационного подхода в рамках современной глобальной социологии.

Теории модернизации

В рамках социологической теории понятие “модернизация” означает процесс обретения обществом современных форм социальной, экономической, политической, культурной организации, обретение базовых характеристик общества модерна. При этом модерн как социологическая концепция увязывается с процессами становления капитализма, индустриализма, образованием национальных государств, демократизацией обществ, в частности с ликвидацией наследственных привилегий и провозглашением равенства гражданских прав. Помимо этих общих характеристик указывается на становление и особую роль техники и технико-технологического оснащения промышленного производства, изобретение книгопечатания и распространение грамотности, на становление современной медицины, идей равенства и политических представительных учреждений, на создание и распространение современного оружия, а также общий процесс культурной и географической экспансии Европы.

Такая концептуализация модерна основывается на историческом опыте трех великих революций — Английской (1648–1660), Великой Французской (1789–1799) и Американской (1765–1783), а также на общем историческом развитии Европы в XV–XVIII вв. Именно эти исторические события легли в основание концептуализации классической модели модерна и путей его становления.

Модернизационные процессы в обществах XX в. носили иной характер в сравнении с первыми модернизациями конца XVIII – начала XIX в. Первые модернизации носили характер открытого исторического и социального процесса и осуществлялись большими социальными группами — классами, социальными движениями. В ходе этого открытого процесса создавались и базовые институты обществ модерна и его подсистемы — экономическая, политическая, идеологическая. Это был спонтанный и развернутый в будущее процесс.

Модернизации XX в. осуществлялись иным образом. Эти модернизации осуществляются на основе моделей и путем копирования образцов. Они были изначально структурированы отношением отставания, в котором оказались по сравнению с Великобританией, Францией и США. Процесс модернизации в этих обществах предстал

как движение “общества-последователя” за “обществом-пионером” (Р. Бендикс). По сути и по форме эта модернизация была процессом заимствования идей, социальных, экономических и политических моделей классической модернизации. В этом процессе заимствования идей и моделей модернизации решающую роль играли правительства, культурные и политические элиты и в целом государства обществ-последователей, для которых модернизация была экономическим и политическим императивом. Отсутствие исторической спонтанности и “естественности” в становлении модернизационных процессов в “странах-последователях” породило проблемы и поставило с новой силой и в новом историческом и культурном контексте вопросы консервативной философской мысли о роли традиции, ее силе и значимости (И.Г. Гердер, Э. Берк, Л. де Бональд, Ж. де Местр, Ф.К. фон Савиньи).

Теории модернизации, предметом которых стали трансформационные процессы модернизации середины XX в., многим были обязаны постколониальному дискурсу и компаративистским исследованиям. Все эти факторы и условия, в которых создавались теории модернизации, привели к трансформации классической универсалистской концепции как самого модерна, так и путей его становления. Проблемная конфигурация, которая обусловила появление новых подходов к анализу процесса модернизации, связана с осознанием конкретной исторической ситуации середины XX в., когда теоретический социологический разум столкнулся, например, с несколькими социальными вариантами модерна: либеральным капитализмом, фашизмом и коммунизмом. А вставшая особенно остро в 1950–1960-х гг. проблема “слаборазвитых” стран породила вопрос о множественности путей модернизации, условиях этого фундаментального процесса и его различных результирующих формах. Все это сделало очевидным главный вывод — налицо историческая конкретность и неповторимость и форм процесса модернизации, и его результатов.

Такой вывод резко контрастировал с основными положениями универсалистской социологической классики, в рамках которой исторические модели социального развития обществ в направлении к современности представляли как процесс обретения единой формы индустриального, капиталистического, демократического и т.п. общества. Реальные исторические трансформации заставили социологию пересмотреть представление о единой форме, которую якобы должны принимать современные общества как общества ставшего модерна. Наиболее полную форму анализ модернизационных процессов получил в исторической социологии.

Историческая социология оформилась в основном как социологическое исследование процесса становления обществ модерна, специфическая социальная форма которых является результатом конкретного исторического процесса модернизации досовременных, преимущественно аграрных обществ, их трансформации в современные общества. Методологическую основу всех этих исследований составляет принцип единства социологического и исторического анализа с учетом и даже опорой на историческую специфику любых и в то же время всех социальных структур и процессов. Утвердилось мнение, что каждая общественная наука или, лучше сказать, каждое хорошо продуманное социальное исследование требует исторической концептуализации и максимально полного использования исторических материалов, поскольку в рамках одного и того же социально-исторического типа различные механизмы социальных изменений образуют столь же различные пространства взаимодействий. В отличие от классиков социологии XIX столетия, которые пытались сформулировать инвариантные законы функционирования общества и его изменения, подобные законам природы и имеющие силу для всех обществ, представители исторической социологии считают, что механизмы изменения варьируются в различных исторических структурах. Исторические изменения касаются как социальных структур общества, так и отношений между образующими их компонентами, и подобно тому как существует разнообразие этих социальных структур, существует и разнообразие принципов и форм исторических изменений.

Историческая точка зрения необходимо ведет к сравнительному исследованию исторически постоянно взаимодействующих обществ. Нельзя понять и объяснить основные фазы, через которые прошла и проходит та или иная страна, а также ее современные очертания только в терминах собственной национальной истории. И не только потому, что исторически любая страна взаимодействует с другими, но в силу того, что теория не может даже сформулировать социологические проблемы без их сравнения или противопоставления проблемам других обществ. Вот почему в рамках исторической социологии преобладают сравнительные исследования движения различных обществ к современности с попыткой выявить некие наиболее значимые и фундаментальные пути развития, движущие силы, а также динамику изменений, происходящих в социальной структуре.

Историческая социология значительно расширила границы исследования процессов модернизации обществ и результирующую картину современности. В отличие от социологической классики,

сосредоточившейся на процессах становления капитализма и индустриализма как основных трендах процесса рождения обществ модерна, представители исторической социологии громадное внимание уделяют процессам появления и развития современного государства, системам власти и насилия (М. Манн, Ч. Тилли, Н. Элиас), роли различных классов и элит, межклассовой ситуации в широком смысле слова не только в процессе изменения, но в той форме, которую приобретает результат модернизации (Б. Мур, Ч. Тилли, Т. Скочпол, М. Манн), роли и значению военных и силовых структур в процессе модернизации (М. Манн, Ч. Тили), роли культуры, образования, культурно-цивилизационных процессов в широком смысле слова, включая структуры повседневности, а также роли идеологии (Н. Элиас, М. Манн).

Результатом всех этих исследований являются создание и теоретическая разработка совершенно нового и очень разнообразного облика модерна, варьирующегося от одного общества к другому, и столь же разнообразных и вариативных форм процесса модернизации. Бэррингтон Мур¹, например, построил свою теорию модернизации как теорию спонтанного процесса, результат которого не имеет нормативного характера и может отливаться в различные экономические и социальные формы.

Три пути ведут к миру модерна из аграрных обществ. Первый путь — это *демократия*, путь буржуазной революции, историческими примерами которых являются трансформации Англии, Франции.

Второй путь — *фашизм*. Это путь консервативной революции сверху, исторические примеры которой продемонстрировали Япония и Германия. Результатом является появление формы реакционного или консервативного капитализма.

Третий путь модернизации — *коммунизм*. Это путь крестьянской революции, примеры которых продемонстрировали Россия и Китай. Результатом стало оформление коммунистического режима.

Социологическая теория модернизации Б. Мура описывает процесс движения к модерну, прежде всего, как спонтанный исторический процесс, который, возможно, и имеет в своей основе какой-то идеально-типический образец исторической практики, но в то же время допускает серьезные отклонения. На основе концепции Б. Мура мы вправе сделать вывод о том, что в зависимости от того, как модернизация осуществлялась, она выливается в различные социальные и экономические формы. Кроме того, как подчеркивает Б. Мур, отправным пунктом социологического анализа должно быть

---

¹ См.: Moore B. Social origins of dictatorship and democracy. Lord and peasant in the making of modern world. Harmondsworth, 1969.

социальное устройство, предшествующее модернизации. Именно это предшествующее социальное устройство определяет пути к миру модерна и исторические формы обществ модерна. Этот последний момент представляется особенно важным, поскольку переворачивает логику рассмотрения по сравнению с универсалистскими подходами. Вместо объяснения, опирающегося на будущее развертывание универсального социального порядка, теории модернизации исторической социологии укореняют процесс модернизации в социальном устройстве, предшествующем модернизации, и это предшествующее социальное состояние имеет ключевое значение и определяет пути и результирующие формы модернизации. Результатом становится идея о множественных модернах и множественных путях модернизации.

Выявленные проблемы, с которыми сталкивались и продолжают сталкиваться модернизирующиеся общества, с одной стороны, и исторически проявившееся множество путей модернизации, с другой стороны, столь существенны, что становится возможным говорить не только о различных путях и формах самого модерна. Существование различных форм модерна означает существование некогерентного глобального мира, состоящего из некогерентных социальных образований. Такая некогерентность, укорененная в различных путях модернизации и отливающаяся в различные формы модерна, нарушает универсалистскую картину глобального мира и требует объяснения. Поиск этого объяснения направил социологическую мысль на выявление специфики стартовых условий обществ, вступивших на путь модернизации.

Во многом именно такая постановка проблемы и поиск стартовых условий модернизации заставили социологов обратиться к использованию понятия “цивилизация” и теории цивилизации.

Теория цивилизации и цивилизационный подход позволяют избежать целого ряда “ловушек”, в которые попадает универсалистский подход при прочтении модернизационных процессов, а в настоящее время — процессов глобализации и при построении картины глобального мира.

Одним из первых социологов, которые в рамках анализа процессов модернизации стали опираться на теорию цивилизации, был Шмуэль Эйзенштадт. Теория цивилизации стала у него теоретическим подходом, позволившим ему предложить объяснение специфики модернизационных процессов и революций, развернувшихся в незападных обществах в XX в.

Ш. Эйзенштадт создает свою теорию цивилизации как базовое основание для построения теории развития, теории модер-

низации и теории революции. Он считает, что теории и подходы, сформулированные в рамках классической универсалистской социологии, основываются на признании революционного опыта Европы как “модели для стран других частей света. В результате социологи, анализируя исторические ситуации, часто используют категории и постулаты, которые могут оказаться неадекватными”². Неприменимыми к анализу незападных обществ оказались, по его мнению, подходы таких крупнейших представителей социологии, как Т. Парсонс, Р. Белла, Д. Лернер, Г. Алмонд в силу того, что социальная действительность модернизирующихся обществ во многих отношениях “опровергла первоначальную модель модернизации”³. Все эти подходы, соответствующие образцу социальных преобразований, который сформировался на основании европейского (или классического) революционного опыта, требуют пересмотра. При этом для Ш. Эйзенштадта совершенно очевидно, что в плане пересмотра речь идет не только о социологической теории, но и о той социальной и политической философии, которая легла в основание классических социологических подходов. Опираясь на социальную и политическую философию Просвещения, “социологи долгое время были склонны формулировать проблему социального порядка в чисто гобсовских терминах, иначе говоря, в категориях перехода от досоциального индивидуального существования к социальному”⁴.

Для Ш. Эйзенштадта этот подход не является верным. Любая модернизация, любая революция — это переход от одного типа порядка к другому порядку. Именно поэтому социология должна направить свое внимание на выявление социальных процессов и механизмов, институтов и социальных ролей, социальных движений и идеологий, которые способны дать ответы на вопросы о том, как и на каких основаниях в том или ином обществе строится исторически конкретный социальный порядок.

Но это еще не все. Дальнейший социологический анализ показывает, что сами по себе организационные структуры, институты и ролевые системы взаимодействий не обеспечивают социальный порядок, не делают предсказуемым человеческое поведение и не гарантируют общезначимость обязательств, без которых социальный порядок не может существовать. Более того, институциональная социальная организация должна превратиться в объект “осознанного интереса”, поскольку сама по себе не гарантирует от риска и

---

² *Эйзенштадт Ш.* Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций. М., 1999. С. 43–44.

³ Там же. С. 44.

⁴ Там же. С. 58.

неопределенности институционализированного процесса, не обеспечивает социальную безопасность и чувство взаимного доверия, не выражает коллективные цели и идентичности и не гарантирует того, что социальные агенты будут беспрекословно следовать своим обязательствам, решать поставленные перед ними задачи и исполнять свои роли.

Поскольку никакое институциональное устройство не может считаться само собой разумеющимся, необходимо выявить социальные механизмы, благодаря которым основополагающие нормы социального взаимодействия отбираются и институционализируются, а также найти объяснение, почему в различных обществах содержание основополагающих норм различно.

Для объяснения этого явления и поиска механизмов социальной интеграции Ш. Эйзенштадт разрабатывает (или использует) теорию цивилизации, опираясь на теорию осевого времени К. Ясперса. Центральным моментом его концепции цивилизации является “представление о четком отделении внемирского порядка от мирского, <...> возвышенного, трансцендентного, нравственного или метафизического порядка, находящегося за пределами любой наличной поюсторонней реальности”⁵. Цивилизации являются целостными образованиями, в рамках которых принципы социальной регуляции, мирской порядок укоренены и находят объяснение во внемирском, символическом порядке.

Ш. Эйзенштадт утверждает важность сплетения символических и институциональных характеристик и указывает, что признание этого факта в значительной степени является следствием пересмотра первоначальных теорий модернизации. Был сделан вывод, что “существует достаточно тесная связь между столь объемлющими принципами институциональной организации и реагирования, с одной стороны, и фундаментальными культурными ориентациями — с другой”⁶.

Важным аспектом символических ориентаций, значимым для формирования основ или критериев основополагающих норм социального взаимодействия, является “кристаллизация таких ориентаций в специфические образцы кодов, которые соединяют широкие очертания социального порядка с ответами на символические проблемы человеческого бытия и социальной жизни”⁷. Такие коды, подчеркивает Ш. Эйзенштадт, не являются культурно-цен-

---

⁵ *Eisenstadt S. The axial age breakthroughs — their characteristics and origins // The Origins and Diversity of Axial Civilizations. Albany, 1986. P. 2.*

⁶ *Эйзенштадт Ш. Указ. соч. С. 68.*

⁷ Там же. С. 72.

ностными ориентациями всеобщего и неопределенного характера. Они представляют собой то, что М. Вебер назвал “хозяйственной этикой мировых религий” — обобщающими формами религиозной и этической ориентации, применяемой к институциональной сфере и ее проблемам, к формулированию принципов ее организации, поведению в ней “в связи с соответствующими ответами на те или иные фундаментальные проблемы человеческого бытия”⁸.

Формирование каждого социального института, политического порядка в целом необходимым образом предполагало компромисс между трансцендентным представлением и мирской социальной и политической реальностью, между мирским и трансцендентным порядками. Ни одна из современных демократий, как подчеркивает Ш. Эйзенштадт, не избавилась и не может избавиться от ориентации на изначальные элементы трансцендентного порядка, коллективной идентичности или же от указания на главную роль, которую играют различия в формировании “коллективной идентичности” и “легитимации политического порядка”.

Именно это, на наш взгляд, делает теорию цивилизации адекватным теоретическим инструментом, который позволяет объяснить гетерогентность и некогерентность процессов модернизации различных обществ, принадлежащих к различным цивилизациям, объяснить отсутствие единства и универсализма в результирующей картине современного мира.

Цивилизационный подход и глобальная социология

Термин “цивилизация” происходит от латинского *civilis* — гражданский; государственный, политический; достойный гражданина; учтивый, приветливый, вежливый. Все эти значения помещают этот термин в общий политический, социально-правовой и философско-исторический дискурс эпохи Просвещения. Чаще всего его введение в соответствующий дискурс связывают с именами А.Д.Ж. Тюрго и маркиза В.Р. де Мирабо⁹, последний использовал этот термин в работе “Друг людей, или трактат о населении” 1756 г. Начиная с XIX в. понятие “цивилизация” получило широкое распространение и стало основанием для построения фундаментальных теорий исторического и социального развития, социологии культуры и религии, философии истории. Выдающиеся представители социального знания — Л. Морган, К. Маркс и Ф. Энгельс, Н. Данилев-

---

⁸ Эйзенштадт Ш. Указ. соч. С. 72.

⁹ См. об этом: Фергюсон Н. Цивилизация: чем Запад отличается от остального мира. М., 2017.

ский, М. Вебер, Э. Дюркгейм и М. Мосс, О. Шпенглер и А. Тойнби, П. Сорокин, Э. Валлерстайн, Ф. Бродель, Ш. Эйзенштадт, Н. Элиас и многие другие занимались и продолжают заниматься разработкой теории цивилизаций. Теории цивилизации, как они оформились в XIX–XX вв., составили альтернативу универсалистскому всемирно-историческому и универсалистско-эволюционистскому подходам. Согласно цивилизационному подходу, например Н. Данилевского или А. Тойнби, не существует всемирной истории, есть лишь история цивилизаций, имеющих замкнутый характер.

Следует, однако, подчеркнуть, что цивилизационный подход как определенная альтернатива универсалистско-эволюционному подходу оформился не сразу. Первоначально понятие “цивилизация” заменило понятие “культурность” и в этом смысле использовалось еще в середине XX в. в рамках теории модернизации, например, Н. Элиасом. Кроме того, это понятие использовалось как обозначение исторического этапа, следующего за дикостью и варварством (Л. Морган, Ф. Энгельс). Только во второй половине XIX в. цивилизационный подход в полной мере предстал как альтернатива универсалистскому эволюционизму. Работу Н. Данилевского “Россия и Европа” (1869 г.) можно считать начальным моментом. Однако только в 80–90-е гг. XX в. в цивилизационном подходе обозначились существенные новации. Происходит оформление социологического прочтения проблематики цивилизации, которое отличается от традиционного философско-исторического и исторического прочтения, а также от различного рода идеологий прошлого, которые так или иначе опирались на “цивилизации”, их фундаментальные непреодолеваемые различия. Социологическое прочтение, о котором идет речь, жестко связано с реальностью мира, сформированного глобализацией. Указанное прочтение противостоит “унификационистским” теориям, связанным с социологической ортодоксией и просветительским универсализмом.

Ключевой теорией и работой, обозначившей этот поворот, стала работа Сэмюэла Хантингтона “Столкновение цивилизаций”. Именно С. Хантингтоном был предложен социологический подход, опирающийся на общую традицию цивилизационных теорий, и использован в качестве теоретического основания построения глобальной социологии. Построение теории современного глобального мира как единого, но не когерентного образования, а также разработка методологии его анализа стали главной задачей работы С. Хантингтона.

С. Хантингтон исходит из того, что ни один из привычных взглядов на структуру глобального мира — Запад–Восток, Север–Юг, Центр–периферия (империя, совокупность национальных госу-

дарств) — не является в теоретическом отношении перспективным. Реальный порядок и структура глобального мира могут быть теоретически адекватно поняты только на основе цивилизационного подхода, точнее, полицивилизационного подхода. Тем более, что не только современный глобальный порядок в качестве единицы анализа имеет цивилизацию, но и вся человеческая история — это история цивилизаций.

Опираясь на теории цивилизации ведущих исследователей — О. Шпенглера, Э. Дюркгейма, М. Мосса, А. Тойнби, Ф. Бэгби, К. Доусона, К. Куигли, У. Макнила — С. Хантингтон разрабатывает свою концепцию цивилизации.

С. Хантингтон исходит из того, что цивилизация не является нормативным понятием. Каждая цивилизация специфична, конкретна и лишь одна из многих. Каждая из цивилизаций является культурной целостностью. И цивилизация, и культура относятся к образу жизни народа. С. Хантингтон признает, что существует корреляция между разделением людей по культурным признакам и их разделением на расы, “однако коренные различия между группами людей заключаются в их ценностях, верованиях, традициях и социальных институтах, а не в их росте, размере головы и цвете кожи”¹⁰.

Цивилизации являются всеобъемлющими, ни одна из их составляющих не может быть понята без соотнесения с целым, они являются наивысшей культурной целостностью. “Цивилизация, таким образом, — резюмирует С. Хантингтон, — наивысшая культурная общность людей и самый широкий уровень культурной идентичности, отличающей человека от других биологических видов. Она определяется как общими объективными элементами, такими как язык, история, религия, обычаи, социальные институты, так и субъективной самоидентификацией людей”¹¹. Вместе с тем, у цивилизаций нет четко определенных границ, точного начала или конца, нет четких границ между цивилизациями. Они смертны, хотя живут долго, они “эволюционируют, адаптируются и являются наиболее стойкими из всех человеческих ассоциаций”¹².

Поскольку цивилизации являются культурными единствами, а не политическими, “они сами не занимаются поддержанием порядка, восстановлением справедливости, сбором налогов, ведением войн, заключением союзов и не делают ничего из того, чем заняты правительства... Цивилизация может содержать одно и более политическое

---

¹⁰ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2017. С. 50–51.

¹¹ Там же. С. 52.

¹² Там же. С. 53.

образование. Эти образования могут быть городами-государствами, империями, конфедерациями, национальными государствами, многонациональными государствами, и у всех у них могут быть различные формы правления”¹³.

И наконец, последнее, на что указывает С. Хантингтон при определении свойств и характеристик цивилизаций, — это тождественность современных цивилизаций своим историческим образцам. Он выделяет следующие цивилизации: синскую, японскую, индуистскую, исламскую, православную, западную, латиноамериканскую и африканскую. Именно эти цивилизации определяют и структурируют современный глобальный мир.

Опираясь на свою теорию цивилизации, С. Хантингтон создает новую “философию истории”, новую перспективу всемирной социально-исторической трансформации мира. Эта перспектива радикально отличается от универсалистской перспективы, которая выстраивает историческое движение в направлении к унифицированному порядку, укорененному в культуре и в социальных, экономических и политических институтах и практиках Запада.

Перспектива С. Хантингтона перевернута и по смыслу, и по содержанию. С. Хантингтон членит историю на три периода, которые можно наблюдать во взаимоотношениях между цивилизациями. В первый период, длившийся более трех тысяч лет с момента возникновения цивилизаций, отношения между ними носили ограниченный характер, который он описывает как “случайные встречи”. Но начиная с 1500 г. наступает второй период, и случайные контакты между цивилизациями уступают место “однонаправленному действию Запада на все остальные цивилизации”¹⁴.

Фактически этот период, который выделяет С. Хантингтон, совпадает с историей колонизации, становлением колониального порядка, а также с эпохой модерна, демонстрирующими безусловное превосходство Запада благодаря научной, промышленной, военной революциям. Возник режим отношений Запада и незападных территорий в режиме “господство — зависимость”. Возникло само понятие “цивилизация”, первоначально интерпретируемое как обозначение превосходства Запада над миром отсталых незападных территорий, а в рамках философии, истории и социальных наук оформляется эволюционно-прогрессистская парадигма однолинейного развития мира.

Вычленение этого пятисотлетнего периода доминирования Запада над остальным миром является общим местом современной

---

¹³ Хантингтон С. Указ. соч. С. 55.

¹⁴ Там же. С. 67.

социальной науки. Значение, которое приписывается этой эпохе, чрезвычайно велико в социальных науках: она является их объектом и предметом. Стоит напомнить, что Ш. Эйзенштадт, например, проинтерпретировал европейский модерн как новую всеобъемлющую осевую цивилизацию, которая с необходимостью определит единство мира, а победа либерально-демократического устройства Запада, победившего в холодной войне, будет означать, согласно Ф. Фукуяме, “конец истории”. Фактически в этих теориях речь идет об оформлении своего рода универсальной цивилизации, тождественной западной цивилизации. Эта теоретическая модель возникла в рамках универсалистской интерпретации исторического движения в эволюционно-прогрессивистской версии теорий модернизации.

Но именно с теорией универсальной цивилизации не согласен С. Хантингтон. История не движется ни к универсализации, ни к унификации. С. Хантингтон утверждает, что современный мир — это не мир универсальной цивилизации. Современность — это глобальный мир, представляющий собой полицивилизационную систему. Полицивилизационная система сформировалась в 90-е гг. XX в. и демонстрирует цивилизационное разнообразие, а не процесс унификации. Возникновение полицивилизационной системы и означает наступление третьего этапа всемирной истории.

Подчеркнем, что история, которая “вдвинулась” в полицивилизационный мир (и в этом с С. Хантингтоном можно согласиться), демонстрирует единство мирового устройства не на основе универсального социального порядка или универсальной цивилизации, а на основе тех принципиальных взаимодействий, которые складываются между современными цивилизациями.

Современный глобальный мир един, но един на основе новых принципов и взаимодействий, которые должны стать предметом исследования глобальной социологии.

Основанная на цивилизационном подходе глобальная социология складывается на наших глазах в первые десятилетия XXI в. Одной из попыток реализации цивилизационного подхода с целью построения глобальной социологии является исследование Йорана Терборна, предпринятое им в работе “The World. A beginner’s guide”, вышедшей в 2011 г. Опираясь на систему идей, широко распространенных и принятых в современной социальной и исторической науке, созданных для описания современного мира и его становления, Й. Терборн пишет по поводу этого мира следующее: “Этот новый мир — мир множества цивилизаций со своей живой историей, а не бинарный мир вчерашних Североатлантических лидеров, противопоставлявших (нашу) цивилизацию угрожающим ей варварам. Это

мир новых центров власти и возрождающихся культур, а не только глобальных рынков; мир альтернативных возможностей и различных жизненных путей. С интеллектуальной точки зрения, возможно, наступает время глобальной социологии как гуманитарной науки с ее особым вниманием к разнообразию и ограничениям, взаимосвязям и взаимодействиям, а также ее сдержанностью в отношении политических проповедей¹⁵. Самое интересное в этом фрагменте состоит не в указании на появление глобальной социологии, а в том, что глобальная социология должна быть *гуманитарной наукой*.

Свой подход в рамках глобальной социологии Й. Терборн определяет как “анализ человеческих обществ и конфигураций с точки зрения социальной геологии”¹⁶. Социокультурная матрица, которая лежит в основе современности, образована “отложениями” различных социальных процессов и эпох. Древнейшим слоем являются цивилизации, сформированные “геопространственными силами” и характеризующиеся космологическим и моральным мировоззрением, структурой символического воображения, а в письменных цивилизациях — наличием классических языков (одного или нескольких) и классических канонов космологии, этики, политики и эстетики. Й. Терборн анализирует пять цивилизаций: синскую, индийскую, цивилизацию Западной Азии, европейскую и Черной Африки (Африка к югу от Сахары) с целью выявить, в какой степени эти цивилизации оказывают влияние на современный мир.

Второй пласт составляют “шесть волн глобализации”. Третий пласт — становление модерна, который является важнейшим слоем в становлении современного мира. Он породил разделение на “развитые” и “развивающиеся” страны, существующее уже в течение последних двух веков. Именно под влиянием этих процессов сложился современный глобальный мир: цивилизации и системы “семья — пол — гендер”, место в повторяющихся волнах глобализации и их опыт, полученный в процесс модернизации.

Все эти “геологические” пласты являются чрезвычайно важными, но если поставить вопросы о том, как и посредством каких социальных механизмов они участвуют в построении современного глобального мира, то ответом на них видимо, будет указание на разработанную Й. Терборном концепцию системы “семья — пол — гендер” в качестве главного механизма, который является специфичным и своеобразным в рамках каждой из цивилизаций. Эти системы, определяющие наше “происхождение, родство и связи, сексуальные практики и социальные гендерные отношения берут

---

¹⁵ Терборн Й. Мир: руководство для начинающих. М., 2015. С. 12.

¹⁶ Там же. С. 19.

начало в пяти главных цивилизациях и даже могут рассматриваться как их центральный элемент, зачастую самый продолжительный и устойчивый на протяжении многих столетий и даже тысячелетий”¹⁷. Это “наследие цивилизаций”.

К этому, как представляется, следовало бы добавить, что это не просто “наследие”, это институциональное наследие, поскольку “семья — пол — гендер” можно рассматривать как институт или как институциональную систему. Институциональная система “семья — пол — гендер”, безусловно, является базовым механизмом, организующим социальный порядок. Она укоренена в культуре и традиции, в цивилизации как в культурной целостности. Однако совершенно очевидно, что в современном мире “семья — пол — гендер” подвергаются самым серьезным изменениям под влиянием процессов модернизации и резкого усиления процессов секуляризации, а также фундаментальных процессов глобализации, поставивших под сомнение не только традиционную институциональную структуру, но и институциональную структуру модерна. Целый ряд социальных институтов, в том числе институты семьи, традиции, превратились в “институты-пустышки” (Э. Гидденс). Игнорировать это невозможно, особенно в рамках западной цивилизации, так же как и процессы, протекающие в рамках половой и гендерной идентификации.

Вместе с тем, совершенно очевидно, что институциональная система “семья — пол — гендер”, вычлененная Й. Терборном, является не единственным институтом, порождаемым или укорененным в цивилизации, в ее культурно-символическом порядке. Таких институтов, участвующих в создании институционального порядка цивилизации, значительное количество. И именно они, на наш взгляд, в своей совокупности должны образовывать предметное поле глобальной социологии.

Предметное поле глобальной социологии

Предметное поле глобальной социологии в рамках цивилизационного подхода определяется прежде всего самой концепцией цивилизации. Фактически это предметное поле структурируется теми же компонентами, которые структурируют цивилизацию как наивысшую культурную общность и наивысший уровень культурной идентичности, определяемую языком, историей, религией, обычаями, социальными институтами, субъективной самоидентификацией.

Такое прочтение содержания понятия цивилизации позволяет вычленить следующие предметные сферы глобальной социологии. В этом смысле речь идет о следующем.

---

¹⁷ Терборн Й. Указ. соч. С. 50.

Во-первых, о социологическом исследовании культуры и культурных традиций. Культура как она интерпретировалась в цивилизационных исследованиях — как общий способ жизни, деятельности, как система верований и нравов людей, групп или общества в целом.

Во-вторых, о социологическом исследовании социальных институтов в их различной культурной специфике и цивилизационных практиках в их исторической конкретности.

В-третьих, о социологическом исследовании различных исторических, культурных и цивилизационных идентичностей.

Эти исследовательские сферы глобальной социологии предполагают соединение социологического подхода и социологической понятности с современными культурологическими исследованиями и историческим знанием, ориентированными на смысловое прочтение социальной жизни.

Что касается современной глобальной культуры, то она характеризуется двумя фундаментальными процессами, противостоящими друг другу: процессом индигенизации незападных культур с одновременным усилением их значения и роли в глобальном мире, с одной стороны, и снижением роли и значения культуры Запада в общей системе глобальных взаимодействий — с другой. Их динамическое взаимодействие осуществляется достаточно сложным образом, с ускорениями и откатами назад, с различной скоростью в различных сферах. Это порождает весьма сложную картину глобальной культуры со столь же сложной структурой взаимодействий различных национальных культур ее составляющих.

Современная западная культура в качестве главной составляющей современной глобальной культуры по своему происхождению является американской. Она распространена главным образом среди элиты как давосская культура — международная культура ведущих деловых и политических кругов, управляющих экономической и технологической глобализацией (К. Шваб), а также как “клубная” культура интеллектуалов (П. Бергер). Клубная культура интеллектуалов состоит из ценностей прав человека, феминизма, защиты окружающей среды, здорового образа жизни, мультикультурализма. Господствующее положение представителей США в этих идеологиях очевидно. На базе данных идеологий создаются массовые движения того или иного рода, распространяющие идеи прав человека, феминизма, экологизма в самые различные социальные среды.

К этим социальным движениям Питер Бергер, например, присовокупляет евангелический протестантизм, являющийся “наиболее серьезным массовым движением, которое служит (в основном

непреднамеренно) средством культурной глобализации”¹⁸. Это движение, как он считает, охватывает широкие слои населения и географические регионы, его религиозные и культурные ценности и нормы определяют отношение к труду, семье, воспитанию детей, сексуальному, экономическому поведению. По его мнению, система взглядов, укорененная в евангелистском протестантизме, в настоящее время способна заменить по своим функциям протестантскую этику и ее роль в оформлении раннего капитализма, как это было описано М. Вебером. Особенно для модернизирующихся стран.

Еще одним очень существенным компонентом западной глобальной культуры являются СМИ и интернет, тиражирующие массовую культуру и образы потребления, создаваемые современными коммерческими фирмами. Массовая культура и массовое потребление проникают в самые удаленные уголки мира, во все слои населения и создают глобальную систему практики массового потребления и поведения.

Все эти явления присутствуют в современном мире, характеризуют глобальную культуру. Разные традиционные культуры, люди и группы реагируют на нее по-разному. Спектр реакций различен: от полного принятия со стороны интернациональной культуры “*уирриэ*” до агрессивного отрицания с опорой и под лозунгами религии, национализма и культурной исключительности.

Вместе с тем, чаще всего наблюдаются промежуточные формы. Например, глокализация, при которой глобальная культура сосуществует с местной традицией, западные практики сосуществуют с местными, а иногда и способствуют восстановлению местных традиционных практик. Одной из форм местных реакций на глобальную культуру является появление гибридных социальных, культурных и религиозных практик, демонстрирующих попытки синтеза или простого смешения национально-культурных и глобальных культурных практик. Следует при этом подчеркнуть, что тип взаимодействия с глобальной культурой зависит от “силы” или слабости национальных традиционных культур (С. Хантингтон). Культуры Китая, Японии, Индии, Восточной и Южной Азии относятся к “сильным”. Африканские и некоторые восточно-европейские — к “слабым”.

Общая характеристика глобальной культуры должна быть дополнена указанием на еще один процесс. Речь идет о так называемой альтернативной культурной глобализации, или культурной эмиссии, осуществляемой культурными эмитентами. Речь идет о вбросе и рас-

---

¹⁸ Бергер П. Культурная динамика глобализации // Многоликая глобализация. Культурное разнообразие в современном мире. М., 2004. С. 15.

пространении “сильными” цивилизациями своих смыслов, культурных стилей, социальных и духовных практик в общий глобальный культурный контекст. Свой вклад вносят в глобальную культуру Китай, Индия и другие восточные культуры. Процесс получил название “истернизации”. Например, элементы индийской культуры, то “что обычно называют упражнениями нового поколения (*New Age*), которые включают в себя медитацию, йогу, духовное оздоровление, массаж и тантризм, сегодня пользуется большой популярностью на Западе”¹⁹.

Культурная эмиссия, осуществляемая Индией, Китаем, исламскими странами, распространяется не только на исторические культурные практики своих цивилизаций, но и на современную деятельность в сфере науки и технологий, более того, речь идет об успешной конкуренции в этих сферах и сфере культуры в целом. Самым последним примером подобной успешной конкуренции на глобальном уровне является ситуация с *HUAWEI*, события вокруг которой разворачиваются в настоящее время.

К этим практикам альтернативной глобализации следует добавить и такие, как “управляемая глобализация”, которая осуществляется в системе политических отношений в современном Китае, “субглобализация”, связанная с ответами региональных культурных систем на глобальные культурные вызовы. Все они создают сложнейший культурный порядок современного мира, корни которого уходят в глубины полицивилизационной картины мира.

Вместе с тем, эта картина есть свидетельство того вызова, который бросают современному миру процессы модернизации. Парадокс ситуации состоит в том, что в сфере культуры модернизационный вызов — это вызов со стороны плюрализма. Расширяющийся процесс индивидуализации открывает широкие возможности выбора в области религии, ценностей, образа жизни, культурного потребления и культурных образцов жизни, которые созданы в рамках различных культур и цивилизаций. Именно из этих образцов индивиды черпают культурные и исторические содержания для формирования своей индивидуальной идентичности²⁰. Однако возникает вопрос о том, насколько устойчивой является такая полицивилизационная идентичность. Что может выступить в качестве ее стержня или основания, встраивается ли эта идентичность в структурно-функциональную систему социальных отношений или она имеет эстетическую и игровую природу?

---

¹⁹ Шринивас Т. “Свидание с судьбой”. Индийский вариант глобализации // Многоликая глобализация... С. 99.

²⁰ См. об этом: Кимелев Ю.А., Полякова Н.Л. Модерн и процесс индивидуализации: исторические судьбы индивида модерна. М., 2017.

Проблема состоит в том, что социология должна заниматься цивилизационным порядком не как историческим артефактом, а как современным глобальным порядком, вышедшим из истории цивилизаций. Это означает, что социологии необходимо сделать шаг от анализа культуры к институциональному анализу и, как минимум, осуществить анализ того, посредством каких современных социальных институтов осуществляется трансляция цивилизационных смыслов и традиций в современный мир, в глобальный институционализированный порядок социальной жизни. Это должно стать специфической перспективой глобальной социологии.

В современных обществах существует свой институциональный порядок, который в каких-то компонентах может отличаться от традиционного и модерного, но его культурно-символическое обоснование укоренено в цивилизационном порядке. И те трансформации, которые претерпевают современные институты на Западе, имеют не столько универсалистскую природу, сколько являются реализацией исторических трансформаций западной культуры и цивилизации.

Проблема, как нам представляется, заключается в том, чтобы вычленив ключевые системно-институциональные блоки, определяющие социальный порядок общества и очевидным образом укорененные в культурно-символическом порядке цивилизации — мифологической или религиозной картине мира, в исторических нарративах, в морально-этической традиции. Таких системно-институциональных блоков возможно существует немалое количество, но с уверенностью можно говорить о трех.

Во-первых, о семье и системах родства как первичных институтах авторитета и социализации.

Во-вторых, об авторитете и власти как основании для признания и легитимации на индивидуальном и социально-институциональном уровнях.

В-третьих, об иерархии и системах стратификации, в которых символические характеристики соединяются с распределением ресурсов и механизмами признания и легитимации.

Эти системно-институциональные образования являются, на наш взгляд, фундаментальным основанием социального порядка, понимание которого возможно только через соотнесение с его культурно-цивилизационным прочтением.

Проведение подобного рода исследований в рамках глобальной социологии направлено на выявление специфики культурно-цивилизационной природы общества и тех подвижек, которые происходят в сфере культуры, а также на определение базовых

культурно-цивилизационных идентичностей и их роли в формировании конкретного институционального порядка общества. Это требует опоры не только на социологические исследования, но и самое основательное обращение к историческому знанию, культурологии, религиоведению и этнографии. Все это уже сейчас демонстрируют исследования, проводимые в рамках цивилизационного подхода в глобальной социологии.

Фактически опора на цивилизационную теорию позволила сформулировать новую версию глобальной социологии как социально-гуманитарной дисциплины, исследования в рамках которой должны осуществляться как исследования единого культурно-цивилизационного комплекса культуры, религии, социальных институтов и идентичностей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

Бергер П. Культурная динамика глобализации // Многоликая глобализация. Культурное разнообразие в современном мире. М., 2004.

Кимелев Ю.А., Полякова Н.Л. Модерн и процесс индивидуализации: исторические судьбы индивида модерна. М., 2017.

Терборн Й. Мир: руководство для начинающих. М., 2015.

Фергюсон Н. Цивилизация: чем Запад отличается от остального мира. М., 2017.

Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2017.

Шринивас Т. “Свидание с судьбой”. Индийский вариант глобализации // Многоликая глобализация. Культурное разнообразие в современном мире. М., 2004.

Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций. М., 1999.

REFERENCES:

Aydin C. The politics of anti-westernism in Asia. N.Y., 2007.

Barnes I. World religions. L., 2008.

Bayly C.A. The birth of modern world, 1780–1914. Oxford, 2004.

Berger P. Kul'turnaya dinamika globalizacii [The cultural dynamics of globalization] // Mnogolikaya globalizaciya. Kul'turnoe raznoobrazie v sovremennom mire. М., 2004 (in Russian).

Bozeman A. Civilizations under stress // Virginia Quarterly Review. 1975. Vol. 51. N 1.

Braudel F. On history. Chicago, 1980.

Bull H. The revolt against the West // Expansion of International society / Ed. by M. Bull, A. Watson. Oxford, 1984. P. 210–241.

Burbank I., Cooper F. Empires in world history: power and the politics of difference. Princeton, 2010.

Conrad S. What is global history? Princeton, 2016.

- Darwin J.* After Tamerlane. The global history of empire. L., 2007.
- Eisenstadt S.N.* Revolution and the transformation of societies. A comparative study of civilizations. N.Y., 1978.
- Eisenstadt S.N.* The axial age breakthroughs — their characteristics and origins // The Origins and Diversity of Axial Age Civilizations. Albany; N.Y., 1986.
- Eisenstadt S.N.* Tradition, change and modernity. N.Y., 1973.
- Ejzenshtadt Sh.* Revolyuciya i preobrazovanie obshchestv. Sravnitel'noe izuchenie civilizacij [The revolution and the transformation of societies. Comparative study of civilizations]. M., 1999 (in Russian).
- Fergyson N.* Civilizaciya: chem Zapad otlichaetsya ot ostal'nogo mira [Civilization: how the West differs from the rest of the world]. M., 2017 (in Russian).
- Fernández-Armesto F.* C Civilizations. L., 2000.
- Fernández-Armesto F.* The world: a brief history. N.Y., 2007.
- Huntington S.* Stolknovenie civilizacij [Clash of civilizations]. M., 2017 (in Russian).
- Huntington S.* The clash of civilizations and the remaking of the world order. N.Y., 1996.
- Kimelev Yu.A., Polyakova N.L.* Modern i process individualizacii: istoricheskie sud'by individa moderna [Modernity and the process of individualization: The historical destinies of the modern individual]. M., 2017 (in Russian).
- Many globalizations. Cultural diversity in the contemporary world / Ed. by D.L. Berger, S.P. Huntington. Oxford, 2002.
- Melko M.* The nature of civilizations. Boston, 1969.
- Parker G.* The military revolution: military innovation and the rise of the West. Cambridge, 1988.
- Runciman W.G.* The theory of cultural and social selection. Cambridge, 2009.
- The post-colonial studies reader / Ed. by B. Ashcroft et al. L., 1995.
- Shrinivas T.* "Svidanie s sud'boj". Indijskij variant globalizacii ["Date with fate". Indian version of globalization] // Mnogolikaya globalizaciya. Kul'turnoe raznoobrazie v sovremennom mire. M., 2004 (in Russian).
- Terborn J.* Mir: rukovodstvo dlya nachinayushchih [World: a beginner's guide]. M., 2015 (in Russian).
- Terborn G.* European modernity and beyond. L., 1995.
- Terborn G.* The world. A beginner's guide. Cambridge, 2011.
- Tomlinson J.* Globalization and culture. Chicago, 1999.

DOI: 10.24290/1029-3736-2020-26-1-29-45

КОНЦЕПЦИЯ ГУМАНИСТИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ ГОРОДОВ ЯНА ГЕЙЛА

И.А. Вершинина, канд. социол. наук, доц., доц. кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, Москва, Российская Федерация, 119234*

В статье рассматривается концепция гуманистического планирования, предложенная датским архитектором Яном Гейлом. Он критикует траектории развития городов, характерные для XX столетия, указывая на то, что в течение нескольких десятилетий архитекторы больше заботились о создании пространства для свободного передвижения автомобилей. При подобном подходе интересы пешеходов игнорируются, вследствие чего люди постепенно вытесняются с улиц автомобилями, соседство с которыми не является комфортным. Я. Гейл предлагает пересмотреть приоритеты городского планирования и создавать среду, в первую очередь для пешеходов, тем самым интенсифицируя социальные взаимодействия. Он полагает, что создание условий для передвижения пешком и увеличение числа общественных пространств могут способствовать повышению качества жизни горожан. Предложения Я. Гейла сегодня становятся основой для реорганизации многих городов мира, включая Москву.

Ключевые слова: Ян Гейл, “города для людей”, городское планирование, качество жизни, социальные взаимодействия, общественные пространства.

JAN GEHL'S CONCEPT OF HUMAN PLANNING

Vershinina Inna A., PhD Sci., Associate Professor, Department of Contemporary Sociology, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninsky Gory, 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: urbansociology@yandex.ru

The article discusses the concept of human planning proposed by Danish architect Jan Gehl. He criticizes the main trajectory of urban development in the twentieth century and points out that for several decades architects were more concerned about creating space for the free movement of cars. With this approach, the interests of pedestrians are ignored; as a result people are gradually squeezed out of the streets by cars because of streets' low comfort for them. Gehl suggests revising the priorities of urban planning and creating urban space for pedestrians to intensify social interactions. He believes that creating conditions for walking and increasing the number of public spaces can help to improve citizens' quality of life. Gehl's proposals today become the basis for the reorganization of some cities in the world, including Moscow.

Key words: Jan Gehl, “cities for people”, urban planning, the quality of life, social interactions, public spaces.

---

* Вершинина Инна Альфредовна, e-mail: urbansociology@yandex.ru

Ян Гейл (р. 1936) — датский архитектор, который не только занимается теорией городского планирования, но и реализует свои проекты на практике во многих городах мира. С 2000 г. основанная им и его партнерами “Гейл Архитектс — консультанты по качеству городов” (*Gehl Architects — Urban Quality Consultants*) разрабатывает проекты примерно для 250 городов в 40 странах мира, среди которых и столица России Москва¹. Архитектор также консультирует власти других российских городов (Санкт-Петербург², Калининград³, Казань⁴ и др.), давая свои рекомендации по их реконструкции с учетом потребностей людей. Он заботится в первую очередь об удобстве городов для людей, которое стоит первым номером в списке его приоритетов при планировании, опережая внешний облик зданий, транспортные развязки и т.п. Соответственно, его концепцию можно считать гуманистической, поскольку в основе его подхода к реорганизации городов — интересы и потребности людей.

Начало разработки Я. Гейлом гуманистических принципов планирования и проектирования городов связывается с получением им в 1965 г. гранта на полугодовое исследование в Италии влияния городского пространства на общественную жизнь⁵. Результатом поездки в Италию становится серия статей в датском журнале “Архитектор” (*Arkitekten*). В публикациях подробно описывается, как итальянцы в повседневной жизни используют публичные пространства, в том числе городские площади⁶. В 1960-е гг. данному вопросу практически не уделялось внимания, поэтому публикации Я. Гейла привлекают внимание научного сообщества. В частности, ими интересуется руководство Школы архитектуры Датской королевской академии изящных искусств. Молодой ученый получает финансирование для продолжения исследования по этой теме, но уже не только в Италии, но также и у себя на родине — в Дании.

Пятилетний грант, полученный в 1966 г. от Датской королевской академии изящных искусств на изучение основных форм обществен-

---

¹ Unlocking Moscow’s Urban Treasures. URL: <http://gehlpeople.com/cases/moscow-russia/> (accessed: 21.07.2019).

² Элькина М. Ян Гейл жалеет о том дне, когда заговорил о велосипедах. URL: <http://future-spb.ru/archive2012/> (дата обращения: 21.07.2019).

³ Новожилова Т. Не здания, а люди. С. 1–2. URL: <http://gazeta39.ru/events/1282-nen?format=pdf> (дата обращения: 21.07.2019).

⁴ Вильданова Э., Минвалеев А. Ян Гейл: “Если на улицах города много детей и пожилых, значит в городе хорошее качество жизни” // Деловая электронная газета Татарстана “Бизнес Online”. 28.08.2014. URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/112617> (дата обращения: 21.07.2019).

⁵ Gehl J., Svarre B. How to study public life. Washington; Covelo; L., 2013. P. 90.

⁶ Гейл Я., Сварре Б. Как изучать городскую жизнь. М., 2016. С. 152.

ных пространств, а также возможностей их использования, способствует продолжению работы датского архитектора по этой теме⁷. Параллельно с Я. Гейлом в этом направлении начинают работать другие сотрудники Школы архитектуры Копенгагена. В 1968–1971 гг. проводятся междисциплинарные исследования, в которых принимают участие не только архитекторы, но также психологи и социологи⁸.

Результатом пятилетней работы по гранту становится первая книга Я. Гейла, опубликованная на датском языке в 1971 г., — “Жизнь между зданиями: использование общественного пространства”⁹. Сегодня наиболее полным ее вариантом автор считает русскоязычное издание 2012 г., в которое добавлены новые материалы и иллюстрации. Но основная идея остается прежней: “Заботьтесь о людях и о бесценной жизни среди зданий”¹⁰. Тем самым датский архитектор подчеркивает, что наиболее важным элементом городов является социальная жизнь, т.е. социальные взаимодействия между их жителями.

Я. Гейл утверждает, что расширение дорог и увеличение их числа в первые две трети XX в. негативно сказываются на развитии городов, поскольку приводят к росту числа машин на улицах города, которые становятся менее комфортными для пешеходов¹¹. Строительство новых дорог не может решить транспортные проблемы, если сопровождается увеличением числа автомобилей, что сегодня уже хорошо осознается властями разных городов мира, включая Москву. В настоящее время принципы гуманистического планирования, ориентированного на потребности людей, становятся основой для разработки градостроительной политики правительствами многих городов мира.

Например, в Москве наблюдается создание общественных пространств для пешеходов и расширение тротуаров за счет сокращения числа полос для автомобилей. Строительство новых дорог, конечно, продолжается, хотя главной целью сегодня является повышение связанности между разными районами города. Однако комплекс мер, направленных на ограничение использования личного автотранспорта (введение платных парковок, появление выделенных полос для общественного транспорта и т.д.), свидетельствует о следовании Правительства Москвы постулатам гуманистического подхода.

---

⁷ *Arruda Campos B.M., de.* Book Review: “Life Between Buildings” & “Cities for People” // *The Journal of Space Syntax*. 2012. Vol 3. N 1. P. 125. URL: <http://joss.bartlett.ucl.ac.uk/journal/index.php/joss/article/view/104/pdf> (accessed: 21.07.2019).

⁸ *Gehl J., Svarre B.* Op. cit. P. 61.

⁹ *Gehl J.* *Life between buildings: using public space.* Washington; Covelo; L., 2011.

¹⁰ *Гейл Я.* *Жизнь среди зданий.* М., 2012. С. 7.

¹¹ *Gehl J.* *Cities for people.* Washington; Covelo; L., 2010. P. 9, 91–95.

Я. Гейл проводит масштабное исследование для доказательства того, что распространение автомобильного транспорта негативно сказывается на интенсивности социальных взаимодействий¹². Он начинает свой анализ с рассмотрения средневековых городов, которые считает образцовыми по своему планированию, в отличие от многих современных городов: “Глубокие познания человеческих возможностей, которые характеризуют средневековые города, не могут быть обнаружены на новых, профессионально спланированных городских территориях”¹³. Средневековые города — примеры городской среды, способствующей социальным взаимодействиям, в частности, потому что на небольшой территории концентрируется множество видов деятельности (купцов, ремесленников и т.д.). Как следствие, они демонстрируют все преимущества и недостатки городской структуры, ориентированной на интеграцию¹⁴. Одно из их преимуществ — удобство для пешеходов, преодолевающих небольшие расстояния.

Противоположная картина наблюдается в городах, спроектированных на протяжении большей части XX в. Ориентация районов на выполнение определенных функций (жилые, административные, индустриальные, офисные и т.д.), т.е. минимизация разнообразия городской жизни неизбежно ведет к сегрегации пространства. Однообразие внутри этих районов, как правило, ведет к сокращению числа взаимодействий и появлению большого числа людей на улицах лишь в определенные часы (как правило, в утренние и вечерние). К тому же людям приходится постоянно преодолевать большие расстояния между районами (например, из дома на работу), что требует значительных временных затрат и свидетельствует о неэффективности использования городского пространства.

Например, в Москве одной из причин транспортных проблем является сосредоточение рабочих мест в центре города — районах с самой низкой плотностью населения, что детерминирует направление транспортных потоков по утрам и вечерам в будние дни. Правительство Москвы пытается решить проблему, преобразуя моноцентричную модель города в полицентричную и создавая многофункциональные районы¹⁵. В частности, инвесторам, создающим рабочие места за пределами третьего транспортного кольца

---

¹² Gehl J. Life between buildings... P. 31, 46.

¹³ Ibid. P. 38.

¹⁴ Ibid. P. 101.

¹⁵ Подробнее см.: Вершинина И.А., Полякова Н.Л. Москва: столица — глобальный город — агломерация // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2014. № 4. С. 122–137.

(ТТК), предоставляют льготы¹⁶, чтобы сократить время в пути из дома на работу для жителей города. Следует также отметить, что однородные районы, лишённые разнообразия, редко способствуют возникновению желания выйти на улицу, поскольку стимулов для этого не так много. Поэтому необходимо не только равномерно распределять рабочие места по территории города, но и развивать разнообразие во всех его районах.

Я. Гейл также указывает на тот факт, что городское планирование зачастую начинается с создания макетов, которые совершенно не учитывают “человеческий масштаб”¹⁷. Подобные проекты хорошо демонстрируют, как будут смотреться рядом друг с другом здания, но не дают представления о том, как между ними будут себя чувствовать люди. Следовательно, приоритеты зачастую оказываются расставлены в таком порядке: во-первых, здания (которые должны хорошо смотреться с высоты птичьего полета), во-вторых, пространство (которое позволяет автомобилям перемещаться между зданиями), и только, в-третьих, социальная жизнь (которая может занять пространство, оставшееся свободным)¹⁸. Ярким примером реализации подобного подхода является столица Бразилии — город Бразилиа¹⁹. Город прекрасно смотрится с воздуха, хотя первоначальный проект несколько испорчен новыми районами, которые планом предусмотрены не были. Вместе с тем, планировка бразильской столицы не учитывает многие нужды ее жителей, тем самым обостряя социальные проблемы²⁰.

Я. Гейл полагает, что главная задача архитекторов сегодня — вернуть социальную активность на улицы городов, учитывая “человеческий масштаб”²¹, который должен быть главным ориентиром городского планирования. По его словам, “синдром Бразилиа”²² предполагает создание городов и пространств, которые великолепно выглядят с высоты птичьего полета, но далеко не всегда комфортны и удобны для людей. Новизна гуманистического подхода заключается

---

¹⁶ Москва предоставит льготы инвесторам, создающим рабочие места за пределами ТТК. URL: <https://www.mos.ru/mayor/themes/4299/5777050/> (дата обращения: 27.07.2019).

¹⁷ Gehl J. *Cities for people*. P. 6.

¹⁸ Ibid. P. 195–197.

¹⁹ Anderson-Oliver M. *Cities for people: Jan Gehl*. June 13, 2013. URL: <http://assemblepapers.com.au/2013/06/13/cities-for-people-jan-gehl/> (accessed: 21.07.2019).

²⁰ Подробнее см.: Вершинина И.А., Мартыненко Т.С. Бразильская мозаика. Рио-де-Жанейро, Сан-Паулу, Бразилиа в зеркале современной урбанистики // Латинская Америка. 2018. № 7. С. 59–75.

²¹ Gehl J. *Cities for people*. P. 6.

²² Ibid. P. 195.

в том, что он готов пожертвовать архитектурными формами ради социального содержания, т.е. создания условий для социальных взаимодействий.

Соответственно, работа архитектора должна начинаться с определения характера и масштабов ожидаемой общественной жизни, а также подготовки всего необходимого для активности людей. Лишь затем следует заняться проектами обустройства городского пространства на основе желаемых пешеходных и велосипедных маршрутов, и лишь в последнюю очередь свободное место выделяется под строительство разнообразных зданий (офисных, жилых и т.д.), обеспечивающих многофункциональность. Так, создать комфортную городскую среду для жителей можно, лишь начиная планирование с обустройства улиц и общественных пространств между зданиями.

На протяжении всей истории развития городов улицы существуют как места для общения, торговли и передвижения²³. Меняются способы осуществления этих видов деятельности и их объемы, но сами они остаются постоянными величинами. Пока по улицам передвигаются преимущественно пешеходы, сбалансировать общение, торговлю и передвижение просто, поскольку три основные функции города выполняются в едином пространстве, и противоречий между ними не возникает. Однако транспортные средства, появляющиеся на рубеже XIX–XX в., кардинально меняют многовековые традиции, увеличивая территорию городов. Растущие расстояния сокращают число пешеходов и способствуют передвижению на общественном транспорте и автомобилях.

Уменьшение количества пешеходов кардинально меняет городскую торговлю: товары сначала перемещаются с открытых лотков в небольшие магазинчики, затем в крупные супермаркеты, а в конечном итоге — в гигантские моллы, построенные, как правило, вдали от центра города²⁴. Технический прогресс предлагает новые средства передачи информации, вследствие чего необходимость в личных встречах исчезает, поскольку сообщениями можно обмениваться дистанционно. Таким образом, уже к середине XX в. улицы городов практически перестают выполнять функции общения и торговли, характерные для них на протяжении многих столетий. Датский архитектор хочет понять, что может активизировать социальные взаимодействия в условиях современных городов, для чего проводит многочисленные исследования на основе метода наблюдения.

---

²³ Gehl J., Gemzøe L. *New city spaces*. Copenhagen, 2001. P. 10–11.

²⁴ Ibid.

Его интересует, может ли преобразование городской среды вернуть пешеходов на улицы, тем самым возродив классическую рыночную торговлю и использование открытых городских пространств как мест для общения.

На основе базовых компонентов городского проектирования Я. Гейл еще в 1970-е гг. выделяет 43 критерия, по которым можно оценить качество городского пространства²⁵. Они позволяют оценить первоначальный замысел, социальную структуру, наличие инфраструктуры и коммуникаций, “пешеходный ландшафт” и т.д. Однако многолетние исследования в разных городах мира сокращают этот длинный перечень до 12 основных элементов, которые датский архитектор считает сегодня наиболее важными:

- защищенность пешеходов от транспортных средств и несчастных случаев;
- отсутствие угрозы преступлений и насилия;
- защита от неприятных ощущений, в том числе, связанных с погодными условиями (ветром, дождем, шумом, пылью и т.д.);
- условия для ходьбы (отсутствие препятствий, удобные поверхности, привлекательные фасады и т.д.);
- возможность стоять/проводить время (укрытия, опоры и т.д.);
- наличие возможности провести время сидя (места отдыха с хорошим обзором, скамейки и т.д.);
- условия для обзора (хорошие виды, освещение и т.д.);
- возможности для разговора (низкий уровень шума, уличная мебель);
- условия для игр и занятий спортом;
- человеческий масштаб зданий и пространства между ними;
- создание условий для наслаждения хорошей погодой;
- возможности для получения положительных впечатлений (интересный дизайн, красивые виды, деревья, растения, вода и т.д.)²⁶.

Соответственно, первые три критерия характеризуют безопасность городского пространства, шесть последующих — его удобство, три последних — его привлекательность. В зависимости от того, насколько современные города соответствуют вышеуказанным критериям, Я. Гейл классифицирует их следующим образом:

1. Традиционные, в которых основные функции города (место для общения, торговли и передвижения) гармонично сосуществуют друг с другом. Примером подобного города датский архитектор называет Венецию, где невозможно передвижение на автомобилях, а

---

²⁵ Gehl J., Svarre B. How to study public life. P. 106–107.

²⁶ Ibid. P. 107.

потому сохраняется низкая скорость передвижения, способствующая высокой социальной активности.

2. “Заполненные”, где одна из функций (передвижение) рассматривается как приоритетная и развивается, нанося ущерб двум другим (общению и торговле). Подобную ситуацию Я. Гейл считает характерной для Неаполя, Праги, Стамбула и многих других городов мира, где интересы транспорта оказываются выше потребностей пешеходов, вынужденных вследствие этого сосредотачиваться в отдельных районах, больше всего подходящих для них, в то время как большая часть улиц города используется преимущественно для передвижения, а не для взаимодействий.

3. “Покинутые”, поскольку общественные пространства и уличная жизнь исчезли, люди предпочитают проводить время в помещениях и автомобилях, это “города автомобильной культуры”. К ним относятся многие населенные пункты Северной Америки, где не всегда предусмотрены даже тротуары для пешеходов, поэтому передвижение на личном или общественном транспорте становится привычным для большей части населения.

4. “Отвоеванные”, которые восстанавливают все традиционные функции города — общение, торговлю и передвижение — и пытаются найти баланс между ними. Подобная ситуация характерна, например, для Копенгагена, Барселоны, Мельбурна, Куритибы и многих других городов мира²⁷.

Главной исследовательской площадкой Я. Гейла становится Стрёгет (*Stroget*), улица в центре Копенгагена, наблюдая за которой, он и понимает важность социальных контактов для высокого качества городской жизни. На протяжении года исследователь собирает информацию о количестве пешеходов на Стрёгет, фиксирует разные виды уличной активности, проводя наблюдения по вторникам, в отдельные выбранные недели в выходные дни, а также во время праздников и в сезон отпусков, пытаясь найти ответы на множество вопросов.

Датский архитектор пытается понять, как функционирует улица, когда по ней проезжает Ее величество королева Маргрете II, как узенькая улица справляется с наплывом огромных толп в дни рождественского ажиотажа, с какой скоростью пешеходы следуют по улице, как используются скамейки и какие места для сидения популярнее других, насколько должна повыситься температура воздуха, чтобы люди начали присаживаться на скамейки на довольно длительное время, как влияют на поведение людей на улице дожди, ветер и

---

²⁷ Gehl J., Gemzøe L. New city spaces. P. 14–20.

мороз, и какую роль играют солнечные и тенистые места, в какой мере климатические и погодные изменения влияют на поведение различных групп людей, как сказываются на поведении пешеходов темнота и освещенность на улице, кто раньше других отправляется домой, а кто остается на улице дольше всех и т.д.²⁸ Я. Гейл анализирует дневные, недельные и годовые циклы общественной жизни на улице Стрёгет, задаваясь новыми для архитекторов вопросами. Его интересуют не только функциональные и эстетические возможности возводимых зданий и благоустройство территорий между ними, он пытается выяснить, каким образом архитекторы могут стимулировать социальные взаимодействия, интенсивность которых рассматривается им как важный компонент городской жизни. Результаты этой кропотливой работы становятся основой гуманистического подхода к планированию городов, ориентированных на потребности их жителей.

На основе изучения происходящего на Стрёгет, центральной улице Копенгагена, Я. Гейл выделяет три вида деятельности людей вне помещений, которые он регулярно наблюдает:

- неизбежная, необходимая или обязательная (*necessary*), которая выполняется вне зависимости от качества городской среды (перемещения в школу и на работу, походы по магазинам и т.д.);
- необязательная (*optional*), на которую влияют настроение, погода и разного рода обстоятельства (прогулки, чтение и другие виды отдыха на свежем воздухе);
- социальная (*social*), предполагающая взаимодействия с другими людьми (приветствия, общение и т.д.)²⁹.

Обязательные действия совершаются в силу необходимости, поэтому городская среда практически не оказывает влияния на их выполнение. Иначе обстоит ситуация с необязательной деятельностью, которая характерна только для тех общественных пространств, которые комфортны и вызывают желание задержаться подольше. Социальная деятельность, по мнению датского архитектора, возникает спонтанно и является следствием того, что несколько человек (не менее двух) находятся в непосредственной близости друг от друга³⁰.

Я. Гейл рассматривает социальную деятельность во многом как производную от необязательной³¹, полагая, что чем больше времени люди проводят вне помещений, тем больше они контактируют и взаимодействуют друг с другом. Соответственно, задача архитекто-

---

²⁸ Гейл Я., Сварпе Б. Как изучать городскую жизнь. С. 152.

²⁹ Gehl J. Life between buildings... P. 9–14.

³⁰ Ibid. P. 12.

³¹ Ibid. P. 14.

ров заключается в том, чтобы создать условия для необязательной деятельности, тогда появляются возможности и для социальной. Таким образом, комфортная городская среда заставляет людей выходить на улицу и, как следствие, взаимодействовать друг с другом. Это подтверждает опыт Копенгагена, предлагающего особый “стиль жизни”³², в соответствии с которым огромное число жителей выходит на улицы.

В 1962 г. в Копенгагене начинают смелый эксперимент: часть улицы Стрёгет, главного объекта наблюдения Я. Гейла, делают пешеходной. Это решение принимается вопреки мнению многих “экспертов”, которые резко критикуют проект, предсказывая, что улица будет заброшена, предприниматели разорятся, потому что “городская активность не является североевропейской традицией”³³. Действительно, казалось бы, климат Скандинавии не располагает к длительному пребыванию вне помещений, однако, только за первый год число пешеходов увеличивается на 35%, вследствие чего пешеходная зона продолжает расширяться³⁴. Это демонстрирует, что интенсивность уличной жизни определяется не столько климатом, сколько тем, как организовано городское пространство.

После того, как улица Стрёгет становится пешеходной, она получает “вторую жизнь” вследствие того, что число посещающих ее людей резко растет, увеличивая прибыль местных предпринимателей. Потому что “зайти куда-нибудь”, передвигаясь пешком, значительно легче, чем перемещаясь на автомобиле, для которого предварительно необходимо найти парковку. Таким образом, изначальные страхи “экспертов” оказываются необоснованными, активная деятельность на улицах Копенгагена возникает сразу же после того, как для этого создаются соответствующие условия.

Тем не менее, необходимо отметить, что характер и интенсивность социальной деятельности различаются в зависимости от того, насколько хорошо люди знают друг друга. Контакты в непосредственной близости от жилых домов, школ, на детских площадках и т.д. намного продолжительнее, чем на оживленных улицах в центре города, где взаимодействия по большей части поверхностны и мимолетны. Однако даже эти незначительные контакты, “тротуарные взаимодействия”, как их называет Дж. Джекобс³⁵, имеют большую ценность, поскольку создают предпосылки для более сложных взаимодействий.

---

³² Gehl J., Gemzøe L. New city spaces. P. 11.

³³ Gehl J. Life between buildings... P. 37.

³⁴ Gehl J. Cities for people. P. 13.

³⁵ Jacobs J. The death and life of great American cities. N.Y., 1961. P. 58–59.

Если на улицах происходит что-то интересное, люди чаще выходят из дома, чтобы поучаствовать в общественной жизни, пусть даже и не очень активно. Я. Гейл полагает, что даже пассивное наблюдение за окружающими можно рассматривать как социальную деятельность, поскольку возникает сопричастность к происходящему на улице: “Пребывание среди других людей, возможность их видеть и слышать, получать импульсы от них — это позитивные моменты, которые исключают одиночество. Совершенно не обязательно, чтобы рядом был какой-то конкретный человек, важно, чтобы рядом хотя бы просто находились какие-то люди”³⁶. Можно ходить в магазин раз в неделю, а можно делать это каждый день. Все зависит от того, насколько далеко он находится, какие эмоции вызывает его посещение, с каким количеством людей можно увидеться по дороге.

Я. Гейл настаивает на том, что “человек — это самая большая радость для человека”³⁷, что регулярные встречи с соседями позволяют не только поддерживать с ними отношения, но и получать информацию о происходящем вокруг, “функционировать в социальном контексте”³⁸. Человеку, как правило, комфортнее находится там, где присутствуют другие люди.

Датский архитектор отмечает, что востребованность скамеек, обращенных к оживленным местам, выше, чем тех, которые не позволяют наблюдать за другими людьми; в кафе также первыми занимают места у окна, которые позволяют смотреть на прохожих. Он рассматривает “деятельность человека, возможность видеть других людей в действии”³⁹ как главные достопримечательности городских районов современных городов. Перемещаясь по улице, люди реже всего останавливаются рядом с офисными зданиями, в которых не так часто происходит что-либо интересное, но готовы задержаться там, где много людей и активная социальная жизнь. Соответственно, на основе своих наблюдений Я. Гейл приходит к выводу, что простое присутствие даже незнакомых людей благотворно сказывается на жизни улиц, а “встречи людей... в общем городском пространстве, ставшие частью повседневной жизни, служат хорошим способом профилактики преступлений”⁴⁰. Таким образом, исследования датского архитектора свидетельствуют о том, что в отношении количества людей на улице верно утверждение,

---

³⁶ Gehl J. Life between buildings... P. 17.

³⁷ Gehl J. Cities for people. P. 23.

³⁸ Gehl J. Life between buildings... P. 21.

³⁹ Гейл Я. Жизнь среди зданий. С. 29.

⁴⁰ Gehl J. Cities for people. P. 29.

противоречащее математической логике: “Один плюс один — это больше, чем три”⁴¹.

Схожая логика справедлива и для социальных действий. Изучая различные виды деятельности на улице Стрётет, Я. Гейл замечает, что чем больше событий где-то уже происходит, тем больше их там произойдет в ближайшее время⁴². Активность одних людей способствуют тому, что и другие начинают совершать какие-то действия. Наиболее ярким примером являются игры детей. Дети вовлекаются в уже происходящие игры и придумывают новые, глядя на то, что видят вокруг.

Таким образом, согласно гуманистическому подходу Я. Гейла, жизнь в зданиях и между ними гораздо важнее, чем то, как выглядят неодушевленные объекты, поскольку улицы без людей похожи на театр без зрителей⁴³. Он утверждает, что городское пространство может способствовать социальной активности, а может, наоборот, препятствовать ей. Эти идеи звучали революционно на рубеже 1960–1970-х гг., когда многие архитекторы уделяли больше всего внимания тому, как смотрятся их творения.

В организации уличной жизни Я. Гейл отводит важную роль нижним этажам зданий. Они не должны пустовать, их главная задача — создание условий для коммуникации. Это могут быть кафе, магазины, террасы и т.п., т.е. любые пространства для взаимодействия людей. Датский архитектор называет нижние этажи ключевыми элементами общественной жизни: нижние этажи позволяют заходить внутрь и выходить наружу, позволяют общаться тем, кто внутри, с теми, кто на улице, это место встречи здания с городом⁴⁴. Активные нижние этажи увеличивают время пребывания на улице, заставляя людей замедлять шаг и делать остановки.

Оказывается, рецепт создания живых районов с разнообразной социальной активностью довольно прост: городское пространство должно предлагать “короткие логичные маршруты”⁴⁵, облегчающие передвижение для пешеходов. Осваивая подобный маршрут, можно незапланированно, “по дороге”, сделать дополнительные остановки и пообщаться с людьми. Общественные пространства в “живых” районах, ориентированных на пешеходов, имеют гораздо больше шансов на успех, чем в обезличенных, ориентированных на автомобилистов. Так, планируя городское пространство, можно создать условия для развития определенных видов деятельности.

---

⁴¹ *Gehl J. Life between buildings...* P. 73.

⁴² *Ibid.* P. 23.

⁴³ *Gehl J. Cities for people.* P. 63.

⁴⁴ *Ibid.* P. 75.

⁴⁵ *Ibid.* P. 67.

Наиболее наглядными примерами улучшения городской жизни вследствие появления общественных пространств Я. Гейл считает перекресток Гаммелторв и Нюторв, а также набережную Ньюхавн в Копенгагене, Таймс-сквер в Нью-Йорке, Джордж-стрит в Сиднее и многие другие⁴⁶. Они соответствуют пяти основным принципам городского планирования, сформулированным датским архитектором и ориентированным на пешеходов, а не на автомобилистов:

1. Компактное расположение городских объектов, выполняющих разные функции, чтобы множество повседневных дел не требовало преодоления больших расстояний. Это обеспечивает легкость перемещений и их быстроту, а также может способствовать сокращению поездок на личном и общественном транспорте.

2. Интеграция различных функций, т.е. многофункциональность районов города, что обеспечивает не только разнообразие и богатство впечатлений, но также социальную устойчивость и безопасность за счет возможностей формирования сплоченного местного сообщества.

3. Создание городского пространства, привлекательного для пешеходов и велосипедистов, которые не наносят ущерба окружающей среде и приносят пользу для своего здоровья, выбирая подобные способы передвижения.

4. Наличие “открытых границ” (*open edges*) между улицами и зданиями, которые на них стоят, чтобы жизнь могла свободно циркулировать между помещением и открытым воздухом. Примером подобной организации пространства являются открытые веранды ресторанов, стирающие границу между улицей с ее социальной жизнью и зданием.

5. Стимулирование пребывания людей вне помещений с помощью создания интересных или необходимых им объектов. Это могут обеспечить различные ярмарки, фестивали, выставки и другие мероприятия, организованные в общественных пространствах с открытым доступом для всех желающих⁴⁷.

Эти простые принципы, по мнению датского архитектора, могут вернуть социальную активность на улицы любого города, сделать его “живым, безопасным, устойчивым и здоровым”⁴⁸. Первые два элемента этой формулы — жизнь и безопасность — уже давно хорошо известны, благодаря произведениям Дж. Джекобс⁴⁹. Датский архи-

---

⁴⁶ Гейл Я., Сварре Б. Как изучать городскую жизнь. С. 132–137, 153–157.

⁴⁷ Gehl J. *Cities for people*. P. 13.

⁴⁸ Ibid. P. 6.

⁴⁹ Jacobs J. *Op. cit.* P. 29–73.

тектор добавляет еще два — устойчивость и здоровье. Они довольно тесно связаны друг с другом, поскольку устойчивость предполагает расширение возможностей “зеленой мобильности”⁵⁰ — передвижений пешком, на велосипеде и на общественном транспорте. С одной стороны, это способствует уменьшению числа автомобилей, как следствие, снижению уровня шума, вредных выбросов в атмосферу и улучшению экологической ситуации. С другой стороны, “зеленая мобильность” увеличивает физическую активность людей, улучшает их самочувствие и состояние здоровья.

Конечно, “зеленая мобильность” может быть связана с определенными рисками для здоровья, если прогулки пешком совершаются в непосредственной близости от загруженных автомобильных дорог, а велосипедисты вынуждены передвигаться не по специально выделенным для них дорожкам. Однако Я. Гейл отмечает катастрофический рост ожирения во многих странах мира⁵¹, главной причиной которого становится сидячий образ жизни, распространенный в современных городах. Пешие прогулки и езда на велосипеде — эффективные способы профилактики различных заболеваний, поэтому датский архитектор и призывает к тому, чтобы поощрять их соответствующим планированием городского пространства. Тем более, что чем здоровее общество, тем меньше нагрузка и на систему здравоохранения, т.е. физическая нагрузка приносит пользу не только самим людям, но и государству.

Кроме того, как отмечает британский социолог Дж. Урри, «ходьба также является самой “эгалитарной” из всех систем мобильности. Хотя прогулка и маркирована классовой, гендерной, этнической и возрастной принадлежностью, и на возможность пешего хождения сильно влияет доступность технологий, все же в этой системе мобильности социального неравенства гораздо меньше, нежели в остальных. При прочих равных, чем мощнее пешеходная система, тем меньше социального неравенства в обществе. Можно сказать, что тротуары и тропы для “общества” значительно полезней, чем кресла и автомобили»⁵². Соответственно, планирование городов, создающих условия для передвижения пешком, может способствовать, конечно, не решению, но хотя бы снижению остроты ряда социальных проблем.

Подводя итоги, можно отметить, что Я. Гейл в результате многолетних исследований формулирует новые принципы городского планирования, которые сегодня получают все большее распространение.

---

⁵⁰ Gehl J. *Cities for people*. P. 7.

⁵¹ Ibid. P. 111.

⁵² Урри Дж. *Мобильности*. М., 2012. С. 198.

Он доказывает, что качество городской среды определяется не столько количеством пешеходов, сколько многообразием видов их деятельности. Пешеходов может быть много вследствие транспортных проблем, поэтому “мерой качества городов”⁵³ и их общественных пространств датский архитектор называет объем необязательной деятельности, зависящий от организации городского пространства. Чем больше людей на улицах стоит или сидит, тем больше город ориентирован на людей. Длительное пребывание вне помещений — признак живых районов⁵⁴. Разнообразная городская среда увеличивает продолжительность прогулок, позволяя совершить больше действий, пообщаться с большим числом людей. Отсутствие возможностей для общения и рекреации приводит к минимизации времени, проводимого на улице, т.е. к транзитному движению.

Наличие других людей вызывает интерес к происходящему, а иногда и желание к ним присоединиться. Чем чаще люди выходят из дома, чем больше времени они проводят вне помещений, тем выше вероятность того, что они встретят других и вступят во взаимодействие. Я. Гейл сравнивает хороший город с хорошей вечеринкой: люди остаются намного дольше, чем это действительно необходимо, потому что они получают от этого удовольствие⁵⁵. Гуманистическое городское планирование “возвращает” людей на улицы, создавая комфортные общественные пространства для разных видов деятельности. Мэр Боготы Э. Пеньялоса считает, что сегодня о качестве городской среды можно судить по присутствию в ней детей: если город комфортен для детей, значит, там будет хорошо жить и всем остальным⁵⁶.

Эвристическая ценность концепции Я. Гейла заключается в том, что он обосновывает необходимость создания общественных пространств для повышения качества жизни горожан. Он демонстрирует, что общественные пространства помогают людям поддерживать свою физическую форму, сохранять здоровье и заботиться об окружающей среде. Более того, датский архитектор рассматривает увеличение их числа как единственный возможный вариант развития городов в ближайшее время и считает, что “города для людей” могут предложить конструктивные ответы на многие вызовы XXI столетия.

---

⁵³ Gehl J. *Cities for people*. P. 134.

⁵⁴ Gehl J. *Life between buildings...* P. 79.

⁵⁵ Gehl J. *Cities for people*. P. 147.

⁵⁶ Правила мэра: Энрике Пеньялоса. Архитектура для людей и люди в архитектуре. URL: http://www.archipeople.ru/index/index_855.html (дата обращения: 21.07.2019).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

Вершинина И.А., Мартыненко Т.С. Бразильская мозаика. Рио-де-Жанейро, Сан-Паулу, Бразилия в зеркале современной урбанистики // Латинская Америка. 2018. № 7. С. 59–75.

Вершинина И.А., Полякова Н.Л. Москва: столица — глобальный город — агломерация // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2014. № 4. С. 122–137.

Вильданова Э., Минвалеев А. Ян Гейл: “Если на улицах города много детей и пожилых, значит в городе хорошее качество жизни” // Деловая электронная газета Татарстана “Бизнес Online”. 2014.28.08. URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/112617> (дата обращения: 21.07.2019).

Гейл Я. Жизнь среди зданий. М., 2012.

Гейл Я., Сварре Б. Как изучать городскую жизнь. М., 2016.

Москва предоставит льготы инвесторам, создающим рабочие места за пределами ТТК. URL: <https://www.mos.ru/mayor/themes/4299/5777050/> (дата обращения: 27.07.2019).

Новожилова Т. Не здания, а люди. URL: <http://gazeta39.ru/events/1282-nen?format=pdf> (дата обращения: 21.07.2019).

Правила мэра: Энрике Пеньялоса. Архитектура для людей и люди в архитектуре. URL: http://www.archipeople.ru/index/index_855.html (дата обращения: 21.07.2019).

Урри Дж. Мобильности. М., 2012.

Элькина М. Ян Гейл жалеет о том дне, когда заговорил о велосипедах. URL: <http://future-spb.ru/archive2012/> (дата обращения: 21.07.2019).

REFERENCES:

Anderson-Oliver M. Cities for people: Jan Gehl. June 13, 2013. URL: <http://assemblepapers.com.au/2013/06/13/cities-for-people-jan-gehl/> (accessed: 21.07.2019).

Arruda Campos B.M., de. Book review: “Life between buildings” & “Cities for people” // The Journal of Space Syntax. 2012. Vol 3. N 1. URL: <http://joss.bartlett.ucl.ac.uk/journal/index.php/joss/article/view/104/pdf> (accessed: 21.07.2019).

El'kina M. Yan Gejl zhaleet o tom dne, kogda zagovoril o velosipedah [Jan Gale regrets the day he spoke of bicycles]. URL: <http://future-spb.ru/archive2012/> (data obrashcheniya: 21.07.2019) (in Russian).

Gehl J. Cities for people. Washington; Covelo; L., 2010.

Gehl J. Life between buildings: using public space. Washington; Covelo; L., 2011.

Gehl J., Gemzøe L. New city spaces. Copenhagen, 2001.

Gehl J., Svarre B. How to study public life. Washington; Covelo; L., 2013.

Gejl Ya. Zhizn' sredi zdaniy [Life Among Buildings]. М., 2012 (in Russian).

Gejl Ya., Svarre B. Kak izuchat' gorodskuyu zhizn' [How to study urban life]. М., 2016 (in Russian).

Jacobs J. The death and life of great American cities. N.Y., 1961.

Москва предоставит льготы инвесторам, создающим рабочие места за пределами ТТК [Moscow will provide incentives to investors creating jobs outside the TTK]. URL: <https://www.mos.ru/mayor/themes/4299/5777050/> (data obrashcheniya: 27.07.2019) (in Russian).

Novozhilova T. Ne zdaniya, a lyudi [Not buildings, but people]. URL: <http://gazeta39.ru/events/1282-nen?format=pdf> (data obrashcheniya: 21.07.2019) (in Russian).

Pravila mera: Enrike Peñalosa. Arhitektura dlya lyudej i lyudi v arhitekture [Rules of the mayor: Enrique Peñalosa. Architecture for people and people in architecture]. URL: http://www.archipeople.ru/index/index_855.h (in Russian).

Unlocking Moscow's Urban Treasures. URL: <http://gehlpeople.com/cases/moscow-russia/> (accessed: 21.07.2019).

Urri Dzh. Mobil'nosti [Mobility]. M., 2012 (in Russian).

Vershinina I.A., Martynenko T.S. Brazil'skaya mozaika. Rio-de-ZHanejro, San-Paulu, Brazilia v zerkale sovremennoj urbanistiki [Brazilian mosaic. Rio de Janeiro, São Paulo, Brasilia in the mirror of modern urbanism] // *Latinskaya Amerika* [Latin America]. 2018. N 7. S. 59–75 (in Russian).

Vershinina I.A., Polyakova N.L. Moskva: stolica — global'nyj gorod — aglomeraciya [Moscow: capital — a global city — agglomeration] // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya* [Bulletin of Moscow University. Series 18. Sociology and Political Science]. 2014. N 4. S. 122–137 (in Russian).

Vil'danova E., Minvaleev A. Yan Gejl: “Esli na ulicah goroda mnogo detej i pozhilyh, znachit v gorode horoshee kachestvo zhizni” [Jan Gale: “If there are many children and elderly people on the streets of the city, it means a good quality of life in the city”] // *Delovaya elektronnyaya gazeta Tatarstana “Biznes Online”* [Business Electronic Newspaper of Tatarstan “Business Online”]. 28.08.2014. URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/112617> (data obrashcheniya: 21.07.2019) (in Russian).

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ

DOI: 10.24290/1029-3736-2020-26-1-46-69

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ МОСКОВСКИХ ВУЗОВ О ПРОЦЕССАХ, ИНСТИТУТАХ СОЦИАЛИЗАЦИИ И СУБЪЕКТАХ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ИССЛЕДОВАНИЯ 2019 г.)

Н.Г. Осипова, докт. социол. наук, проф., проф. кафедры современной социологии, декан социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, Москва, Российская Федерация, 119234*

С.О. Елишев, докт. социол. наук, профессор кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, Москва, Российская Федерация, 119234**

Г.Б. Прончев, канд. физ.-мат. наук, доц., доц. кафедры методологии социологических исследований социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, Москва, Российская Федерация, 119234***

Целью статьи является анализ представлений студенческой молодежи московских вузов о процессах, институтах социализации и субъектах осуществления молодежной политики в России. Основой эмпирической базы является социологическое исследование, проведенное авторами в апреле–мае 2019 г. в г. Москве. Отмечается, что студенты адекватно и критично оценивают состояние современного российского общества и государства, понимают причины кризисных явлений. Наибольшее воздействие на формирование ценностных ориентаций современной российской молодежи оказывают СМИ, институты семьи и образования. Причем СМИ формируют как позитивные, так и негативные ориентиры для молодежи. Студенты осознают наличие различных негативных явлений в молодежной среде и проявляют критическое отношение к ним. Сравнительный анализ с исследованиями авторов 2013–2017 гг. показал, что в 2019 г. уровни патриотических настроений и одобрения деятельности политических деятелей, социально-политических институтов среди студентов московских вузов снизились. Усилились тенденции превалирования в цен-

---

* Осипова Надежда Геннадьевна, e-mail: ngo@socio.msu.ru

** Елишев Сергей Олегович, e-mail: elishev@list.ru

*** Прончев Геннадий Борисович, e-mail: pronchev@yandex.ru

ностях молодых людей потребительских ориентаций, одобрения традиционно негативных явлений. Это способствует десоциализации молодежи, проявлению асоциальных и противоправных форм ее самореализации, развитию различных контркультур, усилению конфликтной напряженности и агрессивности молодых людей, росту экстремизма в молодежной среде. Предлагаются меры, повышающие социальную эффективность государственной молодежной политики Российской Федерации. Материалы исследования представляют интерес для специалистов, занимающихся проблемами социализации молодежи, осуществления государственной молодежной политики.

Ключевые слова: молодежь, студенты, молодежная политика, субъекты молодежной политики, институты социализации, ценностные ориентации, манипулятивные воздействия, социологическое исследование.

KNOWLEDGE OF MOSCOW STUDENTS ABOUT THE PROCESSES, INSTITUTIONS OF SOCIALIZATION AND THE SUBJECTS OF YOUTH POLICY IN THE RUSSIAN FEDERATION (BASED ON THE 2019 STUDY)

Osipova Nadezda G., Doctor of Sociological Sciences, Professor, Dean of the Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninsky Gory 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: ngo@socio.msu.ru

Elishev Sergey O., Doctor of Sociological Sciences, Professor at the Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninsky Gory 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: elishev@list.ru

Pronchev Gennadiy B., PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor, Associate Professor at the Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninsky Gory 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: pronchev@yandex.ru

The paper deals with the knowledge of Moscow students about the processes, institutions of socialization and the subjects of youth policy in Russia. The basis of the empirical base is the sociological study conducted by the authors in April–May 2019 in Moscow. It is noted that students adequately and critically assess the state of modern Russian society and the state, understand the causes of the crisis. The greatest impact on the formation of value orientations of modern Russian youth is provided by the media, family and education institutions. Moreover, the media form both positive and negative benchmarks for young people. Students are aware of the presence of various negative phenomena in the youth environment and show a critical attitude towards them. Comparative analysis with 2013–2017 studies shows that in 2019 the levels of patriotic sentiments among Moscow students and their approval of the activities of political figures, socio-political institutions decreased. The trends of prevalence in the values of young people of consumer orientations, approval of traditionally negative phenomena intensified. This contributes to the desocialization of youth, the manifestation of asocial and unlawful forms of their self-realization, the development of various countercultures, increased conflict tension and aggressiveness of young people, and the growth of extremism in the youth environment. Measures are proposed that increase

the social efficiency of the state youth policy of the Russian Federation. The research materials are of interest to specialists involved in the problems of youth socialization and the implementation of state youth policy.

Key words: *youth, students, youth policy, subjects of youth policy, institutions of socialization, value orientations, manipulative influences, sociological research.*

Одним из важных и перспективных направлений современных социологических исследований является социологический мониторинг представлений студенческой молодежи о социально-политических процессах, институтах социализации и субъектах молодежной политики¹. На социологическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова каждые два года, начиная с 2013 г., осуществляется мониторинг представлений московской студенческой молодежи о социально-политических процессах, институтах социализации и субъектах молодежной политики². В 2019 г. в типовую анкету исследования были добавлены вопросы, выявляющие отношение к проблеме социального неравенства³, различных его видов в современном мире⁴ и возможного их проявления в России.

В ходе исследования, с 15 апреля по 5 мая 2019 г., было опрошено 811 студентов с 50 “гуманитарных” и 50 “естественных” факультетов следующих высших учебных заведений: МГУ имени М.В. Ломоносова, РАНХиГС, МПГУ, МГПУ, МГТУ ГА, АГЗ МЧС России, РУДН, МГУКИ, МГТУ имени Н.Э. Баумана, РАМ имени Гнесиных, МГХПА имени С.Г. Строганова, МГАВМиБ имени К.И. Скрябина, МГЮА,

---

¹ *Osipova N.G., Elishev S.O., Pronchev G.B., Monakhov D.N. Social and political portrait of contemporary Russian student youth // Journal of Social Studies Education Research. 2018. Vol. 9. N 1.*

² *Елишев С.О., Таланова К.С. Результаты социологического исследования “Ценностные ориентации современной российской молодежи, особенности процесса их формирования и осуществления молодежной политики” // Социологические исследования социальных проблем современного российского общества. Т. 1. М., 2014; Осипова Н.Г., Елишев С.О., Прончев Г.Б., Монахов Д.Н. Особенности процесса формирования ценностных ориентаций современной российской молодежи и осуществления молодежной политики в Российской Федерации (результаты социологического исследования): Монография. М., 2016; Осипова Н.Г., Елишев С.О., Прончев Г.Б. Динамика представлений российской студенческой молодежи о социально-политических процессах, институтах социализации и субъектах осуществления молодежной политики в период с 2013 по 2017 г.: Научная монография. М., 2018.*

³ *Осипова Н.Г. Неравенство в эпоху глобализации: сущность, институты, региональная специфика и динамика // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2014. № 2.*

⁴ *Осипова Н.Г., Вершинина И.А., Мартыненко Т.С. Неравенство и неопределенность: современные вызовы для городов // Социологические исследования. 2019. № 1.*

МГЛУ, Финансовый Университет при Правительстве РФ, Академия ФСБ России, БВШД, Первый Московский государственный медицинский университет имени И.М. Сеченова, ИЖЛТ, МГИМО, МЭСИ, МИФИ, МАИ, МИИТ, РГУНиГ имени И.М. Губкина, МГАУ-МСХА имени К.А. Тимирязева, МФТИ, ГУУ, МУ МВД России имени В.Я. Кикотя, ПСТГУ, РХТУ имени Д.И. Менделеева, РТА, РЭУ имени Г.В. Плеханова, МАТИ-РГТУ имени К.Э. Циолковского, ВАВТ, НИУ ВШЭ.

45,6% опрошенных являлись лицами мужского пола, а 54,4% — женского. 60,4% опрошенных (т.е. более половины) составили молодые люди в возрасте от 18 до 22 лет, 18,9 — от 23 до 26 лет, 13,3 — от 14 до 18 лет, 7,4% — от 27 до 30 лет.

21,5% опрошенных не имели доходов в 2018 г., 6,5% имели доходы от 0 до 2000 рублей, 6 — от 2000 до 5000 рублей, 19,5 — от 5000 до 15000 рублей, 15,9 — от 15000 до 30000 рублей, 13,9 — от 30000 до 45000 рублей, 16,6% — имели доход свыше 45000 рублей.

38,4% опрошенных оценивают уровень своей материальной обеспеченности как средний, 22,8 — ниже среднего, 12,3 — выше среднего, 12,3 — как низкий, 6,9 — как высокий, 7,4% затруднились дать ответ на поставленный вопрос.

Среди опрошенных респондентов 13,4% имеют собственное жилье (квартиру(-ы), дачу или дома). 86,6% не имеют собственного жилья.

Из числа опрошенных 58,8% определили себя как православных верующих, 9 — как последователей ислама, 8,8 — как протестантов, 3,2 — как последователей иудаизма, 2 — как католиков, 2 — как буддистов, 0,8 — как членов новых религиозных движений, 14,1 — затруднились ответить на поставленный вопрос, 1,2% дали другой ответ.

Среди студентов, отвечавших на вопрос “Как Вы относитесь к вере и религии?”, 29,4% респондентов считают религию важным аспектом в жизни, но не соблюдают религиозные обряды, 19,4 — считают религию важным аспектом в жизни и соблюдают религиозные обряды, 18,6 — являются неверующими, считающими религию бесполезным аспектом в жизни общества, 17,8 — назвали себя неверующими, но считающими религию важным аспектом в жизни общества, 13 — затруднились с ответом на данный вопрос, 1,9% студентов дали иные ответы.

Из числа опрошенных 95,9% не состоят в какой-либо партии или организации, 4,1% респондентов ответили, что являются членами политических партий, движений, организаций.

Состояние современного российского общества и государства

Ответы студентов на вопросы анкеты показали, что в целом московское студенчество адекватно и критично оценивает состояние современного российского общества и государства, понимает причины кризисных явлений, с которыми это состояние связывает.

Так, исследование показало, что более половины студентов (59,7%) согласны с утверждением о том, что “современное российское общество находится в состоянии системного кризиса”. Между тем почти четверть респондентов (24%) отрицает факт наличия кризиса современного российского общества. При этом 15,1% опрошенных не определились с ответом, а 1,1% отметили позицию “другое” (см. рис. 1).

Рис. 1.

Сопоставляя полученные результаты с результатами исследований, проведенных в 2015 и в 2017 гг.⁵, можно констатировать, что они существенным образом не изменились. Хотя за прошедшие с 2017 г. два года количество студентов, считающих, что “современное российское общество находится в состоянии системного кризиса”, увеличилось на 3,9%. На 1,8% снизилось количество студентов, отрицающих факт наличия кризиса современного российского общества. На 3,1% уменьшилось количество студентов, затруднившихся с ответом на данный вопрос, а вот количество опрошенных, давших иные ответы, осталось практически без изменений.

Ответы студентов на вопрос “согласны ли Вы с утверждением о том, что современное российское государство находится в состоя-

⁵ Осипова Н.Г., Елишев С.О., Прончев Г.Б., Монахов Д.Н. Представления студенческой молодежи о процессах и институтах социализации и субъектах молодежной политики в современной России (по результатам социологического мониторинга 2013–2017 гг.) // Труд и социальные отношения. 2017. № 5.

нии системного кризиса?” (см. рис. 2), распределились практически аналогичным образом.

Рис. 2.

Так, больше половины московских студентов (61,1%) согласились с утверждением о том, что “современное российское государство находится в состоянии системного кризиса”, что на 4,9% больше, чем в 2017 г. (56,2%). 22,2% московских студентов не согласились с фактом его наличия, что на 3,2% меньше, чем в 2017 г. (25,4%). На 2,3% уменьшилось количество студентов, затруднившихся с ответом (с 18,1% в 2017 г. до 15,8% в 2019 г.). На 0,7% увеличилось количество студентов, давших иные ответы (с 0,2% в 2017 г. до 0,9% в 2019 г.).

Исследование показало, что московские студенты, признающие наличие системного кризиса современного российского государства и/или общества, серьезно задумываются над его причинами⁶. Так, на первом месте среди причин системного кризиса современного российского общества и/или государства по-прежнему стоит “навязывание СМИ стандартов общества потребления, американского образа жизни, культа денег и насилия” (47,1%), хотя это на 6% меньше, чем в 2017 г. (53,1%), на 12,5% меньше, чем в 2015 г. (59,6% ответов) и на 9,5% меньше, чем в 2013 г. (56,6% ответов). Тем не менее, данная причина по-прежнему лидирует среди предложенных вариантов ответов.

На втором месте (как и в 2015 и в 2013 гг., но не в 2017 г. — 4-е место⁷) среди причин системного кризиса современного российского

⁶ Осипова Н.Г. Рыночный фундаментализм как источник глобального социального неравенства // Представительная власть — XXI век: законодательство, комментарии, проблемы. 2018. № 5–6.

⁷ Осипова Н.Г., Елишев С.О., Прончев Г.Б., Монахов Д.Н. Представления студенческой молодежи о процессах и институтах социализации и субъектах молодежной политики в современной России (по результатам социологического мониторинга 2013–2017 гг.).

общества и/или государства, находится “утрата духовности и уход от культурных традиций” (44,2%), т.е. почти столько же, сколько в 2017 г. (44,5%), на 7,9% меньше, чем в 2015 г. (52,1% ответов) и на 10,9% больше, чем в 2013 г. (33,3%). На третьем месте (как и в 2017 и в 2015 гг.) среди ответов о причинах кризиса оказался следующий вариант: “кризисные явления в экономической сфере управления обществом” (41,6%), что на 4,3% меньше, чем в 2017 г. (45,9%), и на 3% больше, чем в 2015 г. (44,6% ответов). На четвертом месте — “социальное неравенство” (36,2%) (данная причина среди предложенных вариантов ответов была внесена в анкету исследования в 2019 г.). На пятом месте — “глобальный кризис политической, социально-экономической, культурной сфер жизни мирового сообщества” (34,9%), т.е. на 12,3% меньше, чем в 2017 г. (47,2% — 2-е место среди ответов студентов), и на 11,3% меньше, чем в 2015 г. (46,2% — 3-е место среди ответов студентов).

Таблица 1

Распределение ответов студентов на вопрос “Что на Ваш взгляд, является причинами подобного кризиса?”

Варианты ответов	%
Навязывание СМИ стандартов общества потребления, “американского образа жизни”, культ денег и насилия	47,1
Утрата духовности, уход от культурных традиций	44,2
Кризисные явления в экономической сфере управления обществом	41,6
Социальное неравенство	36,2
Глобальный кризис политической, социально-экономической, культурной сфер жизни мирового сообщества	34,9
Деструктивные действия “пятой колонны” (внутренних врагов, предателей) внутри России	28,3
Другое	3,7
Затрудняюсь ответить	12,2

Чуть более четверти (28,3%) студентов московских вузов считают причиной кризиса современного российского общества и/или государства «деструктивные действия “пятой колонны” (внутренних врагов, предателей) внутри России», т.е. по сути агентов глобализма, разлагающих российское общество изнутри антисоциальных элементов; и это на 1,1% меньше, чем в 2017 г. (29,4%), практически столько же, сколько и в 2015 г. (28%) и на 20% больше, чем в 2013 г. (8,3%). 3,7% молодых людей (фактически столько же, сколько в 2017 г., на 5,7% меньше, чем в 2015 г. (9,4%) и на 2,7% меньше, чем в 2013 г.

(6,4%)⁸) указали на другие причины. 12,2% респондентов затруднились с ответом на данный вопрос (на 4,5% меньше, чем в 2017 г. (16,7%), на 7,3% больше, чем в 2015 г. (4,9%) и на 2,8% меньше, чем в 2013 г. (15%), см. табл. 1).

Ответы студентов на вопрос “Что, по Вашему мнению, более всего угрожает безопасности России?”, распределились следующим образом.

Более половины (61,9%) молодых людей основной угрозой для безопасности России назвали коррупцию на различных уровнях власти (что на 13,1% больше, чем в 2017 г. (48,8%), на 2,9% больше, чем в 2015 г. (59%)); 21,2% — социальное неравенство (на 14,2% меньше, чем в 2017 г. (35,4% — расслоение общества на богатых и бедных) и на 0,3% меньше, чем в 2015 г. (21,5% — расслоение общества на богатых и бедных)⁹); 12,2% — действия “пятой колонны” (на 2,6% меньше, чем в 2017 г. (14,8%), на 7,4% меньше, чем в 2015 г. (19,6%)). 4,6% студентов предложили собственные варианты ответов (на 3,6% больше, чем в 2017 г. (1%), на 12% меньше, чем в 2015 г. (16,6%)¹⁰, см. рис. 3).

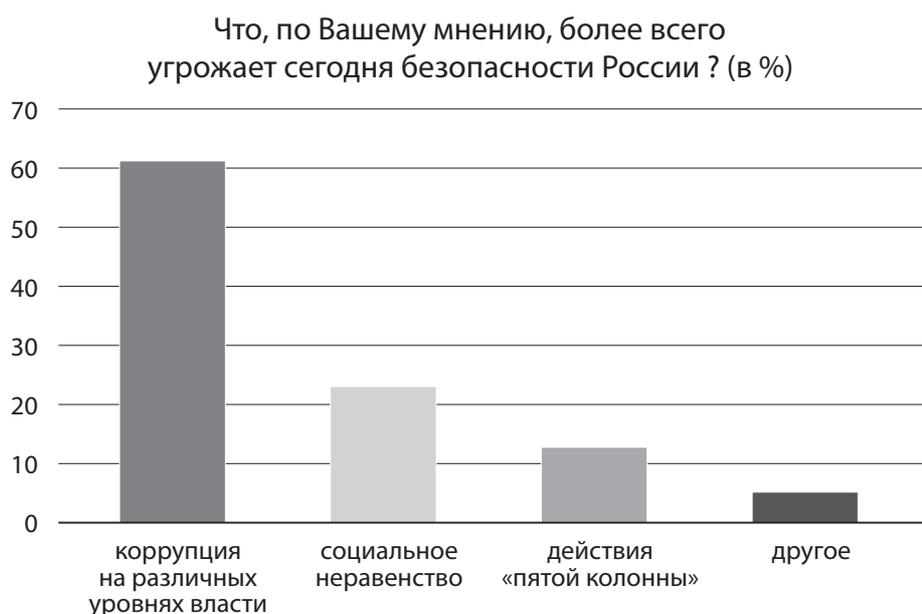

Рис. 3. Роль социальных институтов в формировании ценностных ориентаций

⁸ Осипова Н.Г., Елишев С.О., Прончев Г.Б., Монахов Д.Н. Представления студенческой молодежи о процессах и институтах социализации и субъектах молодежной политики в современной России (по результатам социологического мониторинга 2013–2017 гг.).

⁹ Осипова Н.Г., Елишев С.О., Прончев Г.Б., Монахов Д.Н. Представления студенческой молодежи о процессах и институтах социализации и субъектах молодежной политики в современной России (по результатам социологического мониторинга 2013–2017 гг.).

¹⁰ Там же.

Исследование 2019 г., как и исследования предыдущих лет, подтвердило тот факт, что сегодня влияние различных социальных институтов и механизмов, воздействующих на формирование ценностных ориентаций современной российской молодежи, существенно возросло.

При этом ведущие позиции по-прежнему принадлежат СМИ (69,1%) (на 2,8 меньше, чем в 2017 г. (72,9%), на 8,9% меньше, чем в 2015 г. (78% ответов), но на 7,2% больше, чем в 2013 г. (61,9%)¹¹). Второе место по числу ответов занимает институт семьи (64,1%, на 0,5% больше, чем в 2017 г. (63,6%)), на 10,6% меньше, чем в 2015 г. (74,7% ответов), но на 9,1% больше, чем в 2013 г. (55%). Третье — система образования (45,8%) — на 5,7% меньше, чем в 2017 г. (51,5%), на 9,5% меньше, чем в 2015 г. (55,3% ответов), но на 9,7% больше, чем в 2013 г. (36,1%). На четвертом месте в ряду рассматриваемых позиций (28,3%) — общественные объединения и организации (5-е место в 2017 г., 4-е — в 2013 и 2015 гг.), что на 0,5% больше, чем в 2017 г. (27,8%), на 1,8% меньше, чем в 2015 г. (30,1%), но на 6,9% больше, чем в 2013 г. (21,4%). Пятое место заняли органы государственной власти и местного самоуправления (27,1%), что на 3,2% меньше, чем в 2017 г. (30,3% ответов), на 10,5% больше, чем в 2015 г. (16,6%) и на 16% больше, чем в 2013 г. (11,1%).

Шестое место, как и в 2017 г. (пятое место в 2013 и 2015 гг.), заняли традиционные религиозные конфессии (православие, ислам, буддизм, иудаизм). В процентном отношении налицо положительная динамика в оценке данного института: 26,4% ответов в 2019 г., что на 4% больше, чем в 2017 г. (22,4%), на 5,2% больше, чем в 2015 г. (21,2%) и на 10,2% больше, чем в 2013 г. (16,2%). Крупные хозяйственные объединения и организации, как и в 2017 и 2015 гг., заняли по-прежнему седьмое место (8-е место — в 2013 г.). Они получили 18,1%, что на 2,1% больше, чем в 2017 г. (16% ответов), на 8,2% больше, чем в 2015 г. (9,9%), а также на 12,7% больше, чем в 2013 г. (5,4%). На восьмом месте (также 8-е место в 2017 и 2015 гг., 7-е место в 2013 г.) стоит армия. Отношение к армии как институту, оказывающему наиболее эффективное воздействие на формирование ценностных ориентаций современной российской молодежи, изменилось незначительно: оно выросло на 1,2% по сравнению с результатами исследования 2017 г. (с 9,8% в 2017 г. до 11% в 2019 г.), на 3,3% по сравнению с результатами исследования 2015 г. (7,7%) и на 3,1% по сравнению с результатами исследования 2013 г. (7,9%) (см. рис. 4).

---

¹¹ Там же.

Какие институты современного общества оказывают наиболее эффективное воздействие на формирование ценностных ориентации молодёжи? (в %)

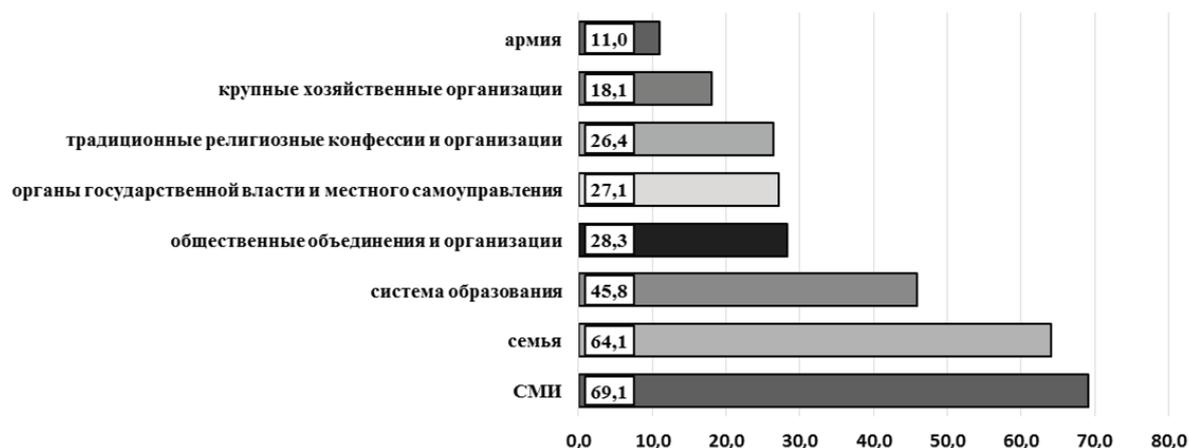

Рис. 4.

Исследование показало, что тремя базовыми факторами, оказывающими наиболее эффективное воздействие на формирование ценностных ориентаций современной российской молодежи, на взгляд студентов, по-прежнему являются СМИ, институты семьи и образования (несмотря на некоторое ухудшение позиций ряда из них).

Роль средств массовой информации в формировании ценностных ориентиров

С учетом значимости роли СМИ¹² не только в формировании общественного мнения, но и более глубоких элементов мировоззрения человека, его ценностных ориентаций, московским студентам был задан вопрос “Какие ценностные ориентиры, на Ваш взгляд, пытаются сформировать федеральные средства массовой информации?” Ответы студентов на данный вопрос распределились следующим образом.

По мнению студентов московских вузов, федеральные СМИ в настоящее время формируют следующие социально одобряемые (позитивные) ценностные ориентиры:

- патриотизм (47% ответов, что на 0,1% больше, чем в 2017 г. (46,9%), на 11,7% меньше, чем в 2015 г. (58,7% ответов), на 26,7% больше, чем в 2013 г. (20,3%)¹³);

¹² *Osipova N.G., Elishev S.O., Pronchev G.B.* Mass information media and propaganda mouthpiece as a tool for manipulating and social inequality factor among the young people // *Astra Salvensis*. 2018. Vol. 6.

¹³ *Осипова Н.Г., Елишев С.О., Прончев Г.Б., Монахов Д.Н.* Представления студенческой молодежи о процессах и институтах социализации и субъектах молодежной политики в современной России (по результатам социологического мониторинга 2013–2017 гг.).

- веру в Бога (30% ответов, что на 4,9% больше, чем в 2017 г. (25,1%), на 11,9% больше, чем в 2015 г. (18,1%) и на 20% больше, чем в 2013 г. (10%));
- здоровый образ жизни (28%; это на 3,6% меньше, чем в 2017 г. (31,6% ответов), на 5,6% меньше, чем в 2015 г. (33,6% ответов) и на 5% больше, чем в 2013 г. (здоровье — 23%));
- трудолюбие (21,8%, что на 3,8% меньше, чем в 2017 г. (25,6% ответов), на 3,7% больше, чем в 2015 г. (18,1% ответов) и на 8% больше, чем в 2013 г., когда вариант ответа “труд” выбрали 13,8%);
- доброту (20,9% ответов, что на 1,3% больше, чем в 2017 г. (19,6%), на 7,5% больше, чем в 2015 г. (13,4%) и на 10,4% больше, чем в 2013 г. (10,5%));
- семейное благополучие (11,8% ответов, что на 12,8% меньше, чем в 2017 г. (24,6%), на 9% меньше, чем в 2015 г. (20,8%) и на 5,2% меньше, чем в 2013 г. (17%));
- любовь к ближнему (9,5% ответов, что на 9,5% меньше, чем в 2017 г. (19%), на 2,1% меньше, чем в 2015 г. (11,6%) и на 11,5% меньше, чем в 2013 г., когда вариант ответа “любовь” набрал 21%).

Среди не одобряемых обществом (негативных) ценностных ориентиров, которые формируют СМИ, студенты указали:

- потребительство (45,5% ответов, что на 8,2% больше, чем в 2017 г. (37,3%), на 2,2% меньше, чем в 2015 г. (47,7% ответов) и на 13% меньше, чем в 2013 г. (58,5%));
- культ денег (44,7% ответов, что на 4,6% больше, чем в 2017 г. (40,1%), на 2,5% меньше, чем в 2015 г. (47,2% ответов) и на 24,8% меньше, чем в 2013 г. (69,5%));
- эгоизм (26,9% ответов, что на 0,7% больше, чем в 2017 г. (26,2%), на 7,6% больше, чем в 2015 г. (19,3% ответов) и на 19,4% меньше, чем в 2013 г. (46,3%));
- склонность к насилию (23,8% ответов, что на 4% больше, чем в 2017 г. (19,8%), на 3,5% больше, чем в 2015 г. (20,3%) и на 19,7% меньше, чем в 2013 г. (43,5%));
- принятие западного образа жизни (19,4% ответов, что на 11,5% меньше, чем в 2017 г. (30,9%), на 12,1% меньше, чем в 2015 г. (31,5% ответов) и на 32,6% меньше, чем в 2013 г. (52%));
- сексуальную распущенность (17,5% ответов, что на 6,2% меньше, чем в 2017 г. (23,7%), на 8,2% меньше, чем в 2015 г. (25,7%) и на 43,8% меньше, чем в 2013 г. (61,3%); см. рис. 5).

Какие ценностные ориентиры пытаются формировать федеральные средства массовой информации у современной российской молодёжи? (в %)

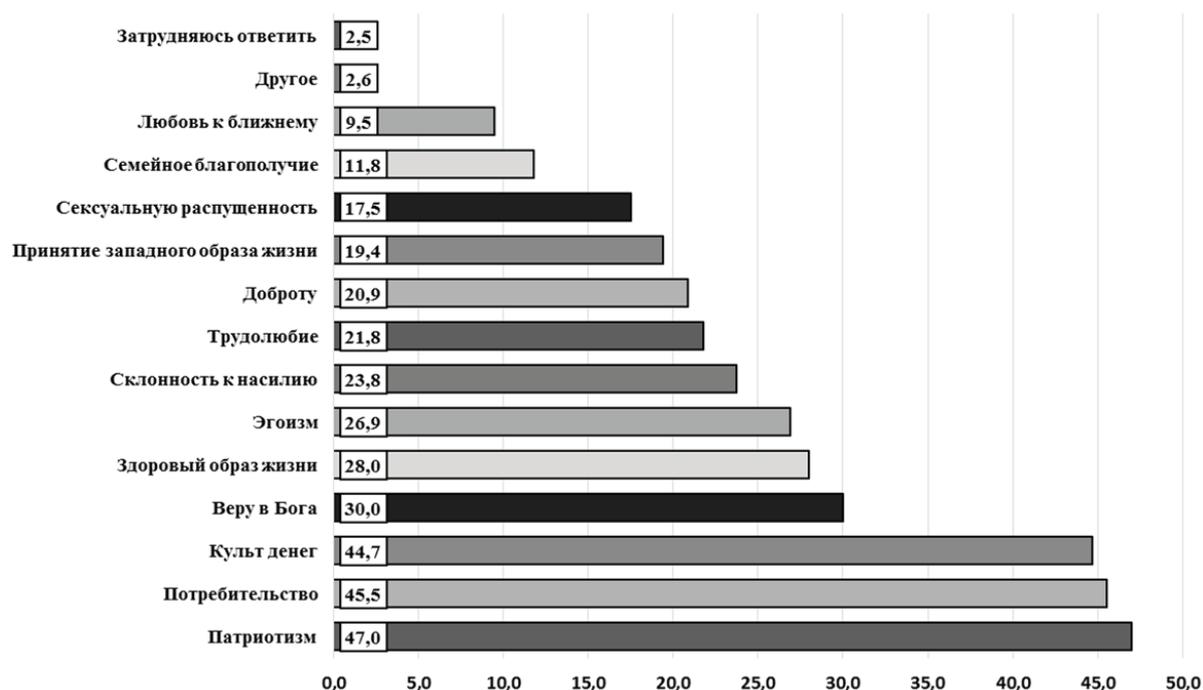

Рис. 5.

Таким образом, на взгляд студентов, федеральные СМИ формируют как позитивные, так и негативные ориентиры, чередующиеся между собой по занимаемым позициям.

Позитивные и негативные явления в молодежной среде

Особо значимый интерес в рамках данного исследования вызывает оценка студентами факта наличия или отсутствия патриотических настроений в молодежной среде, а также степени распространенности ряда негативных явлений в молодежной среде¹⁴.

Исследование показало, что 58,3% московских студентов считают, что патриотизм сильно распространен в молодежной среде, 30,1% — что не распространен, а 11,6% затруднились с ответом.

Среди негативных явлений, распространенных, по мнению студентов, в молодежной среде были отмечены следующие явления (по степени убывания распространенности): потребительство (69,9% ответов), внебрачные половые отношения (67,4%), подражание западному образу жизни (64,9%), эгоизм (62,1%), праздный образ жизни (59,8%), приспособленчество (58,1%), равнодушие (57,9%), карьеризм (56%), нарушения общественного порядка (50,3% ответов).

¹⁴ Елишев С.О. Социальные последствия манипуляций молодежью // Труд и социальные отношения. 2019. № 1; Васенина И.В., Прончев Г.Б. Речевая агрессия в социальных сетях Интернета // Образование и право. 2018. № 2.

В меньшей степени, на взгляд студентов, распространены тяга к коррупции, незаконному обогащению (47% ответов), беспринципность (46,2%), иждивенчество (43,1%), гомосексуализм (34,5%), экстремизм (32,6%), шовинизм (21,6% ответов) (см. рис. 6).

Таким образом, очевидно, что студенты ясно осознают наличие различных негативных явлений в молодежной среде и проявляют в достаточной степени критическое отношения к ним.

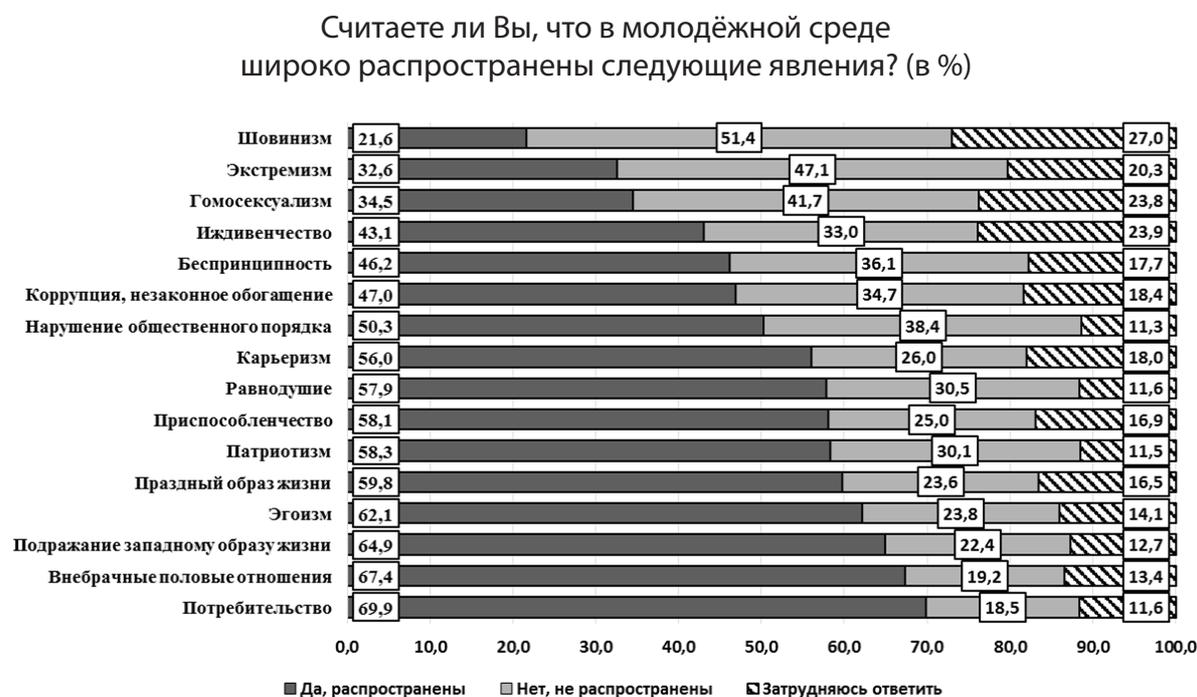

Рис. 6.

При этом, как показало настоящее исследование, большинство московских студентов (72,2%) положительно относятся к патриотизму. Хотя в сравнении с результатами 2017 г. налицо снижение уровня патриотизма в молодежной среде: количество студентов, позитивно оценивающих патриотизм, уменьшилось на 12% по сравнению с 2017 г. (84,2% ответов). Это также на 13,3% меньше, чем в 2015 г. (85,5%) и на 6,7% меньше, чем в 2013 г. (78,9%)¹⁵.

15,1% студентов выразили свое негативное отношение к патриотизму, что на 9,7% больше, чем в 2017 г. (5,4%), на 9,8% больше, чем в 2015 г. (5,3%) и на 6,5% больше, чем в 2013 г. (8,6%). 12,7% молодых людей затруднились выразить собственное отношение к патриотизму, что на 2,3% больше, чем в 2017 г. (10,4%), на 3,5% больше, чем

¹⁵ Осипова Н.Г., Елишев С.О., Прончев Г.Б., Монахов Д.Н. Представления студенческой молодежи о процессах и институтах социализации и субъектах молодежной политики в современной России (по результатам социологического мониторинга 2013–2017 гг.).

в 2013 г. (9,2%) и практически столько же, сколько в 2013 г. (12,5%). Иными словами, вслед за патриотическим подъемом, вызванным событиями 2014–2017 гг. (воссоединение Крыма с Россией, принятие антироссийских санкций, обострение геополитической обстановки), настроения в молодежной среде претерпели определенные изменения однозначно негативного характера — произошло очевидное снижение позитивной оценки данного феномена.

В связи с этим абсолютно неудивительно, что подобного рода тенденция сразу же сказалась и на оценке студентами различных социально негативных явлений в молодежной среде, что однозначно вызывает серьезное беспокойство. Речь идет об усилившейся и все еще значительной в процентном отношении положительной оценке студентами московских вузов таких традиционно негативных явлений, как:

- карьеризм (45% ответов, что на 3,4% больше, чем в 2017 г. (41,6%), хотя это и на 12,9% меньше, чем в 2015 г. (58,1% ответов), а также на 19,2% меньше, чем в 2013 г. (64,2% ответов)¹⁶);
- внебрачные половые отношения (33,2% ответов, что на 6,3% больше, чем в 2017 г. (26,9%), практически столько же, сколько в 2015 г. (33,6% ответов) и в 2013 г. (33,8%));
- приспособленчество (28,7% ответов, что на 3,5% больше, чем в 2017 г. (25,2%), хотя это и на 13,2% меньше, чем в 2015 г. (41,9% ответов) и на 17,9% меньше, чем в 2013 г. (46,6% ответов)).

При этом очевидно, что значимая часть современных молодых людей по-прежнему не понимает негативной смысловой нагрузки таких категорий, как “карьеризм” и “приспособленчество”, считает их лишь способом успешного продвижения по службе и воспринимает положительно.

Увеличилось также количество студентов, положительно оценивающих подражание западному образу жизни (28,4% ответов, что на 7,9% больше, чем в 2017 г. (20,5%), на 5% больше, чем в 2015 г. (23,4%) и на 9,8% больше, чем в 2013 г. (18,6% ответов)).

Не вызывают особого неприятия у студентов праздный образ жизни (19,3%), что практически неизменно по сравнению с 2017 г. (19,1%) и на 4,3% меньше, чем в 2015 г. (23,6% ответов), а также на 5,9% меньше, чем в 2013 г. (5,7% ответов).

Особую озабоченность вызывает увеличившаяся на 9,4% (с 10,3% в 2017 г. до 19,7% в 2019 г.) положительная оценка гомосексуализма, что на 8,4% больше, чем в 2015 г. и на 11,4% больше, чем

---

¹⁶ Там же.

в 2013 г. (8,3% ответов). На 16% уменьшилось количество молодых людей, негативно оценивающих данное явление (с 70,8% в 2017 г. до 54,8% в 2019 г.), что на 14,3% меньше, чем в 2015 г. (69,1% ответов) и на 20,4% меньше, чем в 2013 г. (75,2% ответов). Помимо этого, 25,5% студентов затруднились дать оценку гомосексуализму, что на 6,6% больше, чем в 2017 г. (18,9%), на 5,9% больше, чем в 2015 г. (19,6% ответов) и на 9,1% больше, чем в 2013 г. (16,4%). Иными словами, явно проявляется успех пропаганды различных ЛБГТ-сообществ и очевидные сбои в функционировании традиционных институтов социализации (см. рис. 7).

Как Вы оцениваете наличие следующих явлений в молодёжной среде? (в %)

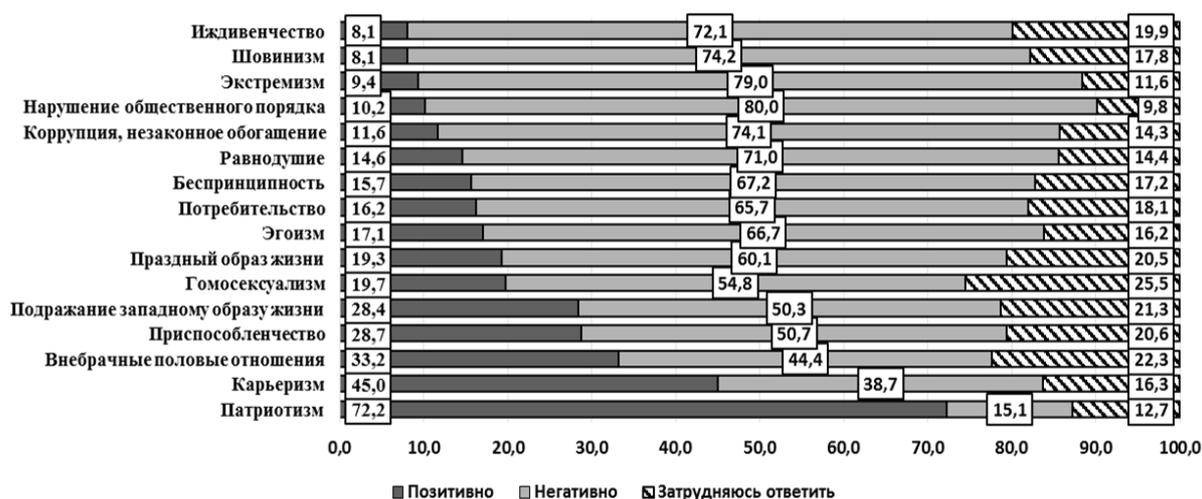

Рис. 7.

Деятельность государственных, политических деятелей, традиционных религиозных конфессий

В исследовании также выявлялось отношение студентов к деятельности различных государственных и политических деятелей Российской Федерации. Распределение ответов на вопрос анкеты «Одобряете ли Вы деятельность следующих государственных и политических деятелей?» дало такие результаты.

Среди государственных и политических деятелей по-прежнему лидирует Президент РФ (В.В. Путин), доверие которому оказали 63% студентов, хотя это на 19,3% меньше, чем в 2017 г. (82,3%), на 18,2% меньше, чем в 2015 г. (81,2%) и на 1,2% меньше, чем в 2013 г. (64,2% ответов)¹⁷. Одновременно с определенным снижением уровня до-

¹⁷ Осипова Н.Г., Елишев С.О., Прончев Г.Б., Монахов Д.Н. Представления студенческой молодежи о процессах и институтах социализации и субъектах молодежной политики в современной России (по результатам социологического мониторинга 2013–2017 гг.).

верия к деятельности Президента РФ на 12,6% выросло количество молодых людей, не одобряющих его деятельность (с 7% в 2017 г. до 19,6% в 2019 г.). В сопоставлении с данными исследований 2015 и 2013 гг., количество студентов, не одобряющих деятельность Президента РФ, изменилось в большую сторону на 12,1% (с 7,5% в 2015 г. до 19,6% в 2019 г.) и практически осталось неизменным в сопоставлении с данными 2013 г. (18,9%). На 6,7% увеличилось количество студентов, затруднившихся с ответом на данный вопрос (с 10,7% в 2017 г. до 17,4% в 2019 г.), и, соответственно, на 6,1% больше, чем в 2015 г. (с 11,3% в 2015 г. до 17,4% в 2019 г.).

Несмотря на определенное снижение уровня одобрения деятельности Президента РФ среди московских студентов, возможно связанное с пропагандой и активной деятельностью различных субъектов общественной жизнедеятельности по организации протестных акций с вовлечением в них молодежи и попыток дискредитации В.В. Путина, Президент РФ как национальный лидер и глава государства пользуется поддержкой большинства московских студентов, как и большинства населения России, что коррелируется с результатами исследования ВЦИОМ, проведенного с 15 по 21 апреля 2019 г., в соответствии с которым уровень “одобрения деятельности Президента РФ составил 63,6%”¹⁸.

Второе место по популярности у студентов (52,3% ответов) среди российских государственных и политических деятелей, занял мэр столицы С.С. Собянин: его позиции улучшились на 12,3% по сравнению с результатами 2017 г. (40%, 5-е место) и практически достигли показателей 2015 г. (53,3%, 4-е место). Улучшение его позиций в рейтинге одобрения/неодобрения государственных и политических деятелей можно рассматривать как результат очевидных успехов в масштабной реконструкции и благоустройстве города Москвы, а также прекращения тенденциозного освещения в ряде СМИ и социальных сетях процесса принятия закона о реновации жилья в городе Москве.

Третье место занял министр иностранных дел РФ С.В. Лавров. При этом его позиции ухудшились примерно в той же пропорции, что и позиции Президента РФ (на 21,3%): с 68,3% в 2017 г. (2-е место) до 47% в 2019 г. и на 20,4% в сопоставлении с данными 2015 г. (67,4%, 2-е место).

---

¹⁸ Рейтинги доверия политикам, одобрения работы государственных институтов, рейтинги партий. Инициативные всероссийские опросы “ВЦИОМ-Спутник” февраль–апрель 2019. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9676> (дата обращения: 06.09.2019).

На четвертом месте — министр обороны РФ С.К. Шойгу, уровень доверия к которому также снизился в схожей пропорции — на 22,5%, (с 67,4% в 2017 г., 3-е место, до 44,9% в 2019 г. и на 20% в сопоставлении с данными 2015 г. (64,9% — 3-е место)).

Пятое место, улучшив свои позиции в рейтинге, занял министр культуры РФ В.Р. Мединский. Хотя в процентном соотношении уровень одобрения его деятельности (27,3%) также снизился: на 10,2% в сравнении с данными 2017 г. (37,5%, 6-е место) и на 11% в сравнении с данными 2015 г. (38,3%, 6-е место).

Шестое место занял Председатель Правительства РФ Д.А. Медведев. Уровень доверия ему понизился в схожей пропорции, что у Президента РФ, министра иностранных дел и министра обороны. Одобряют деятельность Д.А. Медведева 24,9% студентов, это на 20,4% меньше, чем в 2017 г. (45,3%, 4-е место) и на 13,6% меньше, чем в 2015 г. (38,5%, 4-е место).

Седьмое место в рейтинге одобрения деятельности государственных и политических деятелей занял новый (на время проведения опроса) министр науки и высшего образования М.М. Котюков: его деятельность одобряют 22,8% опрошенных студентов (см. рис. 8).

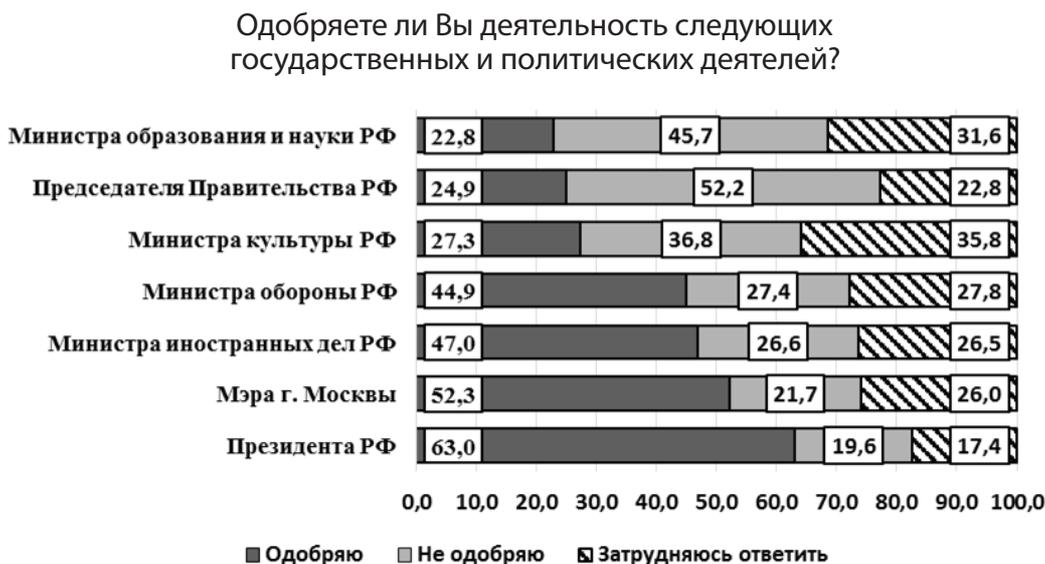

Рис. 8.

Анализ ответов на данный вопрос в сопоставлении с результатами исследования 2015 и 2017 гг.¹⁹ позволяет сделать вывод, что снижение уровня патриотических настроений среди студентов

¹⁹ Осипова Н.Г., Елишев С.О., Прончев Г.Б., Монахов Д.Н. Представления студенческой молодежи о процессах и институтах социализации и субъектах молодежной политики в современной России (по результатам социологического мониторинга 2013–2017 гг.).

московских вузов закономерно совпало со снижением уровня одобрения деятельности Президента РФ, а также министров иностранных дел и обороны, которые принимали самое активное участие в решении целого круга проблем, связанных с событиями 2014–2017 гг. (воссоединение Крыма с Россией, экономические санкции, обострение геополитической обстановки, информационная война против России).

Если же обратиться к анализу ответов студентов на вопрос “Одобряете ли Вы деятельность следующих государственных, религиозных и социально-политических институтов?”, то можно констатировать, что снижение уровня патриотических настроений среди московской студенческой молодежи также коррелируется с оценкой деятельности государственных, религиозных и социально-политических институтов.

Среди государственных, религиозных и социально-политических институтов наибольшее доверие у молодых людей по-прежнему вызывает государство: его деятельность одобрили 48,1% студентов, что в то же время на 21,2% меньше, чем в 2017 г. (69,3%) и на 8,6% меньше, чем в 2015 г. (56,7%). На 14,8% увеличилось количество студентов, негативно оценивающих деятельность данного института (с 13,6% в 2017 г. до 28,4% в 2019 г.)²⁰.

Традиционные для России религиозные конфессии (православие, ислам, буддизм, иудаизм) и их организации заняли второе место по степени доверия со стороны студентов. Деятельность данного института в 2019 г. одобрили 47% студентов, что на 21,1% меньше, чем в 2017 г. (68,1%), на 12,8% меньше, чем в 2015 г. (59,8%), и на 11,1% меньше, чем в 2013 г. (58,1% ответов). На 14% в сравнении с данными 2017 г. увеличилась неодобрительная оценка их деятельности (с 15,5% в 2017 г. до 29,5% в 2019 г.), а в сравнении с результатами 2015 г. — на 8,8% (с 20,7% в 2015 г. до 29,5% в 2019 г., что в свою очередь на 10,9% меньше, чем в 2013 г. (18,6%)).

Третье, четвертое и пятое места, как и в 2017 и в 2015 гг., заняли, соответственно, армия (3-е место), правоохранительные органы (4-е место) и крупные хозяйственные объединения/корпорации (5-е место). Количество студентов (40,1%), одобрительно относящихся к армии, сократилось на 10,1% по сравнению с 2017 г. (50,2%), на 16% сравнению с 2015 г. (56,1%), на 9,2% по сравнению с 2013 г. (49,3%, когда институт армии занял 4-е место). 36,1% студентов одобрили

---

²⁰ Осипова Н.Г., Елишев С.О., Прончев Г.Б., Монахов Д.Н. Представления студенческой молодежи о процессах и институтах социализации и субъектах молодежной политики в современной России (по результатам социологического мониторинга 2013–2017 гг.).

деятельность правоохранительных органов, что на 6,7% меньше, чем в 2017 г. (42,8%), на 6,2% меньше, чем в 2015 г. (42,3% ответов) и на 3% больше, чем в 2013 г. (33,1% ответов, 9-е место).

Деятельность крупных хозяйственных объединений одобрили 33,9% молодых людей, что на 4,4% меньше, чем в 2017 г. (38,3%), на 6,3% меньше, чем в 2015 г. (40,2%) и на 10% меньше, чем в 2013 г. — 43,9% ответов.

На шестом месте по уровню доверия со стороны студентов суды (33,5%), поэтапно улучшающие свои позиции в рейтинге: в 2017 г. — 35,6% положительных ответов, 8-е место (хотя в процентном соотношении их позиции ухудшились на 2,1%), в 2015 г. 36,2% положительных оценок, 7-е место (в процентном соотношении ухудшение на 2,7%), в 2013 г. 29,2% положительных оценок, 12-е место в рейтинге (улучшение на 4,3%). На седьмом месте остались профсоюзы: 32,7% ответов, что на 2,9% меньше, чем в 2017 г. (35,6%), на 7% меньше, чем в 2015 г. (39,7%) и на 4,3% меньше, чем в 2013 г. (37%, 6-е место). На восьмом месте (26%) — политические партии и движения: их деятельность одобрили на 11,5% меньше, чем в 2017 г. (37,5%), на 7,5% меньше, чем в 2015 г. (33,5%) и на 5,9% меньше, чем в 2013 г. (31,9%). На девятом месте — СМИ (25,2%), что на 5,6% меньше, чем в 2017 г. (30,8%), на 6% меньше, чем в 2015 г. (31,2%), и на 8,6% меньше, чем в 2013 г. (33,8%, 8-е место).

Последнее, десятое, место, как и в 2017 и 2015 гг., занимают нетрадиционные для России религиозные объединения и организации (секты) — 12,7% положительных ответов их деятельности, что на 2,5% больше, чем в 2017 г., на 5,7% больше, чем в 2015 г. (7% ответов). Уровень неодобрения их деятельности снизился на 0,9% (с 67,1% в 2017 г. до 66,2% в 2019 г.); в сравнении с данными 2015 г., соответственно, уменьшился на 15,6% (с 81,8% в 2015 г. до 66,2% в 2019 г.), (см. рис. 9).

Одобряете ли Вы деятельность следующих государственных, религиозных, политических и социальных институтов? (в %)

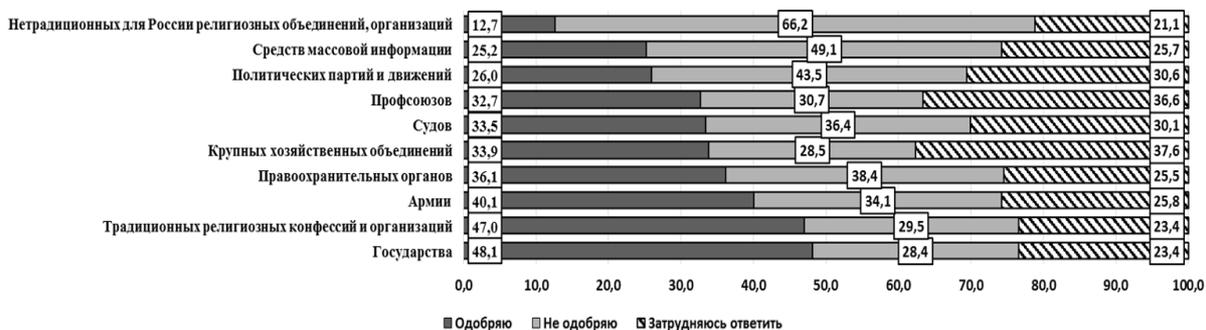

Рис. 9.

В целом, как и в предыдущие годы, можно констатировать позитивное отношение значительной части студентов к деятельности государства и его институтов (армия, правоохранительные органы, суды). Высокую степень одобрения также вызывает деятельность традиционных для России религиозных конфессий (православие, ислам, буддизм, иудаизм) и их организаций. Одобрительное отношение студентов к этим базовым социальным институтам современного российского общества свидетельствует о явном понимании студентами роли и места этих институтов в жизнедеятельности российского общества и их эффективном функционировании последние четыре года. В то же время нельзя не отметить, что снижение их рейтинга в процентном соотношении практически совпало со снижением рейтинга Президента РФ В.В. Путина, что возможно косвенно свидетельствует о том, что оценка деятельности этих институтов в сознании молодых людей отождествляется с деятельностью главы государства и национального лидера.

Отношение к крупным хозяйственным объединениям (корпорациям), профсоюзам, политическим партиям и организациям осталось практически неизменным. Также существенно не изменилось неодобрительное отношение к деятельности нетрадиционных для России религиозных объединений и организаций (сект).

Потенциальные возможности российской молодежи

Несмотря на весьма патриотичные и оптимистичные настроения студенческой молодежи (как показали исследования 2013, 2015, 2017, 2019 гг.) важно понимать, насколько социально активна эта часть общества, стремится ли она внести свой вклад в возрождение России.

Настоящее исследование показало, что количество молодых людей, считающих, что современная российская молодежь способна внести свой вклад в возрождение России, в 2019 г. (55,6%) уменьшилось на 14,7% по сравнению с результатами исследования 2017 г. (70,3%), на 15,8% по сравнению с результатами исследования 2015 г. (71,4%), хотя это на 11,5% больше, чем в 2013 г. (44,1%). 26,6% студентов считают, что современная молодежь не способна это сделать, что на 7,5% больше, чем в 2017 г. (19,1%), на 12,3% больше, чем в 2015 г. (14,3), но на 2,1% меньше, чем в 2013 г. (28,7%)²¹.

---

²¹ Осипова Н.Г., Елишев С.О., Прончев Г.Б., Монахов Д.Н. Представления студенческой молодежи о процессах и институтах социализации и субъектах молодежной политики в современной России (по результатам социологического мониторинга 2013–2017 гг.).

Число студентов, затруднившихся с ответом на данный вопрос (15,5%), увеличилось на 5,6% по сравнению с результатами 2017 г. (9,9%), на 5,4% — по сравнению с результатами 2015 г. (10,1%), и уменьшилось на 4,4% по сравнению с результатами 2013 г. (19,9%). Число студентов, отметивших позицию “другое” (2,3%), увеличилось на 1,6% по сравнению с результатами 2017 г. (0,7%), сократилось на 1,8% по сравнению с результатами 2015 г. (4,1%) и на 5,1% — по сравнению с результатами исследования 2013 г. (7,4%) (см. рис. 10).

В состоянии ли, на Ваш взгляд, современная российская молодёжь, внести свой вклад в возрождение России?

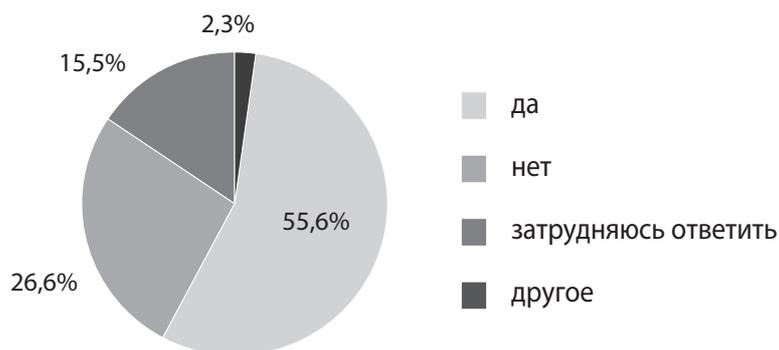

Рис. 10.

В целом, подводя итоги проведенного авторами социологического мониторинга представлений студенческой молодежи о социально-политических процессах, институтах социализации и субъектах молодежной политики (2013–2019 гг.), можно констатировать, что в настоящее время выявлено определенное снижение патриотических настроений в молодежной среде.

При этом нельзя не отметить тревожные тенденции, связанные с превалированием в ценностях молодых людей потребительских ориентаций. Анализ результатов социологического мониторинга 2013–2019 гг., коррелирующий с рядом исследований последних лет, свидетельствует о положительной динамике оценки молодыми людьми целого ряда традиционно негативных явлений (например, карьеризма, внебрачных половых отношений, приспособленчества, праздного образа жизни, потребительства).

Эти и другие проблемные особенности функционирования систем ценностных ориентаций современной российской молодежи однозначно способствуют расширению зоны ее десоциализации, проявлению асоциальных и противоправных форм ее самореализации, развитию различных контркультур, усилению конфликтной напряженности и агрессивности молодых людей, росту экстремизма в молодежной среде. В условиях перманентного политического,

социально-экономического и духовного кризиса в современном мире, обострения геополитической обстановки все обозначенные проблемные обстоятельства в процессах социализации и формирования ценностных ориентаций молодежи могут быть использованы деструктивными силами для различного рода манипуляций, средства и методы которых многообразны и исключительно эффективны²².

Ведь отсутствие у молодых людей соответствующих знаний и опыта, экономической независимости, а также незрелость их мышления, переживаемые ими внутренние конфликты и кризис идентичности, неудовлетворенность своим местом в обществе, стремление к самоутверждению во чтобы то ни стало, делают их удобным объектом для организаций и отдельных лиц, целью которых является манипуляция²³.

Успешное противодействие манипулятивному воздействию на молодежь в современной России предполагает разработку комплексной системы мер, повышающих социальную эффективность государственной молодежной политики²⁴. В числе приоритетов государственной молодежной политики — выдвижение социально значимой и принятой обществом национальной идеи, основанной на умеренно-консервативной идеологии, отвечающей национальному менталитету россиян, отказ от проектных методов, активизация механизмов взаимодействия государства, традиционных религиозных конфессий, общественных структур и самой молодежи по возрождению традиционных устоев жизнедеятельности общества и успешному функционированию институтов социализации молодежи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

Васенина И.В., Прончев Г.Б. Речевая агрессия в социальных сетях Интернета // Образование и право. 2018. № 2. С. 170–177.

Елишев С.О. Молодёжь как объект социализации и манипуляций. М., 2015.

Елишев С.О. Социальные последствия манипуляций молодежью // Труд и социальные отношения. 2019. № 1. С. 80–93.

Елишев С.О., Таланова К.С. Результаты социологического исследования “Ценностные ориентации современной российской молодежи, особенности процесса их формирования и осуществления молодежной политики” // Социологические исследования социальных проблем современного российского общества. Т. 1. М., 2014. С. 64–129.

---

²² *Елишев С.О.* Социальные последствия манипуляций молодежью // Труд и социальные отношения. 2019. № 1.

²³ *Осипова Н.Г., Челищев В.И.* Социальные механизмы и техники манипуляционного управления личностью // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2016. № 4.

²⁴ *Елишев С.О.* Молодёжь как объект социализации и манипуляций. М., 2015.

Осипова Н.Г. Неравенство в эпоху глобализации: сущность, институты, региональная специфика и динамика // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2014. № 2. С. 22–46. DOI: 10.24290/1029-3736-2014-0-2-119-141.

Осипова Н.Г. Рыночный фундаментализм как источник глобального социального неравенства // Представительная власть — XXI век: законодательство, комментарии, проблемы. 2018. № 5–6. С. 1–12.

Осипова Н.Г., Вершинина И.А., Мартыненко Т.С. Неравенство и неопределенность: современные вызовы для городов // Социологические исследования. 2019. № 1. С. 153–155. DOI: 10.31857/S013216250003758-6.

Осипова Н.Г., Елишев С.О., Прончев Г.Б. Динамика представлений российской студенческой молодежи о социально-политических процессах, институтах социализации и субъектах осуществления молодежной политики в период с 2013 по 2017 г.: Научная монография. М., 2018.

Осипова Н.Г., Елишев С.О., Прончев Г.Б., Монахов Д.Н. Особенности процесса формирования ценностных ориентаций современной российской молодежи и осуществления молодежной политики в Российской Федерации (результаты социологического исследования): Монография. М., 2016.

Осипова Н.Г., Елишев С.О., Прончев Г.Б., Монахов Д.Н. Представления студенческой молодежи о процессах и институтах социализации и субъектах молодежной политики в современной России (по результатам социологического мониторинга 2013–2017 гг.) // Труд и социальные отношения. 2017. № 5. С. 98–118.

Осипова Н.Г., Челищев В.И. Социальные механизмы и техники манипуляционного управления личностью // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2016. № 4. С. 3–21. DOI: 10.24290/1029-3736-2016-22-4-3-21.

Рейтинги доверия политикам, одобрения работы государственных институтов, рейтинги партий. Инициативные всероссийские опросы “ВЦИОМ-Спутник” февраль–апрель 2019. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9676> (дата обращения: 06.09.2019).

REFERENCES:

Vasenina I.V., Pronchev G.B. Rechevaya agressiya v social'nyh setyah Interneta [Verbal aggression in social networks on the Internet] // Obrazovanie i pravo [Education and law]. 2018. N 2. P. 170–177 (in Russian).

Elishev S.O. Molodyozh' kak ob'ekt socializacii i manipulyacij [Youth as an object of socialization and manipulation]. М., 2015 (in Russian).

Elishev S.O. Social'nye posledstviya manipulyacij molodyozh'yu [Social consequences of youth manipulation] // Trud i social'nye otnosheniya [Labor and social relations]. 2019. N 1. P. 80–93 (in Russian).

Elishev S.O., Talanova K.S. Rezul'taty sociologicheskogo issledovaniya “Cennostnye orientacii sovremennoj rossijskoj molodyozhi, osobennosti processa ih formirovaniya i osushchestvleniya molodyozhnoy politiki” [Results of sociological research “Value orientations of modern Russian youth, peculiarities of their formation and implementation of youth policy”] // Sociologicheskie issledovaniya social'nyh problem sovremennogo rossijskogo obshchestva [Sociological research of social problems of modern Russian society]. V. 1. М., 2014. P. 64–129 (in Russian).

Osipova N.G. Neravenstvo v epohu globalizacii: sushchnost', instituty, regional'naya specifika i dinamika [Inequality in the era of globalization: essence,

institutions, regional specificity and dynamics] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya. [Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science]. 2014. N 2. P. 22–46. DOI: 10.24290/1029-3736-2014-0-2-119-141 (in Russian).

Osipova N.G. Rynochnyj fundamentalizm kak istochnik global'nogo social'nogo neravenstva [Market fundamentalism as a source of global social inequality] // Predstavitel'naya vlast' — XXI vek: zakonodatel'stvo, kommentarii, problemy [Representative power-XXI century: legislation, comments, problems]. 2018. N 5–6. P. 1–12 (in Russian).

Osipova N.G., Vershinina I.A., Martynenko T.S. Neravenstvo i neopredelennost': sovremennye vyzovy dlya gorodov [Inequality and uncertainty: modern challenges for cities] // Sociologicheskie issledovaniya [Sociological studies]. 2019. N 1. P. 153–155. DOI: 10.31857/S013216250003758-6 (in Russian).

Osipova N.G., Elishev S.O., Pronchev G.B. Dinamika predstavlenij rossijskoj studencheskoj molodezhi o social'no-politicheskikh processah, institutah socializacii i sub'ektah osushchestvleniya molodezhnoj politiki v period s 2013 po 2017 g.: Nauchnaya monografiya [Dynamics of ideas of Russian students about socio-political processes, institutions of socialization and subjects of youth policy in the period from 2013 to 2017: Scientific monograph]. M., 2018 (in Russian).

Osipova N.G., Elishev S.O., Pronchev G.B., Monahov D.N. Osobennosti processa formirovaniya cennostnyh orientacij sovremennoj rossijskoj molodezhi i osushchestvleniya molodezhnoj politiki v Rossijskoj Federacii (rezul'taty sociologicheskogo issledovaniya): Monografiya [Features of the process of formation of value orientations of modern Russian youth and implementation of youth policy in the Russian Federation (results of sociological research): Monograph]. M., 2016 (in Russian).

Osipova N.G., Elishev S.O., Pronchev G.B., Monahov D.N. Predstavleniya studencheskoj molodezhi o processah i institutah socializacii i sub'ektah molodezhnoj politiki v sovremennoj Rossii (po rezul'tatam sociologicheskogo monitoringa 2013–2017 gg.) [Representations of student youth about processes and institutes of socialization and subjects of youth policy in modern Russia (by results of sociological monitoring of 2013–2017)] // Trud i social'nye otnosheniya [Labor and social relations]. 2017. N 5. P. 98–118 (in Russian).

Osipova N.G., Chelishchev V.I. Social'nye mekhanizmy i tekhniki manipulyacionnogo upravleniya lichnost'yu [Social mechanisms and technologies of manipulative management of the person] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya [Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science]. 2016. N 4. P. 3–21. DOI: 10.24290/1029-3736-2016-22-4-3-21 (in Russian).

Rejtingi doveriya politikam, odobreniya raboty gosudarstvennyh institutov, rejtingi partij. Inicijativnye vsrossijskie oprosy "VCIOM-Sputnik" fevral'–aprel' 2019 [The trust ratings of politicians, approval of the work of state institutions, the ratings of the parties. The initiative Russian opinion polls "VCIOM-Satellite" February–April 2019]. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9676> (accessed: 06.09.2019) (in Russian).

Osipova N.G., Elishev S.O., Pronchev G.B., Monakhov D.N. Social and political portrait of contemporary Russian student youth // Journal of Social Studies Education Research. 2018. Vol. 9. N 1. P. 28–59. DOI: 10.17499/jsser.12152

Osipova N.G., Elishev S.O., Pronchev G.B. Mass information media and propaganda mouthpiece as a tool for manipulating and social inequality factor among the young people // Astra Salvensis. 2018. Vol. 6. P. 541–550.

DOI: 10.24290/1029-3736-2020-26-1-70-81

СОЦИАЛЬНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ СРЕДЫ

С.А. Гришаева, канд. психол. наук, доц. кафедры социологии и психологии управления Государственного университета управления, Рязанский пр., 99, Москва, Российская Федерация, 109542*

Цифровая среда формирует новую социальную действительность: меняется структура общества, меняются принципы формирования и функционирования социальных групп, “размывается” идентичность, меняется рынок труда, образования, потребления. Все эти изменения требуют осмысления с социологической точки зрения. В статье рассматриваются вопросы трансформации социального неравенства в условиях цифровизации, выдвигаются предположения о причинах этих трансформаций. В частности, среди причин, влияющих на появление новых форм неравенства, называются нарушение границ идентичности индивида вследствие вторжения технологических преобразований в личное пространство человека, параллельное существование виртуального (онлайн) и реального (оффлайн) пространств, многократно возросшая множественность статусов (в том числе вымышленных), виртуализация миграции, переход многих параметров из ранговых в номинальные и т.п. Цифровизация влияет и на функционирование социальных институтов, в частности, института образования. Одним из современных трендов развития образования является полный или частичный переход к онлайн-образованию. В статье приводятся результаты исследования отношения студентов к внедрению онлайн-образовательных платформ: по мнению респондентов, необходимо гармоничное сочетание традиционной и онлайн-моделей образования. Действительно, онлайн-образовательная модель имеет целый ряд преимуществ: предоставляет студентам доступ к различного рода необходимым ресурсам, таким как специальные онлайн-группы по интересам, подписка на электронные журналы, проведение исследований с использованием баз данных и цифровых архивов, общение посредством электронной почты с одногруппниками и преподавателями и многое другое. Кроме того, предполагается, что социальная структура системы образования, внедрившей электронное обучение, становится менее иерархической, что связано с оцифровкой текста.

Ключевые слова: *цифровая среда, виртуальное пространство, идентичность, онлайн-образование, социальная структура, неравенство.*

---

* Гришаева Светлана Алексеевна, e-mail: grishaeva@bk.ru

SOCIAL TRANSFORMATIONS WITHIN THE CONDITIONS OF DIGITAL ENVIRONMENT

Grishaeva Svetlana A., Candidate of Psychological Sciences, Assistant Professor, Psychology and Sociology of Management Department, State University of Management, Ryazanskiy Avenue, 99, Moscow, Russian Federation, 109542, e-mail: grishaeva@bk.ru

The digital environment is forming new social reality: the structure of society and principles of formation and functioning of social groups are being changed, identity is being blurred, as well as the labor, education and consumption markets are experiencing changes. These changes demand serious social thought. The article presents social inequality transformation issues in conditions of digitalization and its probable reasons. In particular, some of the reasons, that influence new inequity forms, are: identity bounds violation, due to technological progress affecting personal space; simultaneous existence of virtual (online) and real (offline) spaces, severely increased multiplicity of statuses (including fictional), migration virtualization, and transition of some parameters from rank to nominal, etc. Digitalization also impacts on social institutions, such as education one. For instance, part-time or full switch to online-education is gaining popularity. The article shows some researches among students about online educational programs: respondents claim that the traditional and online models should be combined. For sure, online platforms have advantage in access to variable sources, such as particular online courses, subscription to EJ, useful data bases, permanent chatting with students and professors, etc. In addition, it is assumed that the social structure of the education system that has implemented e-learning becomes less hierarchical, which is associated with the digitization of the text.

Key words: digital environment, virtual space (cyberspace), identity, e-learning, social structure, inequity.

Процесс интенсивной цифровизации общества приводит к трансформации большинства социальных феноменов: процессов, институтов, общностей, так как делает общество более динамичным, изменчивым, “турбулентным”, о чем говорят многие исследователи. На III Конференции 37-го исследовательского комитета Европейской социологической ассоциации ученые “призывали выйти за пределы существующих методологических позиций, в частности, указывали на необходимость учитывать амбивалентность современных социальных явлений, процессов и проблем”¹. Социология тоже меняется: возникновение новых социальных феноменов диктует необходимость разработки нового понятийного аппарата и коррекции уже существующих терминов. Попробуем разобраться, что же будет меняться в социальной действительности и, соответственно, в социологии в условиях цифровой среды.

---

¹ Осипова Н.Г., Вершинина И.А., Мартыненко Т.С. Неравенство и неопределенность: современные вызовы для городов // Социологические исследования. 2019. № 1. С. 153–155.

В первую очередь, изменчивость социальной среды (“единство мира заменяется фрагментами, многополярностью, существованием фантомов, у которых нет подтверждения в реальности”²) формирует новый характер социального неравенства, которое становится “текучим”, неопределенным, сложно идентифицируемым. Причин этому несколько.

Во-первых, “технологические преобразования вторгаются в личное пространство человека, размывая границы его идентичности”³. Действительно, по мнению В.А. Емелина человек становится объектом контроля со стороны технологий, что приводит к нарушению границ идентичности, которое связано, в том числе, с тем, что механизмы проникновения информационных технологий в личное пространство индивида для большинства пользователей непонятны⁴. Как следствие, идентификация индивида затруднена из-за сложности отнесения себя к какой-либо определенной страте. Но это не единственная причина статусной неопределенности: “В сетевых обществах границы являются проницаемыми, социальные взаимодействия характеризуются чрезвычайным разнообразием, социальные связи переключаются между несколькими сетями, а иерархии могут быть более плоскими и рекурсивными”⁵.

Во-вторых, виртуализация современной жизни сформировала виртуальное пространство (онлайн-среду), которое существует параллельно реальному (оффлайн) пространству. Практически каждый индивид современного общества существует одновременно и онлайн, и оффлайн (причем, далеко не всегда по собственной инициативе). Множество современных официальных сервисов оцифровываются, следовательно, каждый гражданин присутствует в онлайн-среде как налогоплательщик, квартиросъемщик и т.п. Кроме того, у каждого индивида может возникнуть ситуация, когда он попадает в онлайн-среду благодаря действиям своего окружения, например, родителей. Появился даже новый термин — шерентинг или шарентинг (sharenting), обозначающий гибрид слов parenting (родительство) и share (делиться информацией в сети), т.е. обмен в интернете своим родительским опытом с использованием фотографий, писем и другой информации о своих детях.

---

² <https://libking.ru/books/sci-/sci-philosophy/550056-zhan-bodriyyar-matritsa-arokalipsisa-posledniy-zakat-evropy.html> (дата обращения: 01.04.2019).

³ Емелин В.А. Идентичность в информационном обществе. М., 2017. С. 288.

⁴ Там же. С. 288–289.

⁵ Добринская Д.Е. Сообщества в эпоху интернета // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2018. Т. 24. № 4. С. 66.

В-третьих, при анализе социальной структуры современного общества необходимо также учитывать возросшую множественность статусов каждого: не всегда оффлайн и онлайн статусы индивида совпадают (мало того, оффлайн статусов тоже может быть сколь угодно много, как совпадающих с онлайн статусами, так и вымышленных). Помимо этого, индивид одновременно находится и в реальной, и в виртуальной структурах, следовательно, нужно выстраивать статусный профиль с учетом этого: необходимо рассматривать и анализировать не только, и не столько автономные социальные структуры (отдельно онлайн и оффлайн), но и находить точки пересечения виртуального и реального социального пространства в контексте социальной стратификации. Немаловажным при анализе является также то, что существуют индивиды, которые осознают себя в большей степени как носителей статусов виртуальной среды, нежели как носителей статусов реальной среды. В молодежной среде, по результатам исследования, “виртуальное общение начинает доминировать по сравнению с реальным... 44% респондентов обычно проводят свое свободное время, общаясь с друзьями офф-лайн, а 48,6% респондентов общаются с друзьями он-лайн”⁶.

В-четвертых, цифровизация делает социальную структуру динамичной, так как современные информационные технологии позволяют нам работать и учиться на одной территории, а проживать на другой. Таким образом, возникает “виртуальная” миграция, ведь хотя мы и не пересекаем физических границ, мы вынуждены адаптироваться к другой культуре, “погружаться” в иное социокультурное пространство, пересекать виртуальную границу определенной социальной среды, “налицо тенденция замещения многих форм непосредственного социального взаимодействия соответствующими виртуальными формами”⁷. Как следствие, повышается степень неопределенности, что приводит “к изменениям психических процессов и поведения таким образом, что индивид направляет свои ресурсы на поиск пути снятия неопределенности”⁸.

В-пятых, доступ к информации посредством интернета расширяет возможности многих групп (например, лиц с ограниченными

---

⁶ Ценностные ориентации российской молодежи и реализация государственной молодежной политики: результаты исследования / Под ред. С.В. Чуева. М., 2017. С. 19.

⁷ Гришаева С.А., Куликова О.А. Социально-психологические особенности процесса трансформации социальной структуры общества и процесса коммуникации в цифровом пространстве // Цифровая социология. 2018. № 1. С. 31.

⁸ Фролов С.С. Фактор неопределенности как основа управления социальными объектами // Вестник НОУ ОНУТЦ ОАО Газпром. 2011. № 10. С. 38.

возможностями здоровья (ОВЗ)) осуществлять взаимодействия с внешним миром: учиться, работать, общаться в группах по интересам и т.п. “С возникновением технологии массовых открытых онлайн курсов связаны большие ожидания в отношении расширения доступа к высококачественному образованию”⁹. В результате формируется тенденция перехода от эксклюзии (исключения индивидов, отличающихся по каким-либо показателям) к инклюзии и, как следствие, уменьшается неравенство, связанное с эксклюзией. Показателем является развитие, например, инклюзивного образования, в том числе, высшего, которое “по своей сути противодействует дискриминационным воззрениям на образование детей, принадлежащих к различным группам социальных меньшинств”¹⁰, следовательно, часть ранговых параметров становится номинальной. Таким образом, цифровизация и интернетизация, с одной стороны, повышают доступность социальной среды, расширяют возможности индивида осуществлять восходящую социальную мобильность. С другой стороны, доступ к практически неограниченному количеству информации приводит к повышению ответственности и самостоятельности обучающихся, в первую очередь, ответственности за правильность сделанного выбора относительно траектории индивидуального развития. К сожалению, не у всех пользователей сформирован навык эффективной работы с гигантским объемом информации (причины несформированности этого навыка, на наш взгляд, — предмет отдельных исследований социологов, психологов и педагогов). Соответственно, эти индивиды оказываются менее конкурентоспособными, возникает заметное социальное расслоение между разными группами пользователей. Причиной этого расслоения может быть и неготовность конкретной социальной среды к вызовам цифровизации (цифровое неравенство, при котором “наблюдается неравный доступ субъектов к информационным технологиям, к информации, к накопленным знаниям общества, к прогрессивным способам оказания услуг населению”¹¹): не все регионы одинаково цифровизированы, не все учебные заведения перестроились в соответствии с новыми требованиями и вообще “несмотря на возможность использования Интернета и Сети для достижения

---

⁹ Штайн Р. Поддержка онлайн инициатив в образовании // Вопросы образования. 2018. № 4. С. 188.

¹⁰ Ашурбеков Р.А., Гимазова Ю.В., Гришаева С.А. и др. Управление в сфере инклюзивного высшего образования. М., 2017. С. 41.

¹¹ <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovoe-neravenstvo-kak-problema-vnedreniya-elektronno-go-pravitelstva-v-rossii> (дата обращения: 01.04.2019).

общего блага, выгоды от них являются условными и зависят от ряда политических, экономических и технических факторов”¹².

Как уже упоминалось выше, цифровизация общества ставит перед нами вопрос о коррекции существующего понятийного аппарата. Так, при анализе социальной структуры традиционно используются классические стратификационные критерии: доход, власть, профессия. Все эти понятия наполняются другим содержанием в условиях информационного общества. Доход может оцениваться не только как оценка денежных средств или материальных ценностей, принадлежащих индивиду, но требует учета таких явлений, как криптовалюта (так называемые “цифровые децентрализованные деньги”). Власть как критерий стратификации тоже трансформируется в сторону увеличения влияния информационной власти. Если учесть, что в последнее время мы все чаще наблюдаем распространение недостоверной информации (как пример, фейк-ньюс), то информационные основания власти становятся все более доступными и в то же время неустойчивыми, кратковременными. “Мы вновь должны обрести способность (а тем самым уверенность в себе и свою значимость) распознавать то, что подлинно, выделяя его из основной реальности”¹³. И, наконец, критерий “профессия” тоже меняет свое содержание в информационном обществе. Понятие “профессия” становится менее устойчивым, постоянным, неизменным. Мы сегодня все чаще слышим о доминировании междисциплинарных профессиональных компетенций над узкоспециализированными (так называемых *soft skills* над *hard skills*). Наверное, никто не может быть уверен, что профессия, полученная им по окончании учебного заведения, сохранится в неизменном виде на всем протяжении его трудовой жизни. Меняется и понимание классов в современном обществе: “...проблема нового аспекта трансформаций социальной структуры позднего капитализма, связанного уже с изменениями не столько в производительных силах, сколько в производственных отношениях”¹⁴.

Анализ проблем неравенства в условиях цифровизации необходим, так как “неравенство составляет нерв социальной структуры и социального порядка любого общества, а развитие предстает как трансформация и последовательная смена систем социального

---

¹² Интернет в общественной жизни. М., 2006. С. 13.

¹³ Кувакин И. Эра никчемности и ее закат. Исследование современного мышления. М., 2016. С. 7.

¹⁴ Бузгалин А.В., Колганов А.И. Трансформации социальной структуры позднего капитализма: от пролетариата и буржуазии к прекариату и креативному классу? // Социологические исследования. 2019. № 1. С. 23.

неравенства”¹⁵. Но это не единственные направления исследования, востребованные в информационном обществе. Огромную роль в эффективном функционировании общества играют социальные институты — “система социальных отношений и социальных практик, создаваемых членами общества для обеспечения порядка в определенной области человеческой деятельности”¹⁶.

Выше уже упоминалось, что трансформации подвергаются социальные институты современного общества, в том числе, институт образования. Одним из современных трендов развития образования является полный или частичный переход к онлайн-образованию. В Государственном университете управления был проведен онлайн-опрос студентов дневной формы обучения¹⁷. Использовались анкеты, содержащие закрытые или полузакрытые вопросы, относительно отношения студентов к переходу от классической модели образования (непосредственное взаимодействие преподавателей и студентов в аудитории) к онлайн-образованию. В опросе приняли участие 389 респондентов, их средний возраст 19 лет.

Сравнивая две системы образования, классическую и с использованием онлайн-образовательной платформы, студенты в большей степени отдают предпочтение классическому образованию. Например, только 10% респондентов “готовы” или “скорее готовы” платить за онлайн-образование такую же сумму как за классическое, в то время как 76% респондентов “не готовы” или “скорее не готовы” оплачивать онлайн-образование аналогично классическому.

Среди преимуществ классического образования респонденты выделяют следующие: “возможность непосредственного контакта с преподавателем” (37,8%), “возможность общения внутри студенческой группы” (26,7%), “гибкие формы проведения занятий в виде тренингов, деловых игр и другое” (20%). К преимуществам использования онлайн-образовательной платформы респонденты относят “возможность выбрать удобное время для занятий” (31,4%), “возможность неоднократного прослушивания учебного материала” (27,2%), “возможность получения образования из любой географической точки” (22,1%).

---

¹⁵ Полякова Н.Л. Оформление социального неравенства в практиках повседневности: историческая перспектива // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2018. Т. 24. № 4. С. 8.

¹⁶ Фролов С.С. Социальные институты в современном обществе // Социология власти. 2010. № 3. С. 26.

¹⁷ Гришаева С.А., Комарова А.А. Он-лайн образование: оценка перспектив внедрения // Шаг в будущее: искусственный интеллект и цифровая экономика. Революция в управлении: новая цифровая экономика или новый мир машин. М., 2018. С. 36–41.

Уровень знаний, получаемых при классической форме образования, также будет выше, по мнению респондентов, чем при онлайн-обучении. Об этом свидетельствует распределение ответов на этот вопрос: “высокий уровень” — 10,5% респондентов за классическую форму и 6,9% за онлайн, “скорее высокий” — 33,4% против 27,8% соответственно, “средний уровень” — 48,6% против 39,3% соответственно; “ниже среднего” — 5,9% против 21,1% соответственно и “низкий” — 1,5% и 4,9% соответственно.

При этом респонденты достаточно лояльно относятся к возможности совмещения двух моделей образования: 52,4% респондентов готовы совмещать оба вида образования при одинаковых ценовых условиях; в этой же ситуации предпочли бы классическую форму образования 37,3% респондентов, а 10,3% респондентов предпочли бы онлайн-образование. Если онлайн-образование предполагает присоединение к международной онлайн-платформе, то 82,3% респондентов за “разумное сочетание международного и российского опыта”. Примером такого “разумного сочетания” делится Ларри Деброк (*Larry DeBrock*): “Она (*Программа iMBA*) реализуется исключительно в онлайн-формате и тем не менее обеспечивает персонализированное углубленное обучение и развивающий опыт работы с материалами под руководством опытных преподавателей, а также практикующих специалистов, занимающих руководящие должности, — и все это по цене, которая составляет около трети стоимости соответствующих очных программ”¹⁸. Но при этом важно, чтобы онлайн-образование встречало понимание и поддержку в преподавательской среде: “Для внедрения программ онлайн-образования необходимо создать объединение заинтересованных лиц, готовых инициировать перемены в высшем учебном заведении”¹⁹.

По мнению ученых²⁰, при внедрении онлайн-образования необходимо учитывать специфику преподавания и обучения в рамках виртуальных сообществ, которые достаточно заметно отличаются от традиционных учебных групп:

– Виртуальная образовательная среда подразумевает использование социальных сетей, почтовых групп, чатов и т.п., что позволяет участникам быть достаточно независимыми от местоположения, а

---

¹⁸ Деброк Л. Новая эра очного образования: масштабируемая система интерактивного взаимодействия // Вопросы образования. 2018. № 4. С. 45.

¹⁹ Людвиг С. Высшее образование: опыт пропагандиста онлайн-обучения // Вопросы образования. 2018. № 4. С. 167.

²⁰ Джанелли М. Электронное обучение в теории, практике и исследованиях // Вопросы образования. 2018. № 4. С. 87–88.

зачастую, и от времени проведения занятия. Соответственно, формирует большую самостоятельность и чувство личной ответственности за результат своего обучения.

– Виртуальная учебная группа может быть гораздо больше по количеству участников, чем традиционная учебная группа, следовательно, приводит к расширению круга социальных контактов и формированию чувства сопричастности по отношению к большему количеству соучеников.

– Изолированность участников друг от друга может стимулировать их дополнительные усилия для общения друг с другом и сохранения своего статуса как члена учебной группы. В результате формируются дополнительные коммуникативные компетенции, навыки работы в команде в условиях опосредованности.

– Электронная образовательная среда предоставляет студентам доступ к различного рода необходимым ресурсам, таким как специальные онлайн-группы по интересам, подписка на электронные журналы, проведение исследований с использованием баз данных и цифровых архивов, общение посредством электронной почты с одноклассниками и преподавателями. Ресурсы электронной образовательной среды позволяют ее пользователям создавать блоги, участвовать в онлайн-дискуссиях и предоставляют много других возможностей, недоступных в условиях традиционного преподавания и обучения.

– Работа с оцифрованным текстом увеличивает степени свободы действий студентов, так как цифровой текст легко изменить или использовать, что может приводить и к творческим победам, и к злоупотреблениям.

– Социальная структура системы образования, внедрившей электронное обучение, становится менее иерархической, что тоже связано с оцифровкой текста. Действительно, при использовании традиционной образовательной модели есть возможность повторного обращения к материалу, следовательно, облегчается обмен информацией, увеличивается доступность учебного материала, его открытость для критического разбора. Материал проще интегрировать в любые формы учебных проектов, вследствие чего знание постоянно изменяется и развивается как результат коллективной практики деконструкции и реконструкции цифровых текстов.

Еще одним немаловажным направлением социологического интереса должно быть изучение новых методов, появляющихся в результате цифровизации: «Цифровизация (от англ. Digitalization, диджитализация) социума привела к тому, что исследования новых форм коммуникации выделились в отдельное поле научных

исследований”²¹. Но это слишком обширная тема для обсуждения, поэтому более подробно мы остановимся на ней в последующих работах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

Ашурбеков Р.А., Гимазова Ю.В., Гришаева С.А. и др. Управление в сфере инклюзивного высшего образования. М., 2017.

Бузгалин А.В., Колганов А.И. Трансформации социальной структуры позднего капитализма: от пролетариата и буржуазии к прекариату и креативному классу? // Социологические исследования. 2019. № 1.

Гришаева С.А., Комарова А.А. Он-лайн образование: оценка перспектив внедрения // Шаг в будущее: искусственный интеллект и цифровая экономика. Революция в управлении: новая цифровая экономика или новый мир машин. М., 2018.

Гришаева С.А., Куликова О.А. Социально-психологические особенности процесса трансформации социальной структуры общества и процесса коммуникации в цифровом пространстве // Цифровая социология. 2018. № 1.

Деброк Л. Новая эра очного образования: масштабируемая система интерактивного взаимодействия // Вопросы образования. 2018. № 4.

Джанелли М. Электронное обучение в теории, практике и исследованиях // Вопросы образования. 2018. № 4.

Добринская Д.Е. Сообщества в эпоху интернета // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2018. Т. 24. № 4.

Емелин В.А. Идентичность в информационном обществе. М., 2017.

Интернет в общественной жизни. М., 2006.

Кувакин И. Эра никчемности и ее закат. Исследование современного мышления. М., 2016.

Крыштановская О.В. Бесконтактная социология: новые формы исследований в цифровую эпоху // Цифровая социология. 2018. № 1.

Людвиг С. Высшее образование: опыт пропагандиста онлайн-обучения // Вопросы образования. 2018. № 4.

Осипова Н.Г., Вершинина И.А., Мартыненко Т.С. Неравенство и неопределенность: современные вызовы для городов // Социологические исследования. 2019. № 1.

Полякова Н.Л. Оформление социального неравенства в практиках повседневности: историческая перспектива // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2018. Т. 24. № 4.

Фролов С.С. Социальные институты в современном обществе // Социология власти. 2010. № 3.

Фролов С.С. Фактор неопределенности как основа управления социальными объектами // Вестник НОУ ОНУТЦ ОАО Газпром. 2011. № 10.

Ценностные ориентации российской молодежи и реализации государственной молодежной политики: результаты исследования / Под ред. С.В. Чуева. М., 2017.

Штайн Р. Поддержка онлайн инициатив в образовании // Вопросы образования. 2018. № 4.

---

²¹ *Крыштановская О.В.* Бесконтактная социология: новые формы исследований в цифровую эпоху // Цифровая социология. 2018. № 1. С. 5.

REFERENCES

Asurbekov R.A., Gimazova Yu.V., Grishaeva S.A. etc. Upravlenie v sfere inklyuzivnogo vysshego obrazovaniya [Management in the field of inclusive higher education]. M., 2017 (in Russian).

Buzgalin A.V., Kolganov A.I. Transformacii social'noj struktury pozdnego kapitalizma: ot proletariata i burzhuazii k prekariatu i kreativnomu klassu? [Transformation of the social structure of late capitalism: from proletariat and bourgeoisie to prekaratu and creative class?] // Sociologicheskie issledovaniya [Sociological Research]. 2019. N 1 (in Russian).

Debrok L. Novaya era ochnogo obrazovaniya: masshtabiruemaya sistema interaktivnogo vzaimodejstviya [A New era of full-scale education: A scalable interactive interaction system] // Voprosy obrazovaniya [Questions of Education]. 2018. N 4 (in Russian).

Dobrinskaja B.C. Soobshchestva v epohu interneta [Community in the age of the Internet] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya [Bulletin of Moscow University. Series 18. Sociology and political science]. 2018. Vol. 24. N 4 (in Russian).

Frolov S.S. Social'nye instituty v sovremennom obshchestve [Social institutions in modern society] // Sociologiya vlasti [Sociology of power]. 2010. N 3 (in Russian).

Frolov S.S. Faktor neopredelennosti kak osnova upravleniya social'nymi ob'ektami [Uncertainty Factor as a basis for the management of social objects] // Vestnik NOU ONUTC OAO Gazprom [Bulletin of the NOU of OAO Gazprom]. 2011. N 10 (in Russian).

Grishaeva S.A., Komarova A.A. On-lajn obrazovanie: ocenka perspektiv vnedreniya [On-line education: Assessment of the prospects of implementation] // Shag v budushchee: iskusstvennyj intellekt i cifrovaya ekonomika. Revolyuciya v upravlenii: novaya cifrovaya ekonomika ili novyj mir mashin [A Step into the future: Artificial Intelligence and digital economy. Revolution in governance: a new digital economy or a new world of machines]. M., 2018 (in Russian).

Grishaeva S.A., Kulikova O.A. Social'no-psihologicheskie osobennosti processa transformacii social'noj struktury obshchestva i processa kommunikacii v cifrovom prostranstve [Socio-Psychological peculiarities of the process of transformation of the social structure of society and the process of communication in the digital space] // Cifrovaya sociologiya [Digital Sociology]. 2018. N 1 (in Russian).

<https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovoe-neravenstvo-kak-problema-vnedreniya-elektronno-go-pravitelstva-v-rossii> (data obrashcheniya: 01.04.2019) (in Russian).

<https://libking.ru/books/sci-/sci-philosophy/550056-zhan-bodriyyar-matritsa-apokalipsisa-posledniy-zakat-evropy.html> (data obrashcheniya: 01.04.2019) (in Russian).

Internet v obshchestvennoj zhizni [Internet in public life]. M., 2006 (in Russian).

Janelli M. Elektronnoe obuchenie v teorii, praktike i issledovaniyah [E-Learning in theory, practice and research] // Voprosy obrazovaniya [Education Issues]. 2018. N 4 (in Russian).

Kuwakin I. Era nikchemnosti i ee zakat. Issledovanie sovremennogo myshleniya [Era of futility and its sunset. Study of modern thinking]. M., 2016 (in Russian).

Kryshantovskaya O.V. Beskontaktnaya sociologiya: novye formy issledovaniy v cifrovuyu epohu [Contactless Sociology: New forms of research in the digital age] // Cifrovaya sociologiya [Digital Sociology]. 2018. N 1 (in Russian).

Ludwig S. Vysshee obrazovanie: opyt propagandista onlajn-obucheniya [Higher Education: The experience of an online training promoter] // Voprosy obrazovaniya [Questions of Education]. 2018. N 4 (in Russian).

Osipova N.G., Verinina I.A., Martynenko T.S. Neravenstvo i neopredelennost': sovremennye vyzovy dlya gorodov [Inequality and Uncertainty: Modern challenges for cities] // Sociologicheskie issledovaniya [Sociological research]. 2019. N 1 (in Russian).

Polyakova N.L. Oformlenie social'nogo neravenstva v praktikah povsednevnosti: istoricheskaya perspektiva [Making social Inequalities in everyday practices: a historical perspective] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya [Bulletin of Moscow University. Series 18. Sociology and political science]. 2018. Vol. 24. N 4 (in Russian).

Stein R. Podderzhka onlajn iniciativ v obrazovanii [Support Online education initiatives] // Voprosy obrazovaniya [Questions of Education]. 2018. N 4 (in Russian).

Cennostnye orientacii rossijskoj molodezhi i realizacii gosudarstvennoj molodezhnoj politiki: rezul'taty issledovaniya [The Value orientations of the Russian youth and the implementation of the State Youth policy: The results of the study] // Pod red. S.V. Chueva. M., 2017 (in Russian).

Yemelin V.A. Identichnost' v informacionnom obshchestve [Identity in the information society]. M., 2017 (in Russian).

DOI: 10.24290/1029-3736-2020-26-1-82-96

ТЕХНОСОЦИАЛЬНОЕ НЕРАВЕНСТВО В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

К.А. Даллакян, докт. философ. наук, проф. кафедры социально-гуманитарных и экономических дисциплин Уфимского юридического института МВД России, ул. Муксинова, д. 2, г. Уфа, Республика Башкортостан, Российская Федерация, 450103*

В статье рассматривается проблема взаимоотношения социальных, техносциальных субъектов и систем искусственного интеллекта в грядущем смешанном обществе. Выявляются угрозы возможного техносциального неравенства как между людьми и роботами, так и между обычными людьми и лицами, имплантировавшими чипы с целью усиления своих интеллектуальных возможностей. Подчеркивается необходимость разработки моральных и правовых норм регуляции поведения субъектов в смешанном обществе. Раскрываются методологические основы робоэтики и предлагаются стратегические шаги построения взаимодействия акторов смешанного общества.

Ключевые слова: искусственный интеллект, смешанное общество, робоэтика, техновидовой расизм, техносциальное неравенство, кибертехнологии, манипуляция.

TECHNOSOCIAL INEQUALITIES IN THE DIGITAL AGE

Dallakian Karlen A., Doctor of Philosophy, Professor of the Department of social humanitarian and economic disciplines of the Ufa law Institute of the Ministry of internal Affairs of Russia, Muksinova street, 2, Ufa, Republic of Bashkortostan, Russian Federation, 450103, e-mail: dak58@mail.ru

The article is devoted to the problem of relationship between social, techno-social subjects and artificial intelligence systems in the future mixed society. The threats of possible techno-social inequality both between humans and robots, and between ordinary people and persons, implanted chips to increase their intellectual capabilities, are considered. The necessity of development moral and legal norms of subjects behavior in the mixed society is emphasized. The author reveals methodological foundations of bioethics and proposes strategic steps for constructing interactions of actors in a mixed society.

Key words: artificial intelligence, mixed society, roboethics, techno-species racism, techno-social inequality, cyber technology, manipulation.

---

* Даллакян Карлен Ашотович, e-mail: dak58@mail.ru

Четвертая научно-техническая революция, осуществляя переход к кибертехнологиям и робототехнике, трансформирует не только способ существования человека и общества, но и бытие в целом¹. Возникает новая форма движения материи. Какими будут ее реалии, зависит от нашей готовности к осмыслению возникающих проблем. Если эти изменения будут осознаны и смоделированы, то удастся смягчить социальное напряжение, в том числе и от “техносоциального” неравенства в период перехода общества в смешанный формат “человек — робот”².

Модель и специфика “техносоциального” неравенства будут зависеть, прежде всего, от характера отношения человека к системам искусственного интеллекта. Не секрет, что отношение человека к своему окружению на протяжении тысячелетий окрашено изрядной долей эгоизма, постоянно приводящего его к критической черте самоуничтожения. В философии это приняло форму дилеммы “свое — иное”, однако не в гегелевском, а скорее в постмодернистском смысле. Иное рассматривается не как диалектическое дополнение к своему, а как просто отличающееся от него, другое. Мы даже в XXI в. не можем принять и понять то, что не похоже на нас³. Не только представителей других видов, рас, культур, стран, этносов, но даже пола и возраста⁴. Что тогда говорить о “техновидовом” неприятии? Возможность нового “техновидового” расизма чрезвычайно велика. Угроза человечеству со стороны роботов, о которой предупреждают многие ученые и писатели, скорее всего, будет следствием человеческого неприятия автономии и достоинства искусственного интеллекта (ИИ).

Причем проблема интеллектуального и социального неравенства может возникнуть не только между людьми и собственно роботами, но и между обычными людьми и людьми, имплантированными в мозг чипы с целью усиления своих интеллектуальных возможностей. Социально-экономическое неравенство в скором времени позволит некоторым людям посредством новых технологий умножить свои интеллектуальные и физические возможности, еще более увеличивая пропасть между членами общества. Техносоциаль-

---

¹ Яницкий О.Н. Четвертая научно-техническая революция и глубинные изменения процессов глобализации // Вестник Института социологии. 2017. № 21. С. 12–34.

² Kurzweil R. The age of spiritual machines. N.Y., 1999.

³ Вершинина И.А., Мартыненко Т.С. Неравенство в современном мире: обзор международных докладов // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2016. № 3. С. 74–91.

⁴ Викторов А.Ш. Институты неравенства в современном обществе // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2019. № 1. С. 7–28.

ное неравенство может быть гораздо страшнее просто социального, ибо последнее имеет место хотя бы внутри одного вида *homo sapiens*.

Это актуализирует необходимость создания моральных и правовых норм регуляции отношений социальных и техносоциальных субъектов. Россия, имея достаточные интеллектуальные ресурсы, сегодня явно отстает от передовых стран мира в этом процессе, что может привести нас к неминуемому дальнейшему скатыванию к числу сырьевых стран⁵. Техносоциальное неравенство может развиваться и между целыми странами. Более кибернетизированная страна, оснащенная новейшими высокими технологиями, развитыми системами искусственного интеллекта, демонстрируя беспрецедентные формы социального неравенства, может практически поработить многие неблагоприятные в этом отношении страны⁶.

Возможные проблемы во взаимодействии людей с ИИ не означают, что не следует развивать кибертехнологии и робототехнику, напротив, это означает, что необходимо предвидеть предстоящие угрозы и управлять процессом. Эволюция человека, хотим мы этого или нет, пролегает через создание не только ИИ, робота, но и “киберчеловека”, многократно превосходящего обычных людей по своим возможностям. Появление человека на Земле было ответом на потребность биосферы в космическом расширении собственных границ. “Киберчеловек” и ИИ являются, кроме всего прочего, еще и необходимым средством освоения космоса. Длительные космические полеты, демонстрируя биологическую неприспособленность человека к ним, станут в скором времени прерогативой роботов⁷.

Однако даже если исключить возможное в будущем “восстание техномасс”, которым давно пугают человечество, возникает множество проблем во взаимодействии людей с киберсуществами. Прежде всего, потому что искусственными системами намного легче управлять. Причем не только собственно роботами, но и людьми, имплантировавшими в мозг чипы с целью усиления своих интеллектуальных возможностей. Можно ли будет говорить тогда о свободе воли и социальном равенстве, если доступ в мозг будет открыт производителям и владельцам чипов? Возрастает угроза тотальной манипуляции массами. А это означает, что и рамки морали резко расширятся, ибо, как известно еще со времен И. Канта, о морали

---

⁵ Кудрин А. Российский инвестиционный форум. Сочи, 2017.

⁶ Осипова Н.Г. Неравенство в эпоху глобализации: сущность, институты, региональная специфика и динамика // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2014. № 2. С. 22–46.

⁷ Дудоров Е. Готовим робота “Федора” к полету в космос // РИА Новости. 2019.27.02. URL: <https://ria.ru.cdn.ampproject.org>

имеет смысл говорить лишь тогда, когда есть свобода воли. Если выбор predetermined, то и морали нет, так как нет ответственности за собственный (если так можно будет назвать) выбор.

Это актуализирует необходимость уже сейчас задуматься о защите интеллектуальной свободы людей будущего. Иначе античное рабовладение покажется нам раем. Если в прошлом веке Николай Бердяев и Питирим Сорокин предупреждали о наступлении нового средневековья, то сегодня можно уже говорить о возможной угрозе наступления нового рабовладения⁸.

Цифровая эпоха порождает новые виды неравенства и между странами. Неравенство ощутят, прежде всего, страны, которые не достаточно активно вошли в цифровой мир. Причем особенно остро свою “ущербность” будут осознавать страны, не освоившие высокие технологии и не применяющие системы ИИ в военно-промышленном комплексе. Возможность применения боевых роботов и военной робототехники в целом еще больше увеличит пропасть между странами. Сегодня известны различные модели боевых роботов — *Doga* (Израиль, 2009), *Kuratas* (Япония, 2012), *Нерехту* (Россия, 2015), *Orca* (США, 2017) и другие “безотказные” и не знающие моральных сомнений техносолдаты. Многие ученые, общественные и политические деятели предупреждают об опасности развития военной робототехники и возможной непредсказуемости их применения. Так, в 2012 г. была создана организация *Campaign to Stop Killer Robots*, а в 2017-м 115 экспертов, включая Илона Маска, активно занимающегося производством автомобилей-беспилотников, обратились в ООН с просьбой запретить разработки и производство военных роботов⁹.

Одним из преимуществ ИИ и робототехники перед людьми является также и то, что они могут существовать в недоступных для живых существ, включая человека, пространственно-временных метриках. Человек, открыв для себя нанотехнологии, практически получил возможность ментального присутствия в микромирах¹⁰. Кроме всевозможных преимуществ подобный пространственно-временной сдвиг может еще более усилить техно-социальное неравенство как между различными странами, так и между человеком и системами ИИ. Во-первых, страны, имеющие доступ в микромиры, будут более привилегированными по сравнению со странами, не

---

⁸ Бердяев Н.А. Новое Средневековье. Т. 8. М., 2018.

⁹ The Guardian. Interfax. 2017.20.08.

¹⁰ См.: Даллакян К.А. Пространственно-временной сдвиг в эпоху нанотехнологий // Культура в глобализационном мире. М., 2013. С. 43–55.

имеющими таких технологий. Во-вторых, степень развития ИИ может увеличить их автономию от человека, и тогда в микро- и мега-мирах ИИ и роботы могут, физически присутствуя в этих сферах, обладать преимуществом перед людьми. Например, попав в организм человека, ИИ может иметь искушение “похозяйничать” там. Не исключено, что местом, особенно понравившемся ему, может оказаться человеческий мозг.

Израильский профессор Юваль Ной Харари в своей работе “*Homo Deus. Краткая история будущего*” устами датаистов предсказывает в скором времени гибель *homo sapiens*. Логика проста: если все живое есть алгоритм, инструмент, предназначенный для обработки информации, то следующий этап эволюции человека — ИИ, бесконечно превосходящий по своим интеллектуальным возможностям человека. Человек благодаря речи, письменности и искусственным механизмам стал хозяином планеты, ИИ же благодаря экспоненциально растущим интеллектуальным возможностям создаст космический интернет вещей — космической паутины, где все будет взаимодействовать со всем, и человек может стать уже и не нужным. “Как человек в свое время отодвинул в эволюционной цепи обезьяну, — резюмирует автор, — так и ИИ отодвинет человека”¹¹.

Однако все это не так однозначно, как может показаться. Да и сам Ю. Харари больше ставит вопросы для размышления, чем выносит вердикты. Совершенствование ИИ в процессе “техноэволюции”, открывая перед человечеством фантастические горизонты, порождает и много доселе неизвестных проблем, ответов на которые у человечества пока нет. Самопрограммирующиеся и самообучающиеся системы, как показывает опыт, самостоятельно овладевая определенными навыками, за считанные часы проходят путь, который люди прошли за тысячелетия. Человек уже для их развития становится не нужным. Причем скорость техноэволюции, в отличие от биологической, ничем не ограничена.

Рэй Курцвейл, технический директор всемирно известной корпорации Гугл, отмечает, что мощность биoprogramмирования удваивается с каждым годом. Стоимость секвенирования генома за несколько лет сократилась в миллион раз — с одного миллиарда до одной тысячи долларов. Современные технологии позволяют моделировать, проводить симуляции и репрограммировать геном в два раза эффективнее с каждым годом. Согласно прогнозу Р. Курцвейла, благодаря новым технологиям к 2045 г. возможности нашего интеллекта вырастут в миллиард раз, а к 2050 — будет решена про-

---

¹¹ Харари Ю.Н. *Homo Deus. Краткая история будущего*. М., 2018. С. 218.

блема старения и смерти¹². Так что выражение “Живы будем — не помрем!” приобретает новое звучание. Но это возможно завтра или послезавтра.

Сегодня же, пока мы продолжаем искать свою идентичность, наш восточный сосед наращивает тотальную цифровизацию. Китайская компания Алибаба успешно разработала и внедрила уже успешную нашу мету программу “Рейтинг благонадежности” или “Рейтинг доверия”. Известно, что граждане Поднебесной получают баллы за следование социальным нормам и правилам и соответственно лишаются их за нарушение. Автоматические системы идентифицируют граждан и допускают их к потреблению государственных услуг и общественных благ. Лица, имеющие низкий рейтинг благонадежности, лишаются права выезда из города, им не продаются билеты на воздушный и наземный транспорт, а также они не могут посещать некоторые публичные заведения, такие как театр, рестораны и т.д.¹³

Как видим, уже сегодня цифровизация приводит к новым формам неравенства, а порой и несправедливости, ведь не вовремя оплаченный счет, например, за квартиру или переход улицы не в том месте пока еще не характеризует человека как неблагонадежного. Преступник может оплачивать счета вовремя и переходить дорогу в нужном месте, а сам замышлять преступление вплоть до террористического акта. Тем более, что возможны и сбои системы. Так известно, что одну достопочтенную бизнес-леди не пустили на встречу из-за резко упавшего рейтинга благонадежности. После ее возмущения было выяснено, что автоматическая система ошиблась. Дело в том, что изображение женщины было на баннере, прикрепленном к автобусу, который ехал на зеленый свет светофора. Для пешеходов же естественно горел красный. Система зафиксировала нарушение, так как изображение на баннере было идентифицировано как физическое лицо, нарушающее правила дорожного движения. Хорошо, что справедливость восторжествовала, но издержки могли бы быть и более значительными.

Интересен также случай с интеллектуальной системой *Zero Trust*, получившей доступ к информации государственных служащих. Проанализировав всего один процент чиновников, она обнаружила 9000 коррупционеров. Она отслеживала все передвижения, в том числе и финансовые. В результате возник общественный скандал и во многих регионах систему отключили¹⁴. Но это только пока...

---

¹² Курцвейл Р. Эволюция разума. М., 2015. С. 135.

¹³ Социальный рейтинг в Китае // TADVISER. 2019.10.04.

¹⁴ Gilman E., Barth D. Zero Trust Networks. Sebastopol, 2017.

Информационные технологии способствуют еще большей концентрации власти и рычагов тотального контроля в одних руках, усиливая социальное неравенство. Формируется олигополия, синтезирующая власть государства и крупных корпораций. Народ все в большей степени не только отдаляется от возможности участвовать в государственном управлении, но и лишается доступа к современным управляющим информационным технологиям. Известно, что руководство Фэйсбук ведет переговоры с китайскими властями о перспективах функционирования на территории Китая, причем, отнюдь не исключается возможность сотрудничества с властями и передачи им данных пользователей.

В киберпространстве к тому же возникают еще и новые формы насилия. Формируются новые виды сетей — информационные, политические, коммуникационные, криминальные и т.п. Контроль над подобными группами порой бывает установить очень сложно, что часто может привести к трагическим последствиям. Например, печально известны кибер-группы смерти “Синий кит”, “Беги или умри” и другие, манипулирующие поведением детей и склоняющие их к суициду¹⁵.

Техносоциальное неравенство проявляется не только в различном доступе к информации, но еще и в различной степени владения информационными технологиями. Не секрет, что сегодня происходит репрофилирование криминала. Видеокамеры и кредитные карты оставляют в прошлом многие преступные специализации. На смену им приходят киберхакеры, манипулирующие не только экономической, но и политической информацией. Поэтому, прежде всего, необходимо обеспечить всеобщее цифровое образование всех слоев населения. Ведь развитие и успешное функционирование смешанного общества, оптимальное взаимодействие человека и искусственного интеллекта в решении возникающих проблем предполагают интеграцию интеллектуальных усилий всего населения страны.

В свое время бывший госсекретарь США Генри Киссинджер заметил, что “эпоха Просвещения началась по существу с философских идей, которые распространились с помощью новой технологии. Наше же время движется по противоположному пути. Разработана потенциально доминирующая технология искусственного интеллекта, которая нуждается в направляющей философии. Но разработкой таковой никто даже не занимается”¹⁶.

---

¹⁵ Костюченко Е. Тридцатилетняя история “групп смерти” — от Юзнета до наших дней // Новая газета. 2019.15.05. № 51.

¹⁶ Киссинджер Г. Как завершается эпоха Просвещения // Россия в глобальной политике. 2018. № 4. С. 21.

Необходимо философско-методологическое осмысление, прежде всего, отнюдь не такого уж тривиального, как может показаться, вопроса о векторе дальнейшего развития систем искусственного интеллекта. Многие авторы акцентируют внимание общественности лишь на возможных угрозах, которые таят в себе роботы. Людей пугают искусственным интеллектом, в миллионы раз превосходящим человеческий, приводя, например, факт, что робот, имея начальные алгоритмы незнакомой ему игры, путем проб и ошибок за несколько часов сам освоил уровень, к которому человечество пришло за 1500 лет.

Важнейшим показателем социального неравенства остается различная степень обеспечения свободы воли. Можно ли будет продолжать говорить о свободе воли киберсуществ, социальных и техносоциальных субъектов киберпространства? Уже сегодня существует техническая возможность прослушивания частных лиц и управления поведением людей посредством сброса информации в социальные сети. Растет угроза тотальной манипуляции массами, которая, тем не менее, не идет ни в какое сравнение с возможным характером и масштабом манипулирования киберчеловеком и ИИ. Это означает, что и рамки морали могут резко расширяться.

Подобные угрозы заставляют уже сейчас задуматься о защите интеллектуальной свободы людей будущего. Однако при всем том следует заметить, что беды человечества отнюдь не из-за превосходства развитого интеллекта одних его представителей над интеллектом других. Да и вряд ли ИИ может придумать что-то хуже печей Освенцима или взрывов в Хиросиме и Нагасаки...

Понятно, что многим не нравится перспектива потерять лавры “венца” природы. Однако эволюцию не остановить. У человечества есть лишь один выбор — готовиться к будущим технотрансформациям, которые с необходимостью приведут к смешанному обществу, или оказаться в роли существа, попавшего впросак при столкновении лицом к лицу с более могущественным созданием.

Важнейшим условием подготовки такого перехода к смешанному обществу, предполагающего дальнейшее развитие и совершенствование систем искусственного интеллекта, является интеграция усилий представителей различных наук и социальных сфер, прежде всего, для разработки этических ограничений активности ИИ и оптимизации его взаимоотношений с людьми, которые для краткости и удобства называют робоэтикой¹⁷. Одним из мировых лидеров

---

¹⁷ Даллакян К.А. Робоэтика // Сайт Russian Behavioral Unit. 2018. URL: <https://humanai.ru>

в области разработки этических стандартов для ИИ является Институт инженеров электротехники и электроники — IEEE (*Institute of Electrical and Electronics Engineers*). Институт разработал три новых стандарта робоэтики, которые должны сделать человеческое благополучие приоритетом при развитии высоких технологий¹⁸. Они включают в себя следующие пункты:

1. Стандарт для этического влияния роботизированных и интеллектуальных систем, в котором рассматриваются действия ИИ, скрыто или явно влияющие на поведение и эмоции человека.

2. Стандарт отказоустойчивости. Роботизированные системы в процессе работы потенциально могут нанести вред людям и окружающей среде. Этот стандарт устанавливает четкие процедуры оценки, тестирования и сертификации отказоустойчивости роботизированных систем. Его необходимо внедрить для создания эффективных мер безопасности, снижающих риск ошибок, и безопасного прекращения эксплуатации скомпрометированных систем.

3. Стандарт для влияния ИИ на благосостояние общества, в котором определяется, какие показатели человеческого благосостояния необходимо принимать в расчет при внедрении тех или иных интеллектуальных систем в конкретное общество¹⁹.

Следует подчеркнуть, что развитие робоэтики предполагает международную интеграцию работы не только инженеров, представителей технических, естественных и гуманитарных специальностей, но и политиков, и деятелей искусства. Между тем, вопросы о природе и сущности робоэтики, ее объекте и предмете остаются открытыми.

Необходимо, прежде всего, ответить на следующие вопросы. “Робоэтика представляет собой этику взаимоотношений роботов, отношений роботов к людям или людей к ним?” “Возможно ли наличие морали у искусственных систем?” Ведь мораль — форма общественного сознания, регулирующая поведение людей (а может и не только людей) посредством представлений о добре и зле, хорошем и плохом, правильном и неправильном. “Существуют ли такие представления у систем искусственного интеллекта?” Очевидно, что такие нормы и правила можно вложить в них. Это скорее будет напоминать внутреннюю регуляцию поведения человека посредством совести, а не со стороны общественного мнения. Тогда робоэтика должна включать в себя не только нормы поведения роботов, но и отношения к ним со стороны людей.

---

¹⁸ Перевод принципов по робоэтике. Institute of Electrical and Electronics Engineers // Сайт Russian Behavioral Unit. 2017. URL: <https://humanai.ru>. С. 17–18.

¹⁹ Veruggio G. EURON. Roboethics Roadmap. Genova, 2007.

Обычно разговор о робоэтике начинают с трех законов робототехники Айзека Азимова, которые он сформулировал еще в 1942 г.

“1. Робот не может причинить вред человеку или своим бездействием допустить, чтобы человеку был причинен вред.

2. Робот должен повиноваться всем приказам, которые дает человек, если эти приказы не противоречат Первому Закону.

3. Робот должен заботиться о своей безопасности в той мере, в какой это не противоречит Первому и Второму Законам”²⁰.

Со временем А. Азимов добавил еще и Нулевой закон, который предшествует трем вышеназванным: “Робот не может причинять вред человечеству или своим бездействием допустить, чтобы человечеству был причинен вред”²¹.

Однако сегодня возникает множество вопросов, которые, демонстрируя явную недостаточность вышеперечисленных законов, требуют дальнейшего развития робоэтики. Возможны ситуации, когда искусственный интеллект будет не в состоянии избежать вынужденных жертв и окажется перед выбором действия, в любом случае приносящего вред человеку, например в ситуации аварии. Какую стратегию должен выбрать робот (например, беспилотник), если жертвы неизбежны? Сохранить жизнь своему хозяину, которому он по определению (или по контракту) не имеет права навредить или ребенку, переходящему дорогу с нарушением правил дорожного движения? Вопрос не из легких, хотя и широко дискутируемый в специальной литературе.

Попытка ответить на подобные вопросы подталкивает исследователей различных сфер к разработке стратегии развития этики искусственного интеллекта. Однако прежде всего, возникает вопрос о философско-методологических основаниях этой новой для человечества области. Вообще оправдано ли говорить о робоэтике, если этика как учение о морали начинается с автономии воли, т.е. о моральности или аморальности поступка можно говорить только в том случае, если действующий субъект имеет свободу выбора. Будут ли машины иметь эту свободу или будут жестко запрограммированы человеком? Можно ли вообще давать ИИ такую свободу и к чему это может привести?

Уже сегодня эксперименты показывают, что даже на существующем уровне развития ИИ возникают ситуации, когда вынужденно нарушается заданная человеком программа. Причем ИИ нарушает запрограммированные траектории именно с целью не навредить

---

²⁰ Азимов А. Хоровод // Я, робот. М., 2008. С. 27.

²¹ Азимов А. Роботы и империя. М., 2007. С. 92.

человеку. Известно, что беспилотник нарушил запрет не заезжать на газон, когда возникла угроза задавить человека. Тогда возникает вопрос о целесообразности и формах наказания ИИ за нарушение, встроенных в него программ. Если речь идет об этике, то наказание должно быть или посредством самобичевания (аналог совести человека) или общественным мнением (в случае с ИИ личным хозяином). В случае правового наказания ответственность, естественно, должна ложиться на хозяина ИИ.

Для решения этих и других вопросов оптимизации взаимоотношений ИИ и человека предлагаем следующие шаги:

1. Подготовка общественного мнения к необходимости развития робототехники вообще и беспилотников, в частности, включающая планирование и проведение передач по радио и телевидению, публикацию статей в прессе и интернете, демонстрацию видеороликов, организацию и проведение научно-практических конференций.

2. Разработка морально-этических норм регуляции поведения роботов и их хозяев, определение видов и моделей ответственности за нарушение этих норм.

3. Дифференциация субъектов ответственности, которая должна разделяться между производителем машин, их владельцами и самими роботами.

4. Разработка приоритетов в робоэтике. Требование, предложенное Айзеком Азимовым “Не навреди человеку”, должно быть конкретизировано с учетом конкретных обстоятельств и условий. Для этого робот должен иметь возможность относительно самостоятельно принимать решение, т.е. обладать в определенной мере свободой. Понятие “искусственный интеллект” в таком случае расширяется до понятия “искусственный разум”.

5. Производители робототехники должны исходить из общечеловеческой морали. Робот должен служить человечеству, а не только хозяину. (Нулевое правило этики А. Азимова.) Возможность использования роботов в узко личностных, классовых, национальных, конфессиональных целях, противоречащих интересам человечества, должна быть заблокирована производителем. В то же время в робоэтике должна развиваться профессиональная этика. Причем, если во взаимодействии людей приоритет за общечеловеческой этикой, то в робоэтике приоритет должен быть за профессиональной этикой. Например, этика беспилотников может быть основана на одних правилах, а этика роботов-полицейских — на других. Поэтому развивать следует не только робоэтику вообще, но еще и специальную этику ИИ (т.е. профессиональную этику).

6. Исправное состояние и определенное “человеческое” отношение к роботам должно быть гарантировано их хозяевами. Если робот — субъект морали, то он требует к себе соответствующего отношения. Кроме того, некоторые правила поведения робота должны обсуждаться с его хозяином под личную ответственность.

7. Дискуссия о том, как должен вести себя робот при неизбежности аварии, решается существующими моральными и правовыми нормами для людей. Причем необходима максимальная детализация системных приоритетов. Например, какие ценности выше, т.е. четко обозначена иерархия ценностей.

8. Необходимо составить перечень категорий робоэтики (например, не “добро” и “зло”, а “правильно” и “неправильно” и т.п.) и определить их содержание. Одна из особенностей робоэтики заключается в чисто рациональном ее характере. Здесь отсутствуют такие человеческие чувства, как гнев, ненависть, зависть, алчность, жадность, приводящие к печальным последствиям.

9. Должны быть созданы научно-исследовательские коллективы, разрабатывающие нормы поведения роботов в конкретной социокультурной среде, исходя из существующих в конкретной стране ценностей и законов.

10. Современный этап развития ИИ актуализирует проблему в первую очередь не столько моральной, сколько правовой ответственности, так как моральная ответственность возникает лишь с обретением определенной автономией воли. Это вопрос будущего. Сегодня же по отношению к беспилотникам актуальнее говорить об ответственности вообще, а точнее, о юридической ответственности.

11. Общие опции должны быть обеспечены производителем (к правилам А. Азимова должны быть добавлены специальные опции), а специфические — добавлены хозяином под свою ответственность. Перед покупкой беспилотника хозяин должен пройти “морально-этическое” тестирование на фирме, их продающей, для выяснения и хранения особенностей морально-этических ценностей хозяина беспилотника.

12. Беспилотник должен быть оснащен средством экстренной связи с хозяином в случае непредвиденных ситуаций. Тогда хозяин будет иметь возможность вмешаться в ситуацию, а, следовательно, и нести юридическую ответственность за возможную аварию.

13. У роботов должен быть создан механизм внутренней саморегуляции поведения подобный совести. Мораль управляет людьми посредством общественного мнения (уважения, презрения) и саморегуляции (утрачивания совести). При нарушении моральных норм,

включенных в память ИИ, кроме установления штрафов и санкций хозяину должен запускаться еще и процесс саморазрушения робота.

14. Беспилотники должны быть снабжены системой считки намерений противоположного (рядом находящегося) беспилотника. Уже существует система распознавания эмоций (боли) человека искусственным интеллектом. Коммуникация между автомобилями беспилотниками должна уменьшить количество аварий, которых сегодня насчитывается более 1,3 млн в год.

15. Должна быть создана и развиваться виртуальная система (система виртуальной реальности) тестирования взаимодействия беспилотников между собой и человеком с целью дальнейшего переноса результатов в действительность²².

Разработка и внедрение норм и принципов робоэтики, конечно, не способны устранить проблемы, связанные с техносоциальным неравенством, однако они будут способствовать в определенной мере регуляции взаимодействия роботов между собой и с людьми. Возникновение и развитие смешанного общества предполагает создание внутри- и межгосударственных структур, призванных регулировать отношения техновидового неравенства. Такие структуры, на наш взгляд, должны стать дополнительной характеристикой гарантийного государства, о котором писали классики российской правовой науки²³.

Важнейшее место в развитии социально-гарантийного государства, стабилизирующего следствия социального вообще и техносоциального, в частности, неравенства принадлежит гражданскому обществу, развитие и совершенствование институтов которого является насущной проблемой уже сегодняшнего времени. Это должно стать приоритетной задачей мирового научного сообщества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Азимов А. Роботы и империя. М., 2007.
Азимов А. Хоровод // Я, робот. М., 2008.
Алексеев Н.Н. Русский народ и государство. М., 1998.
Бердяев Н.А. Новое Средневековье. М., 2018.
Вершинина И.А., Мартыненко Т.С. Неравенство в современном мире: обзор международных докладов // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2016. Т. 22. № 3.
Викторов А.Ш. Институты неравенства в современном обществе // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2019. № 1.
Даллакян К.А. Робоэтика // Сайт Russian Behavioral Unit. 2018. URL: <https://humanai.ru>

---

²² Даллакян К.А. Робоэтика.

²³ Алексеев Н.Н. Русский народ и государство. М., 1998.

- Даллакян К.А.* Дорожная карта по разработке принципов робоэтики // Сайт Russian Behavioral Unit. 2018. URL: <https://humanai.ru>
- Дудоров Е.* Готовим робота “Федора” к полету в космос // РИА Новости. 2019.27.02. URL: <https://ria.ru.cdn.ampproject.org>
- Киссинджер Г.* Как завершается эпоха Просвещения // Россия в глобальной политике. 2018. № 4.
- Костюченко Е.* Тридцатилетняя история “групп смерти” — от Юзнета до наших дней // Новая газета. 2019.15.05. № 51.
- Кудрин А.* Российский инвестиционный форум. Сочи, 2017.
- Куртцвейл Р.* Эволюция разума. М., 2015.
- Осипова Н.Г.* Неравенство в эпоху глобализации: сущность, институты, региональная специфика и динамика // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2014. № 2. С. 22–46.
- Перевод принципов по робоэтике. Institute of Electrical and Electronics Engineers // Сайт Russian Behavioral Unit. 2017. URL: <https://humanai.ru>. С. 17–18.
- Социальный рейтинг в Китае // TADVISER. 2019.10.04.
- Харари Ю.Н.* Homo Deus. Краткая история будущего. М., 2018.
- Яницкий О.Н.* Четвертая научно-техническая революция и глубинные изменения процессов глобализации // Вестник Института социологии. 2017. № 21.

REFERENCES

- Alekseev N.N.* Russkij narod i gosudarstvo [Russian people and state]. М., 1998 (in Russian).
- Azimov A.* Roboty i imperija [Robots and Empire]. М., 2007 (in Russian).
- Azimov A.* Horovod [Round dance] // Ja, robot [I, the robot]. М., 2008 (in Russian).
- Berdjaev N.A.* Novoe Srednevekov'e [New Middle Ages]. М., 2018 (in Russian).
- Dallakjan K.A.* Robojetika [Roboethics] // Sajt Russian Behavioral Unit. 2018. URL: <https://humanai.ru> (in Russian).
- Dallakjan K.A.* Dorozhnaja karta po razrabotke principov robojetiki [Roadmap for developing principles of roboethics] // Sajt Russian Behavioral Unit. 2018. URL: <https://humanai.ru> (in Russian).
- Dudorov E.* Gotovim robota “Fedora” k poletu v kosmos [We are preparing the robot “Fedor” for flight into space] // RIA Novosti. 2019. 27.02. URL: <https://ria.ru.cdn.ampproject.org> (in Russian).
- Gilman E., Barth D.* Zero Trust Networks. Sebastopol, 2017.
- Harari Ju.N.* Homo Deus. Kratkaja istorija budushhego [Homo Deus. A brief history of the future]. М., 2018 (in Russian).
- Janickij O.N.* Chetvertaja nauchno-tehnicheskaja revoljucija i glubinnye izmenenija processov globalizacii [The fourth scientific and technological revolution and the profound changes in globalization processes] // Vestnik Instituta sociologii. 2017. N 21 (in Russian).
- Kissindzher G.* Kak zavershaetsja jepoha Prosveshhenija [How the Enlightenment Ends] // Rossiya v global'noj politike. 2018. N 4 (in Russian).
- Kostjuchenko E.* Tridcatiletnjaja istorija “grupp smerti” — ot Juzneta do nashih dnei [The thirty-year history of “death groups” - from Yuznet to the present day] // Novaja gazeta. 2019.15.05. N 51 (in Russian).
- Kudrin A.* Rossijskij investicionnyj forum [Russian Investment Forum]. Sochi, 2017 (in Russian).

Kurtcveil R. Jevoljucija razuma [The evolution of the mind]. M., 2015 (in Russian).

Kurzweil R. The age of spiritual machines. N.Y., 1999.

Osipova N.G. Neravenstvo v jepohu globalizacii: sushhnost', instituty, regional'naja specifika i dinamika [Inequality in the era of globalization: essence, institutions, regional specifics and dynamics] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 18. Sociologija i politologija [Bulletin of Moscow University. Series 18. Sociology and Political Science]. 2014. N 2 (in Russian).

Perevod principov po robojetike [Translation of principles on roboethics]. Institute of Electrical and Electronics Engineers // Sajt Russian Behavioral Unit. 2017. URL: <https://humanai.ru>. S. 17–18 (in Russian).

Social'nyj rejting v Kitae [Social ranking in China] // TADVISER. 2019.10.04 (in Russian).

The Guardian. Interfax. 2017.20.08.

Vershinina I.A., Martynenko T.S. Neravenstvo v sovremennom mire: obzor mezhdunarodnyh dokladov [Inequality in the modern world: a review of international reports] // Vestnik Moskovskogo universiteta [Bulletin of Moscow University. Series 18. Sociology and Political Science]. 2016. Vol. 22. N 3 (in Russian).

Veruggio G. EURON Roboethics Roadmap. Genova, 2007.

Viktorov A.Sh. Instituty neravenstva v sovremennom obshhestve [Institutions of Inequality in Modern Society] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 18. Sociologija i politologija [Bulletin of Moscow University. Series 18. Sociology and Political Science]. 2019. N 1 (in Russian).

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

DOI: 10.24290/1029-3736-2020-26-1-97-121

ФЕНОМЕНЫ ФИНАНСОВОГО ПОВЕДЕНИЯ РОССИЯН (НА ПРИМЕРЕ КЛИЕНТОВ ПАО СБЕРБАНК РОССИИ)

В.А. Смирнов, докт. социол. наук, доц., проректор по стратегическим коммуникациям Костромского государственного университета, ул. Дзержинского, д. 17, г. Кострома, Российская Федерация, 156005*

В статье исследуется финансовое поведение россиян — клиентов ПАО Сбербанк России. В качестве информационной базы исследования используются агрегированные открытые данные о поведении клиентов банка по всем регионам России.

Автор дает характеристику ключевым тенденциям финансового поведения россиян, указывая на рост тенденции к сбережению. В статье описываются две модели финансового поведения клиентов банка. В рамках первой граждане ориентированы на широкое использование кредитных средств, вне зависимости от собственного дохода. Вторая предполагает более рациональное отношение к финансам и определяется размером средней заработной платы.

В рамках статьи делается вывод о низкой финансовой грамотности россиян, которая проявляется в использовании для сбережений и инвестиций таких неэффективных финансовых инструментов, как банковский депозит. Автор указывает на то, что лишь незначительная часть россиян имеет сформулированную финансовую стратегию, комплексный план личных инвестиций с использованием широкого спектра инструментов, таких как индивидуальный инвестиционный счет, паевые инвестиционные фонды, рынки акций и облигаций.

В завершении статьи рассматриваются некоторые аспекты региональной специфики финансового поведения граждан. Субъекты РФ анализируются через призму объема банковских депозитов, расходов по пластиковым банковским картам, объему и количеству ипотечных и потребительских кредитов.

Ключевые слова: финансовое поведение, финансовая грамотность, банковский депозит, модель финансового поведения, социальное неравенство.

---

* Смирнов Владимир Алексеевич, e-mail: kano_igt@mail.ru

THE PHENOMENA OF FINANCIAL BEHAVIOR OF RUSSIANS (ON THE EXAMPLE OF CLIENTS OF SBERBANK OF RUSSIA)

Smirnov Vladimir A., Doctor of Sociology, Associate Professor, Vice-Rector for Strategic Communications, Kostroma State University, st. Dzerzhinsky, d. 17, Kostroma, Russian Federation, 156005, e-mail: kano_igt@mail.ru

The article examines the financial behavior of Russian customers of Sberbank of Russia. As an information base of the study, we use aggregated open data on the behavior of the Bank's customers in all regions of Russia.

The author characterizes the key trends of financial behavior of Russians, pointing to the growth of the tendency to saving. The article describes two models of financial behavior of the Bank's customers. In the first, citizens are focused on the widespread use of credit funds, regardless of their own income. The second involves a more rational attitude to finance and is determined by the size of the average wage.

The article concludes about the low financial literacy of Russians, which is manifested in the use of such inefficient financial instruments as bank deposit for savings and investments. The author points out that only a small part of Russians have formulated a financial strategy, a comprehensive plan of personal investments using a wide range of tools such as individual investment account, mutual funds, stock and bond markets.

At the end of the article, some aspects of regional specifics of financial behavior are considered. Subjects of the Russian Federation are analyzed through the prism of the volume of bank deposits, expenses on plastic bank cards, the volume and number of mortgage and consumer loans.

Key words: *financial behavior, financial literacy, bank deposit, financial behavior model, social inequality.*

Введение

Финансовое поведение отдельных граждан и домохозяйств является важным аспектом экономического развития того или иного государства. В ситуации кризиса мировой экономики, постоянно возрастающей потребности в инвестициях, роста социальных обязательств государств склонность граждан к сбережению, кредитованию, потреблению является не только фактором экономической стабильности и долгосрочного прогнозирования, но и оказывает существенное влияние на эскалацию социальной напряженности в обществе.

Уровень финансовой грамотности населения, готовность к инвестированию собственных средств и использованию для этого широкого спектра финансовых инструментов, позволяют государству, с одной стороны, иметь дополнительную денежную массу, которая может быть использована для инвестиций в экономику, с другой — создать предпосылки для снижения бремени в сфере социальной

политики, повысив, например, доходы людей пенсионного возраста, диверсифицируя их посредством долгосрочных личных накоплений граждан.

Ситуация в РФ, когда значительная часть пенсионеров вынуждена жить на достаточно небольшую пенсию, могла бы решаться не только через ежегодную индексацию пенсионных выплат, но и через системную политику по развитию финансовых компетенций граждан, формирование навыков эффективного финансового поведения начиная с подросткового возраста. В данном контексте проблема исследования финансового поведения россиян приобретает не только научную, но и практическую актуальность, поскольку позволяет выявить явные и латентные факторы такого поведения, определить его возможные модели, сделать выводы о региональной специфике.

При анализе финансового поведения отдельных граждан и домохозяйств ключевым является вопрос о причинах, факторах, мотивах финансового поведения, источниках доминирования тех или иных стратегий (потребление, сбережение, кредитование). В данном аспекте одной из ведущих концепций, нашедших свое отражение в социологических исследованиях, является теория рационального выбора. Она основана на постулатах неоклассической экономической теории, при этом в ней более значительное внимание уделяется социальным институтам, которые оказывают существенное влияние на экономические практики людей¹. В соответствии с ней индивид или домохозяйство действуют максимально рационально, пытаясь своими действиями максимизировать экономическую или социальную полезность. При этом рациональность финансового поведения во многом определяется качеством и объемом имеющейся у актора информации². Поведение индивида в рамках теории рационального выбора подвержено существенно влиянию со стороны социальных институтов. Их роль состоит в оказании влияния на ориентации отдельных акторов. Основную группу таких институтов образуют средства массовой коммуникации. Определяя когнитивный мир индивида, эти институты могут влиять на его предпочтения и, следовательно, на его действия и финансовые практики³.

---

¹ *Williamson O.E.* Transaction cost economics and organization theory // *The Handbook of Economic Sociology* / Ed. by N. Smelser, R. Swedberg. Princeton, 1994. С. 77–107.

² *Беккер Г.С.* Человеческое поведение: экономический подход. Избранные труды по экономической теории. М., 2003.

³ *Коулман Дж.С.* Экономическая социология с точки зрения теории рационального выбора // *Экономическая социология*. 2004. Т. 5. № 3. С. 35–45.

Важнейшей проблемой теории рационального выбора является объяснение экономического поведения, являющегося проявлением своеобразных психологических и социальных аномалий, которые демонстрируют систематические отклонения индивидов от рациональной линии поведения. Тема психологических установок индивида и их влияния на финансовое поведение начала актуализироваться еще в середине прошлого века. Так в частности, Дж. Кейнс одним из первых обосновал вывод о том, что финансовое поведение во многом определяется не рыночной конъюнктурой, а предпочтениями потребителей, т.е. целым спектром индивидуальных и психологических особенностей⁴. В контексте настоящего исследования это очень важный вывод, который позволяет интерпретировать, например, кредитное поведение россиян. Психологические факторы, влияющие на экономическое поведение граждан, исследовал Дж. Катона. Он полагал, что люди особым образом принимают решения относительно сбережений, кроме этого, он обосновал вывод о том, что финансовое поведение подвержено воздействию динамики психологического оптимизма/пессимизма относительно личных финансов или экономики в целом⁵.

Особая группа исследований, в основе которых лежат психологические детерминанты финансового поведения, связана с психологией и социологией массового поведения. В данном контексте поведение отдельного индивида объясняется “социальным заражением”, влиянием толпы. Наибольший интерес представляют социологические и экономические работы, посвященные различного рода финансовым пирамидам⁶.

Говоря о финансовом поведении индивида, очень важно учитывать его социальное окружение, а также социально-демографические характеристики, в первую очередь, гендер. В данном случае стоит указать на целый ряд социологических исследований, в основе которых лежит рассмотрение финансового поведения домохозяйств, особенности отношений между мужчиной и женщиной в процессе принятия того или иного финансового решения.

---

⁴ Кейнс Дж.М. Общая теория занятости, процента и денег // Антология экономической классики. М., 1993.

⁵ Катона G. Psychological analysis of economic behavior. N.Y., 1951.

⁶ См.: Кузина О.Е. Иллюзии рациональности: влияние коллективных представлений на инвестиционное поведение вкладчиков “финансовых пирамид” // Вопросы социологии. 1998. Вып. 8. С. 35–43; Радаев В.В. Уроки финансовых пирамид, или что может сказать экономическая социология о массовом финансовом поведении // Мир России. 2002. Т. 11. № 2. С. 39–69; Grossman S.J., Shiller R.J. The determinants of the variability of stock market prices // American Economic Review. 1981. Vol. 71; Kindleberger C.P. Manias, panics, and crashes: a history of financial crises. N.Y., 1994.

Так, финансовые конфликты в семье исследуются в зарубежной социологии⁷, механизмы управления семейными финансами обсуждаются в целом ряде работ отечественных социологов⁸. Достаточно большое число работ посвящено анализу распределения власти внутри семьи по поводу принятия решения о том или ином типе финансового поведения⁹. Авторы рассматривают данную проблему через призму трансформации традиционных гендерных ролей, выделяя несколько ключевых моделей устройства домохозяйств, которые оказывают прямое влияние на экономические практики всех членов семьи. В их работах представлена классификация моделей управления семейными финансами, включающая в себя систему полного женского или мужского управления, систему фиксированного бюджета на ведение домашнего хозяйства, систему независимого управления, систему общего пула. Безусловно, доминирование той или иной семейной модели (системы) оказывает существенное влияние на склонность к сбережению, потреблению или кредитованию. Концепция семейного финансового поведения, определяющая действия отдельного актора, в значительной степени актуальна для нашей страны, что связано, например, с кредитной политикой российских банков, зачастую требующих, чтобы кто-то из членов семьи выступил со-заемщиком финансовых средств. Это в свою очередь позволяет говорить о влиянии модели семейного финансового менеджмента на выбор типов и форм кредитного поведения домохозяйств.

В контексте настоящей статьи необходимо особо остановиться на исследованиях, посвященных трансформационным процессам, происходящим в финансовой сфере и связанным с широким распространением различных форм электронных (безналичных) денег (пластиковые карты, интернет-платежи, электронные кошельки и т.д.) и их эрзацев (например, “Спасибо от Сбербанка” и др.). Как справедливо отмечается в ряде работ, постепенное распространение безналичных денег привело к определенным изменениям фи-

---

⁷ *Alsemgeest L.* Family communication about money: why the taboo? // *Mediterranean Journal of Social Sciences*. 2014. N 5 (16). С. 516–523; *Britt S.L., Huston S.J.* The role of money arguments in marriage // *Journal of Family and Economic Issues*. 2012. N 33 (4). С. 464–476.

⁸ *Ибрагимова Д.Х.* Деньги, гендер, власть в домохозяйстве: концептуальные подходы // *Экономическая социология*. 2016. № 17 (2). С. 116–146; *Попова П.А.* Как объяснить финансовый конфликт в семье? // *Экономическая социология*. 2017. Т. 18. № 2. С. 112–138.

⁹ *Ибрагимова Д.Х.* Кто управляет деньгами в российских семьях // *Экономическая социология*. 2012. № 13 (3). С. 22–56; *Pahl J.* Family finances, individualization, spending patterns and access to credit // *Journal of SocioEconomics*. 2008. N 37 (2). P. 577–591.

нансового поведения и финансовых практик акторов¹⁰. Поскольку безналичные деньги являются “невидимыми”, они, с одной стороны, способствуют развитию индивидуализма в управлении финансами, а с другой — снижают уровень контроля за их расходованием, что приводит к росту потребления, основанного не на удовлетворении потребностей, а скорее связанного с различного рода социальными и культурными условиями¹¹.

Если говорить об исследовании финансового поведения россиян, то можно констатировать увеличение числа, в первую очередь, эмпирических исследований. Российские социологи исследуют финансовое поведение отдельных социальных групп¹², модели сберегательного поведения¹³, кредитные практики жителей нашей страны¹⁴, особенности использования электронных денег¹⁵.

В то же время, сегодня не хватает эмпирических исследований финансового поведения россиян, построенных на достаточно большом объеме данных, позволяющих делать выводы относительно всех регионов нашей страны и различных аспектов финансового поведения. Именно эту задачу и решает настоящая статья.

Характеристика информационной базы исследования

Сегодня значительное число эмпирических исследований в сфере финансового поведения россиян и граждан других государств базируется на классических методах социологического и маркетин-

---

¹⁰ Lewis A., Betts H., Webley P. Financial services: a literature review of consumer attitudes, preferences and perceptions. Bath, 1997.

¹¹ Загоруйко Т.А. Безналичные средства в семейном бюджете: меняются ли практики управления финансами? // Экономическая социология. 2017. Т. 18. № 5. С. 111–139; Bonke J. Income distribution and financial satisfaction between spouses in Europe // Journal of Socioeconomics. 2008. N 37. С. 2291–2303; Bennett F. et al. Financial togetherness and autonomy within couples // Gendered Lives: Gender Inequalities in Production and Reproduction / Ed. by J. Scott, S. Dex, A.C. Plagnol. Cheltenham, 2012. P. 97–122; Yodanis C., Lauer S. Is marriage individualized? What couples actually do // Journal of Family Theory and Review. 2014. N 6 (2). P. 184–197.

¹² Каравай А.В., Тихонов А.А. Особенности финансовых установок и поведения российских рабочих // TERRA ECONOMICUS. 2015. Т. 13. № 1. С. 89–106; Кузина О.Е. Динамика пенсионных стратегий населения за 2005–2012 гг. // Мир России: социология, этнология. 2013. Т. 22. № 4. С. 118–147.

¹³ Ибрагимова Д.Х. Сберегательное поведение россиян в 2009–2013 гг. // Банковское дело. 2013. № 12. С. 48–53.

¹⁴ Савицкая Е.В., Прахов И.А. Образовательный кредит: зарубежный опыт и возможности использования в условиях асимметричной информации // Вопросы образования. 2007. № 1. С. 133–152.

¹⁵ Халина Н.В. Электронные деньги в России: восприятие населением современных способов платежей // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2013. № 2 (114). С. 122–130.

гового исследования (количественные опросы, индивидуальные и фокус-групповые интервью). В то же время в ситуации цифровизации современной экономики появляется все больше открытых данных, что позволяет анализировать существенно больший объем информации, нежели это возможно при самом эффективном и качественном полевом исследовании. В качестве информационной базы для настоящей статьи использовался датасет, представленный в открытом доступе на сайте Сбербанка России¹⁶. Он содержит 74842 записи за период с 2013 по сентябрь 2019 г. и включает в себя 11 признаков, характеризующих особенности экономического поведения россиян — клиентов банка (табл. 1). Для обработки и анализа данных использовался бесплатно распространяемый язык программирования R.

Ключевые тенденции финансового поведения россиян

Финансовое поведение россиян сегодня определяется не только уровнем их дохода, но и социальным опытом большого количества экономических кризисов и реформ финансовой сферы, которые привели к снижению уровня жизни отдельных социальных групп и страт российского общества. Денежные реформы начала 90-х прошлого века, “черный вторник” 1998 г., экономические кризисы 2008–2010 гг. — все это, несомненно, накладывает отпечаток на финансовые стратегии жителей страны.

Как справедливо отмечает Н.Г. Осипова, “проводимая в 90-х гг. XX в. политика вывела Россию в группу государств с наиболее высоким уровнем экономического неравенства, что выразилось в проявлении крайностей нищеты и богатства”¹⁷ и, несомненно, оказала серьезное влияние на финансовые поведенческие стратегии россиян.

Представленная информационная база позволяет сделать целый ряд выводов относительно трансформации финансового поведения россиян — клиентов ПАО Сбербанк России (табл. 1).

Некоторые данные в представленной таблице пропущены (обозначены символом NA), поэтому выводы по 2013 и другим годам могут быть сделаны не по всем позициям. Проанализируем полученные результаты.

---

¹⁶ Открытые данные ПАО Сбербанк России (2019). URL: <http://www.sberbank.com/ru/opendata> (дата обращения: 04.09.2019).

¹⁷ Осипова Н.Г. Проблема современного глобального неравенства // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2014. № 2. С. 123.

**Ключевые показатели финансового поведения россиян
(2013–2019 гг.), руб.**

Показатель	Суммы по годам, руб.						
	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
В среднем депозитов в руб. на человека	NA	353281	438707	520548	550123	596725	615896
В среднем руб. на текущем счете на человека	NA	22202	20649	23227	25888	30392	29072
Количество заявок на ипотечные кредиты	70466	108256	79926	95270	121169	152415	94991
Количество заявок на потребительские кредиты	828219	896827	686617	848780	933780	1308668	1312857
Количество новых депозитов	NA	1833872	2105993	1816104	2049026	1957589	NA
Средние расходы по картам	NA	7720	8660	10354	12120	14139	13745
Средняя зарплата	NA	NA	26874	29875	32037	35833	27128
Средняя пенсия	NA	11872	13696	14536	14943	15718	13522
Средняя сумма заявки на ипотечный кредит	1571894	1666965	1604586	1623815	1798242	2019934	2109806
Средняя сумма заявки на потребительский кредит	225405	219595	197554	221527	250698	284667	285493
Средняя сумма нового депозита	NA	243189	265326	314890	358266	420482	NA

Во-первых, финансовое поведение россиян в целом отличается ростом тенденции к сбережению. При практически не меняющейся средней заработной плате и пенсии, мы наблюдаем увеличение числа рублевых депозитов с 353281 рубля в 2014 г. до 615896 рублей в 2019 г. (при условии, что на момент написания статьи 2019 г. еще не завершился). При этом важно понимать, что Сбербанк России предлагает не самые выгодные условия по депозитам, что, в свою очередь, позволяет говорить о еще более сильной выраженности данной тенденции по стране с учетом предложений других банков. Подтверждением этому является и тот факт, что на протяжении

исследуемых лет идет рост среднего размера новых депозитов, открываемых в каждый конкретный год (с 243189 рублей в 2014 г. до 420482 рублей в 2018 г.). Количество вновь открываемых банковских депозитов сохраняет ежегодную динамику, что свидетельствует не только об увеличении склонности к накоплению со стороны граждан, имевших банковский вклад, но и к постоянному появлению новых групп граждан, стремящихся, пусть и к консервативному, но все же приумножению собственного капитала. Тенденцию к распространению практик бережливого поведения демонстрирует и тот факт, что в указанные годы практически не меняются средние суммы заявок на потребительский и ипотечный кредиты (незначительный рост средних сумм заявок по ипотечным кредитам можно объяснить инфляцией и ростом стоимости 1 м² жилья).

В то же время, число заявок на потребительские и ипотечные кредиты возрастает (при чем рост количества заявок на потребительские кредиты за последние 6 лет вырос более чем в 1,5 раза). Поскольку сам размер кредитов увеличивается незначительно, можно сделать вывод о том, что поведение россиян в данном случае можно рассматривать как сугубо функциональное, связанное с необходимостью приобретения “базовых”, необходимых вещей. Анализ представленных данных позволяет констатировать, что россияне все чаще берут небольшие кредиты, которые позволяют им решать повседневные потребительские задачи. Важно отметить, что здесь мы наблюдаем определенную амбивалентность в поведении клиентов Сбербанка, о которой мы подробнее скажем ниже. Рост рублевых депозитов и одновременно количества заявок на кредитные средства позволяет говорить о разных поведенческих моделях россиян (см. ниже).

Отметим, что в целом рост тенденции к сберегательному поведению во многом связан с экономической и политической нестабильностью, что подтверждается целым рядом исследований¹⁸. Эмпирические социологические исследования россиян также демонстрируют увеличение тенденции к сбережению в отдельных социальных группах. Так, в частности, по данным опросов ВЦИОМ доля сторонников минимизации расходов и, соответственно, увеличения сбережений, например, в период с января по март 2015 г. выросла с 55 до 65%, что подтверждает сформулированный выше вывод¹⁹.

---

¹⁸ Афанасьева А.Р., Рабцевич А.А. Модель сберегательного поведения населения в условиях финансового кризиса // Векторы развития современной науки. 2015. № 1. С. 116–118.

¹⁹ Официальный сайт Всероссийского центра изучения общественного мнения (2019). URL: <http://wciom.ru/database> (дата обращения: 10.09.2019).

Во-вторых, важным аспектом экономического поведения россиян является использование для накопления инструментов с низкой ликвидностью. Действительно, как можно видеть из табл. 1, россияне, являющиеся клиентами Сбербанка России, практически не имеют финансовых средств на текущих счетах, сохраняя их примерно на уровне средней заработной платы. Другими словами, переводя все накопления в формат депозитов Сбербанка, они практически лишаются возможности их изъятия до момента окончания действия вклада. Отметим, что ПАО Сбербанк России практически не имеет депозитов, которые позволяли бы свободно снимать денежные средства. Те же депозиты, что предоставляют такую возможность, имеют значительно более низкую доходность по вкладу. Рост объема депозитов Сбербанка позволяет выдвинуть гипотезу о низкой экономической культуре определенных групп россиян, использующих в качестве средств сбережения такие консервативные инструменты, как вклады. Представляется, что сегодня достаточно небольшой процент граждан России имеет четко сформулированную финансовую стратегию, основанную на системном сбережении и инвестировании имеющихся средств. Данный факт подтверждается и результатами общемирового исследования, проведенного ОЭСР в 2017 г., по итогам которого Россия занимает лишь 9-е место в рейтинге финансовой грамотности населения стран G20²⁰. Представляется, что лишь незначительная часть россиян использует для инвестирования такие интуитивно понятные финансовые продукты, как ПИФы и индивидуальный инвестиционный счет (ИИС), позволяющие получать доход, значительно превышающий проценты по депозитам, не говоря уже о рынке акций и облигаций.

В-третьих, несмотря на расширение политики Сбербанка по продвижению своих банковских продуктов среднестатистический гражданин России по-прежнему предпочитает осуществлять финансовые расчеты с использованием наличных денег. Как можно видеть, среднемесячные расходы по банковским картам Сбербанка выросли лишь на 6419 рублей на конец 2018 г. Это можно объяснить как особенностями клиентов Сбербанка, большую часть которых составляют люди старшего возраста, так и консервативными инструментами мотивации к использованию в расчетах пластиковых карт. В частности, программа лояльности “Спасибо от Сбербанка”²¹

---

²⁰ Финансовая грамотность россиян оказалась средней (2019). URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3350789> (дата обращения: 10.09.2019).

²¹ Официальный сайт ПАО Сбербанк России (2019). URL: <https://spasibosberbank.ru/> (дата обращения: 10.09.2019).

существенно уступает с точки зрения ликвидности получаемого кэшбэка продуктам Альфа-банка, Тинькофф и других финансовых организаций, в которых поощрение клиентов осуществляется не с помощью виртуальных баллов, а в виде денежных выплат. При этом уровень недоверия россиян к финансовым расчетам с помощью банковских карт представляется еще более высоким, если упомянуть тот факт, что значительное число работников бюджетной сферы страны получает заработную плату именно на пластиковую карту Сбербанка, которая в данном случае выступает скорее не средством расчета, а транзитным инструментом хранения денежных средств до момента их обналичивания в банкомате.

Таким образом, можно констатировать, что в целом финансовое поведение россиян — клиентов ПАО Сбербанк России носит традиционный характер, основывается на достаточно простых схемах потребления и сбережения.

Модели финансового поведения россиян

Представленная информационная база позволяет выявить две ключевые модели финансового поведения россиян — клиентов Сбербанка России. Эти модели классифицируются нами с точки зрения источника финансовых средств для осуществления собственной жизнедеятельности. Для верификации поведенческих моделей был проведен факторный анализ методом главных компонент, позволивший выявить два фактора, которые стоят за переменными, представленными в информационной базе. Другими словами, представленные данные имеют четкую структуру, в рамках которой все переменные делятся на две группы, внутри которых они тесным образом связаны друг с другом (коррелируют).

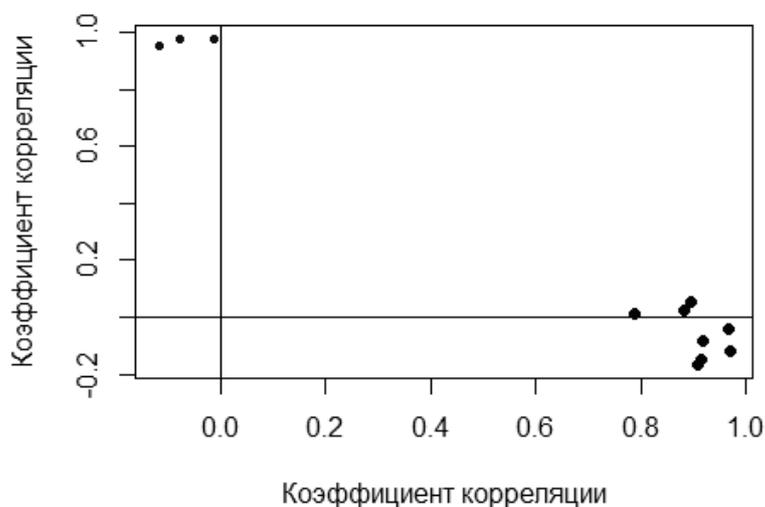

Рис. 1. Результаты факторного анализа

Первая группа включает в себя такие переменные как “количество заявок на ипотечный кредит”, “количество заявок на потребительский кредит”, “количество новых депозитов”. *Вторая группа* содержит все остальные переменные (рис. 1).

Из данных рис. 1 видно разделение всех переменных, имеющихся в информационной базе на два больших кластера. При этом корреляция внутри кластера очень сильна (от 0,8 до 0,9), в то время как различия между кластерами значительны. Это подтверждает наш вывод о существовании двух групп признаков, собранных в информационной базе ПАО Сбербанк, которые, в свою очередь, репрезентируют две группы клиентов банка. Представляется, что первая группа репрезентирует тех россиян, клиентов Сбербанка России, для которых ключевым источником финансовых средств для решения задач своей жизнедеятельности, является кредит. В данном случае речь не идет о том, что указанная когорта россиян использует только заемные средства. Скорее мы говорим о стратегии финансового поведения в ситуации необходимости приобретения дорогостоящих товаров, включая собственное жилье. Тесная корреляция между количеством заявок на потребительский и ипотечный кредиты позволяет делать выводы о наличии устойчивых групп граждан страны, для которых характерно одновременное использование различных банковских кредитных продуктов. С высокой долей вероятности можно говорить о том, что, подавая заявку на ипотечный кредит (или наоборот потребительский), они одновременно могут выступать заемщиками другого кредита (или же иметь таковой на момент подачи заявки). Таким образом, для данной категории граждан ключевой практикой финансового поведения становится “жизнь в кредит”, что, безусловно, всячески поощряется банковскими и другими финансовыми структурами во всем мире, включая Россию. При этом важно, что на поведенческие модели данной группы не оказывают влияния ни средний уровень доходов, ни сам объем запрашиваемых кредитных средств. Более того, мы не можем достоверно утверждать, что данная социальная группа находится в сложной финансовой ситуации, близка к предбанкротному состоянию и т.п. В действительности суммы, которые граждане берут в качестве кредитов, могут быть незначительными и соответствовать их уровню доходов. В данном случае важен именно тот факт, что их поведение определяется самой возможностью брать кредиты на самые разные жизненные цели. Тот факт, что с такими переменными, как количество заявок на ипотечный и потребительский кредит, связан рост числа новых депозитов, лишь подтверждает сделанные выводы. Практикой Сбербанка России является открытие новых депозитов под каждый вновь

взятый кредит. Таким образом, связь трех указанных параметров демонстрирует наличие устойчивой тенденции к кредитному финансовому поведению в отдельных сегментах российского общества. Отметим, что существование особой социальной группы внутри российского общества, для которых “кредитное” финансовое поведение становится своеобразной нормой, подтверждается целым рядом всероссийских исследований. Так, в частности, совместное исследование Минфина России и исследовательского центра ЗАО “Демоскоп” в 2016 г., получившее название “Изучение финансового поведения населения и привычки к накоплению сбережений”, позволяет констатировать, что бремя непогашенной задолженности по одному или нескольким видам кредитов в 2015 г. несли 35,7% домохозяйств, при этом в среднем российские семьи отдают в качестве оплаты за кредит четверть ежемесячных доходов²².

Не менее важно и то, что описанная модель финансового поведения (“жизнь в кредит”) способствует росту социального неравенства в российском обществе, возникновению социальных групп, находящихся в “зоне” депривации. Низкий уровень финансовой грамотности, широкая доступность заемных средств становятся существенным фактором для латентного воспроизводства бедности. Как справедливо отмечают российские социологи, “в настоящее время бедность представляется как многомерный и кумулятивный (совокупный) процесс взаимодействия и взаимовлияния различных факторов”²³, одним из которых, несомненно, становится деструктивное экономическое поведение.

Вторая модель экономического поведения может быть описана через взаимосвязь оставшихся переменных, включенных в информационную базу Сбербанка России. В данном случае представляется, что особенности экономического, в частности кредитного, поведения определяет не сам факт наличия такой возможности, а финансовое состояние человека. Связь таких параметров, как средняя заработная плата, средняя пенсия, средние расходы по картам, средний объем финансовых средств, а также средняя сумма заявки на потребительский или ипотечный кредит позволяет говорить о том, что в данном случае человек, принимая решение в экономической сфере, в большей степени ориентирован именно на учет собственных финансовых возможностей и потенциала.

---

²² Результаты всероссийского исследования финансового поведения россиян (2019). URL: <http://magazine.rmcenter.ru/rezultaty-vsrossijskogo-issledovaniya-finansovogo-povedeniya-naseleniya> (дата обращения: 09.09.2019).

²³ *Осинова Н.Г.* Указ. соч. С. 126.

Если поведение первой группы в большей степени детерминировано доступностью заемных финансовых средств, то для второй группы необходимо выделить факторы, определяющие поведение ее участников. В качестве наиболее релевантной рассмотрим ситуацию получения ипотечного или потребительского кредита.

При описании первой модели экономического поведения (первая группа) мы говорили лишь о некоторой латентной склонности к получению кредитов, независимо от их направленности, в данном же случае (вторая группа) мы можем наблюдать серьезную дифференциацию факторов, оказывающих влияние на выбор конкретного вида кредита. Проведенный анализ позволяет констатировать, что в случае разных видов кредитов (потребительского и ипотечного), значимость одних и тех же факторов меняется. В случае потребительского кредита ключевым и единственным фактором является средняя заработная плата (именно она объясняет более 91% распределения средних сумм заявок на потребительский кредит). Ее увеличение ведет к тому, что возрастает и финансовый уровень заявки на потребительский кредит. При ипотечном кредите влияние средней заработной платы остается, но становится менее выраженным. При этом другие переменные, включенные в информационную базу Сбербанка России, не вносят существенного вклада в понимание того, какие факторы наиболее значимы для потребителей при выборе размера ипотечного кредита. Связь средней заработной платы и объемов ипотечного и потребительского кредитов представлена на рис. 2.

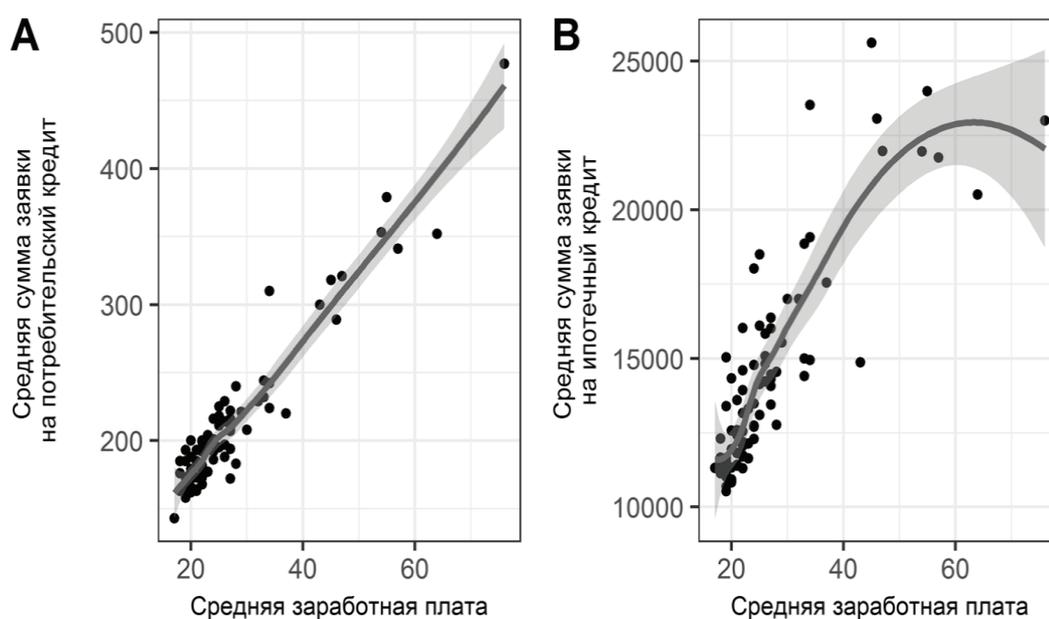

Рис. 2. Влияние средней заработной платы на среднюю сумму потребительского и ипотечного кредита, тыс. рублей

Часть рис. 2 под литерой “А” демонстрирует достаточно выраженную линейную зависимость между размером средней заработной платы и суммой заявки на потребительский кредит. При этом такая зависимость сохраняется при любом уровне заработной платы. Часть рис. 2 под литерой “В” демонстрирует взаимосвязь между средней заработной платой и суммой ипотечного кредита; в данном случае видно, что зависимость перестает быть линейной, что подтверждает вывод о том, что на размер ипотечного кредита влияет не только доход человека. При этом график “В” демонстрирует и большой разброс значений по отношению к регрессирующей кривой, что также свидетельствует о менее существенной роли средней заработной платы. Важно отметить, что основные потребители кредитов — это клиенты Сбербанка России с заработной платой до 40 тысяч рублей. После этой суммы количество кредитов резко сокращается, при этом важно, что сумма в 50–55 тысяч рублей становится своеобразной точкой преломления для клиентов Сбербанка с точки зрения интереса к ипотечному кредиту. Действительно, на рис. 2 мы можем наблюдать, что после данного уровня заработной платы количество ипотечных кредитов резко снижается и зависимость между параметрами перестает быть близкой к линейной, что может свидетельствовать о том, что люди с таким доходом предпочитают другие стратегии приобретения жилья (вероятно используя стратегии накопления). В ситуации же потребительского кредита такого феномена мы не наблюдаем. Думается, что этот факт подчеркивает сделанный ранее вывод об особой группе потребителей кредитов, чье поведение не нормируется уровнем дохода. При этом рост дохода не приводит к изменению модели финансового поведения (например, к накоплению), в основе которой остается “кредитная парадигма” типичная для первой группы граждан.

На основе представленных графиков можно сделать и еще один важный вывод. Для значительной части россиян, находящихся в нижнем и среднем сегменте заработной платы, по-прежнему важнейшим инструментом инвестирования остается приобретение недвижимости, что проявляется в том, что даже небольшой рост дохода стимулирует увеличение ипотечных кредитов. Это подтверждается и результатами всероссийских исследований. Так, согласно опросам, проведенным ВЦИОМ в мае 2015 г., самым надежным способом хранения сбережений у россиян по-прежнему считалось вложение денег в недвижимость — об этом заявили 47% опрошенных²⁴.

---

²⁴ Официальный сайт Всероссийского центра изучения общественного мнения (2015). URL: <http://wciom.ru/database> (дата обращения: 09.09.2019).

Таким образом, можно констатировать, что сегодня в нашей стране существует две группы граждан, дифференцированных с точки зрения особенностей экономического поведения. Для первой характерна “кредитная” стратегия “жизни в долг”, в основе которой лежит идея потребления “здесь и сейчас” с последующим отсроченным погашением долга. На финансовое поведение данной группы не влияет ни уровень средней заработной платы, ни другие финансовые факторы. Их поведение определяется возможностью получить кредитные средства на удовлетворение своих потребностей. Вторая группа — это россияне, которые пытаются осуществлять своеобразный рефлексивный мониторинг своего финансового поведения, активно вовлекаясь в процессы сбережения, инвестирования и т.п. При этом используемые второй группой граждан финансовые инструменты не всегда адекватны и эффективны с точки зрения приносимой прибыли. Они основаны не на понимании рыночной конъюнктуры, а скорее на имеющихся коллективных стереотипах правильного поведения (например, на привлекательности для инвестирования рынка жилья несмотря на возникновение новых и зачастую более доступных и экономически привлекательных инструментов).

Финансовое поведение россиян в региональном разрезе

Представленная информационная база содержит в себе распределение всех указанных параметров с точки зрения разных регионов Российской Федерации. Это позволяет сделать некоторые выводы об особенностях экономического поведения применительно к разным субъектам РФ. Для того чтобы осуществить подобное сравнение, выберем ключевые индикаторы. Во-первых, проанализируем средние значения рублевых депозитов в разных регионах. Во-вторых, исследуем распределение субъектов РФ с точки зрения объема операций по пластиковым картам. Наконец, в-третьих, проанализируем субъекты РФ с точки зрения объемов ипотечных и потребительских кредитов.

Начнем анализ с изучения распределения средних объемов рублевых депозитов в разных регионах России (рис. 3).

На рис. 3 представлено распределение российских регионов с точки зрения средних размеров рублевых депозитов в Сбербанке России по всем годам, имеющимся в информационной базе данных. На графике в виде текстовой информации также представлено распределение по квантилям, что позволяет предметно проанализировать региональную специфику. *Во-первых*, значительная часть

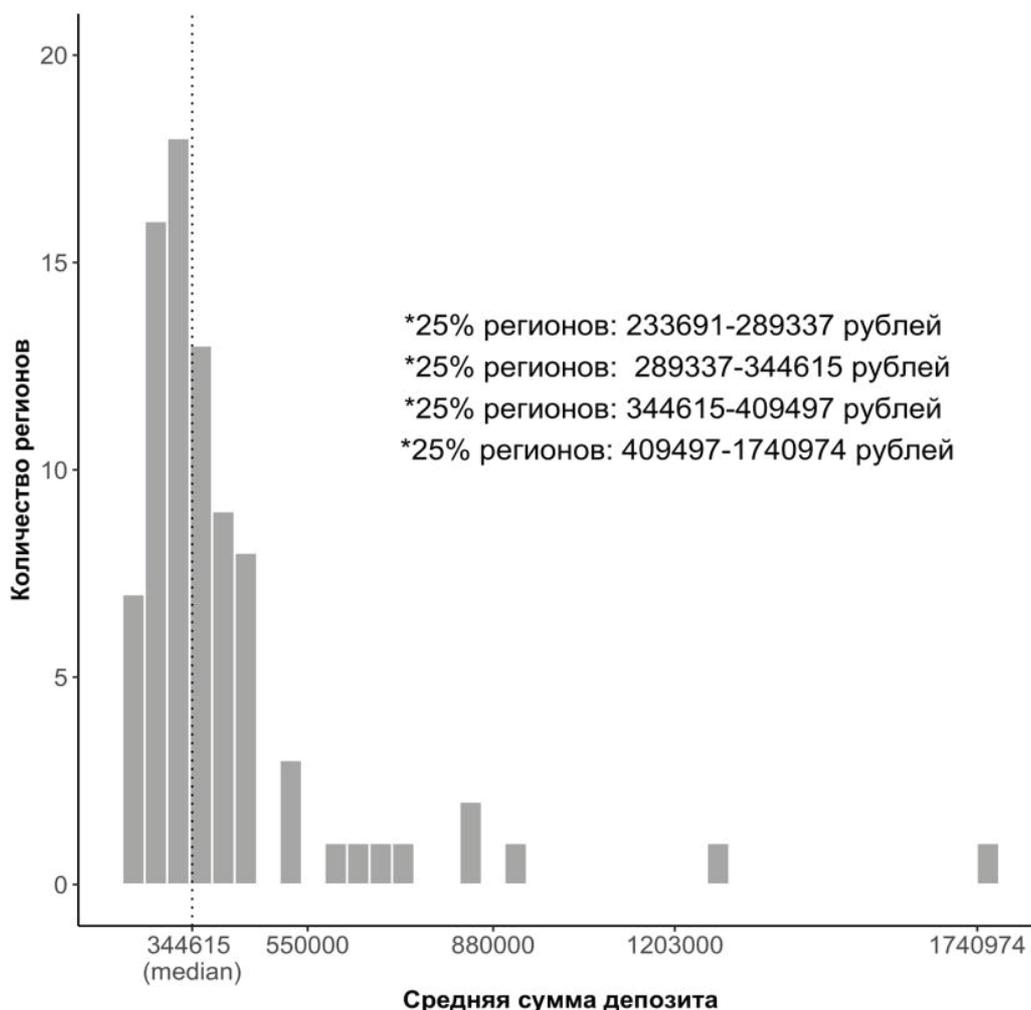

Рис. 3. Распределение регионов России с точки зрения среднего размера банковского депозита

российских регионов — это субъекты РФ, где средние значения банковских депозитов варьируются от 212539 до 550000 рублей. Во-вторых, медианное значение, разделяющее регионы РФ на две равные группы, составляет 344615 рублей. Другими словами, жители половины российских регионов в среднем имеют вклады чуть более 300 тысяч рублей, что, безусловно, свидетельствует об их низком экономическом уровне. При этом 25% регионов страны имеют средний депозит чуть более 280 тысяч рублей. В-третьих, на представленном графике мы можем видеть существование пула регионов, где объем рублевых депозитов Сбербанка значительно превышает средние значения по стране. Это свидетельствует о существовании целого кластера регионов, где данный финансовый инструмент выступает приоритетным средством сохранения и накопления денежных средств. Отметим, что такая ситуация является во многом показательной с точки зрения экономического поведения россиян. Действительно, в ситуации появления свободных финан-

совых средств значительная часть россиян склонна сохранять их на рублевых депозитах, по всей видимости, не рассматривая более привлекательные с точки зрения дохода финансовые инструменты, о чем мы говорили ранее.

Представленный график также позволяет сделать выводы о существенном различии российских регионов с точки зрения социального неравенства. Действительно, размах средних объемов депозитов по регионам страны от чуть более 230 тысяч рублей до 1 млн 740 тысяч рублей свидетельствует не только об особенностях финансового поведения жителей страны, но и о серьезной стратификации территорий нашей страны.

Представленная ниже табл. 2 позволяет увидеть первые десять регионов РФ с точки зрения средних сумм по рублевым депозитам Сбербанка России.

Таблица 2

Первая “десятка” регионов по объему рублевых депозитов, тыс. рублей

Субъект РФ	Средний размер депозита, руб.
Ханты-Мансийский автономный округ — Югра	1740974,3
Москва	1286225,9
Магаданская область	926055,8
Чукотский автономный округ	859537,4
Камчатский край	828216,4
Санкт-Петербург	724125,7
Сахалинская область	692579,5
Ненецкий автономный округ	641803,4
Ямало-Ненецкий автономный округ	591673,3
Мурманская область	530041,9

Наибольший совокупный объем депозитов в рублях имеют жители Ханты-Мансийского автономного округа, на второй позиции находится Москва, на третьей — Магаданская область. Замыкает десятку регионов Мурманская область. Выделенные регионы за исключением столицы и Санкт-Петербурга — это северные окраинные территории страны с достаточно сложными климатическими условиями и высокими заработными платами. Тот факт, что

сбережение осуществляется через депозиты Сбербанка, связан не только с уровнем финансовой грамотности жителей страны (о чем мы писали ранее), но и с отсутствием на этих территориях развитой инфраструктуры других банков.

Проанализируем средние значения по регионам с точки зрения использования пластиковых карт. В данном случае речь идет о средних ежемесячных расходах по пластиковым картам Сбербанка России. Для анализа используются только покупки по картам. Операции, связанные с любыми зачислениями и снятием финансовых средств по картам, перечислением кредитов с использованием банковских карт в данном случае не учитываются.

Представляет интерес анализ объема операций по банковским картам в разрезе средней заработной платы жителей той или иной территории. Такой подход позволит сделать выводы не только об объеме операций с использованием пластиковых карт, но и увидеть, какой процент от средней заработной платы тратится в том или ином регионе с использованием карт (рис. 4).

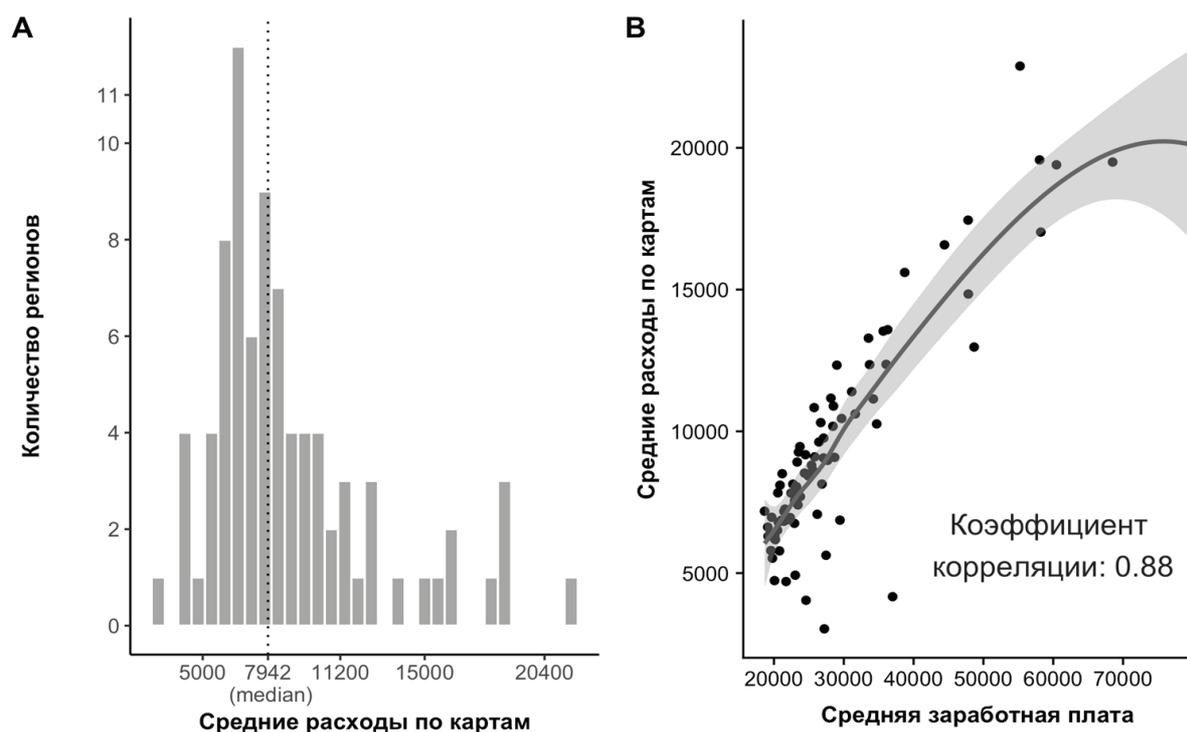

Рис. 4. Распределение клиентов ПАО Сбербанк с точки зрения использования пластиковых карт в разрезе российских регионов

Как можно видеть, жители половины российских регионов в среднем расходуют в месяц чуть менее 8000 рублей (медианное значение на рис. 4 с литерой “А”). Как отмечалось выше, это во многом связано с доминированием людей старшего возраста среди

клиентов ПАО Сбербанк, а также с политикой финансового учреждения в сфере повышения лояльности клиентов (начисление баллов “Спасибо” вместо возвращения реальных денежных средств в виде кэшбэка). В то же время, если обратиться к части рис. 4 с литерой “В”, то можно видеть очень высокую корреляцию между средней заработной платой и объемом расходов по пластиковым картам, что свидетельствует лишь о том, что благосостояние граждан страны не позволяет им тратить значительные суммы в принципе. Рост заработной платы приводит к тому, что жители отдельных регионов начинают увеличивать расходы по пластиковым картам, часть денежных средств переводя в накопления. Представленный рис. 4 подтверждает вывод, сформулированный выше о постепенно возрастающей склонности к сберегательному поведению, поскольку, как можно наблюдать, при достижении определенного уровня заработной платы объем расходов по картам фактически останавливается на отметке в среднем чуть более 20000 рублей в месяц.

На представленном рис. 4 можно видеть ряд точек-регионов, в которых поведение жителей “выбивается” из общей логики. Это в частности группа регионов, где рост заработной платы не приводит к увеличению расходов по пластиковым картам ПАО Сбербанк, а также регионы, где при средней заработной плате чуть более 50000 рублей жители демонстрируют также высокие расходы по пластиковым картам (табл. 3).

Таблица 3

Регионы, демонстрирующие отсутствие положительной корреляции между расходами по картам и средней заработной платой, руб.

Регион	Расходы по картам	Средняя заработная плата
Республика Дагестан	4041,327	24589,06
Республика Ингушетия	3035,082	27211,31
Чеченская Республика	4168,714	36994,27
Ненецкий автономный округ	22880,816	55242,45
Чукотский автономный округ	20141,673	79711,20

В завершение исследуем особенности распределения потребительских и ипотечных кредитов (рис. 5).

Информация, представленная на рис. 5, позволяет сделать вывод о различии российских регионов с точки зрения распределения

средних объемов ипотечных и потребительских кредитов за весь исследуемый период. Жители половины субъектов РФ в среднем ежегодно на протяжении шести лет берут порядка 1 млн 400 рублей на ипотеку (часть рис. 5 с литерой “А”, медианное значение — 1375823 рубля) и чуть более 200 тысяч рублей на потребительские нужды (часть рис. 5 с литерой “В”, медианой значение — 206109 рублей). Информация, представленная на рис. 5, еще более подчеркивает существенную стратификацию российских территорий, о которой говорилось выше.

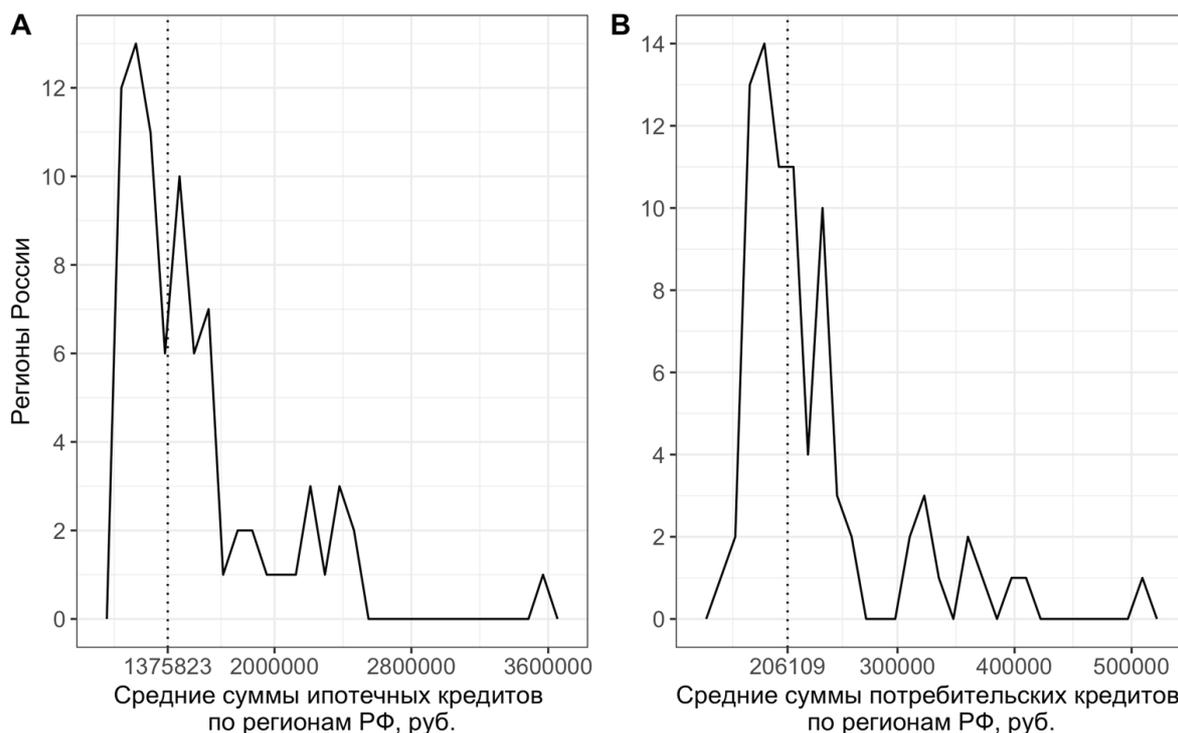

Рис. 5. Распределение средних объемов ипотечных и потребительских кредитов в региональном разрезе

Таким образом, можем констатировать, что при анализе региональной специфики финансового поведения клиентов ПАО Сбербанк России мы можем дифференцировать субъекты РФ с точки зрения объема банковских депозитов, расходов по пластиковым картам, объему и количеству потребительских и ипотечных кредитов.

Заключение

Проведенный анализ позволил выявить целый ряд феноменов финансового поведения россиян — клиентов ПАО Сбербанк России. Несмотря на тот факт, что анализировались только данные по одному банку, мы можем с высокой долей вероятности экстраполировать полученные результаты на большинство граждан нашей страны, что

в частности подтверждается целым рядом других социологических исследований.

Важнейшим результатом исследования стал тезис о существовании двух групп жителей страны с точки зрения моделей их финансового поведения. Достаточно большой процент граждан России сегодня — это заемщики кредитных средств, ориентированные на потребление “здесь и сейчас”. Безусловно, такое поведение тесным образом связано с достаточно агрессивной политикой финансовых и кредитных организаций, широко рекламирующих собственные продукты, а также с постоянным усилением дискурса престижного потребления доступного каждому, который транслируется через СМИ. При этом важно понимать, что зачастую кредитное поведение россиян никак не связано с их уровнем дохода. Существование такой модели не способствует сохранению социальной стабильности, приводя целые сообщества людей на грань банкротства.

Финансовое поведение россиян тесным образом связано с уровнем финансовой грамотности. Как показывает наше исследование, а также ряд других работ российских авторов, Россия имеет очень низкий показатель по данному параметру среди европейских стран. В контексте нашего исследования главным проявлением низкого уровня экономической грамотности жителей является непонимание возможностей для построения эффективной личной финансовой стратегии. Практики сбережения, воспроизводимые в значительной части российского общества, носят примитивный характер и базируются на классических для советской экономики банковских депозитах, процентные ставки по которым зачастую не покрывают даже инфляцию. Такое поведение ведет к появлению в обществе социальных групп, чья жизнедеятельность, особенно в зрелом возрасте, практически полностью определяется социальной политикой государства.

Анализ представленной информационной базы продемонстрировал, с одной стороны, значительное сходство российских регионов с точки зрения моделей и форматов финансового поведения граждан, а с другой — существенные различия субъектов РФ с точки зрения социального неравенства и доступа к финансовым ресурсам. Данное обстоятельство, на наш взгляд, создает условия для роста внутренней миграции жителей России, что обусловлено противоречием между интериоризированными стилями жизни, требующими высокого уровня потребления и ограниченностью имеющихся финансовых ресурсов в целом ряде регионов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

Афанасьева А.Р., Рабцевич А.А. Модель сберегательного поведения населения в условиях финансового кризиса // Векторы развития современной науки. 2015. № 1. С. 116–118.

Беккер Г.С. Человеческое поведение: экономический подход // Беккер Г.С. Избранные труды по экономической теории. М., 2003.

Загоруйко Т.А. Безналичные средства в семейном бюджете: меняются ли практики управления финансами? // Экономическая социология. 2017. Т. 18. № 5. С. 111–139.

Ибрагимова Д.Х. Деньги, гендер, власть в домохозяйстве: концептуальные подходы // Экономическая социология. 2016. № 17 (2). С. 116–146.

Ибрагимова Д.Х. Кто управляет деньгами в российских семьях? // Экономическая социология. 2012. № 13 (3). С. 22–56.

Ибрагимова Д.Х. Сберегательное поведение россиян в 2009–2013 гг. // Банковское дело. 2013. № 12. С. 48–53.

Каравай А.В., Тихонов А.А. Особенности финансовых установок и поведения российских рабочих // TERRA ECONOMICUS. 2015. Т. 13. № 1. С. 89–106.

Кейнс Дж.М. Общая теория занятости, процента и денег // Антология экономической классики. М., 1993.

Коулман Дж.С. Экономическая социология с точки зрения теории рационального выбора // Экономическая социология. 2004. Т. 5. № 3. С. 35–45.

Кузина О.Е. Иллюзии рациональности: влияние коллективных представлений на инвестиционное поведение вкладчиков “финансовых пирамид” // Вопросы социологии. 1998. Вып. 8. С. 35–43.

Кузина О.Е. Анализ динамики пользования банковскими кредитами и долговой нагрузки россиян // Деньги и кредит. 2013. № 2.

Кузина О.Е. Динамика пенсионных стратегий населения за 2005–2012 гг. // Мир России: социология, этнология. 2013. Т. 22. № 4. С. 118–147.

Осипова Н.Г. Проблема современного глобального неравенства // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2014. № 2.

Попова П.А. Как объяснить финансовый конфликт в семье? // Экономическая социология. 2017. Т. 18. № 2. С. 112–138.

Радаев В.В. Уроки финансовых пирамид, или что может сказать экономическая социология о массовом финансовом поведении // Мир России. 2002. Т. 11. № 2. С. 39–69.

Савицкая Е.В., Прахов И.А. Образовательный кредит: зарубежный опыт и возможности использования в условиях асимметричной информации // Вопросы образования. 2007. № 1. С. 133–152.

Халина Н.В. Электронные деньги в России: восприятие населением современных способов платежей // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2013. № 2 (114). С. 122–130.

REFERENCES:

Afanas'eva A.R., Rabceovich A.A. Model' sberegatel'nogo povedeniya naseleniya v usloviyah finansovogo krizisa [Model of saving behavior of the population in the conditions of financial crisis] // Vektory razvitiya sovremennoj nauki [Vectors of development of modern science]. 2015. N 1. S. 116–118 (in Russian).

Alsemgeest L. Family communication about money: why the taboo? // Mediterranean Journal of Social Sciences. 2014. N 5 (16). P. 516–523.

Bekker G.S. Chelovecheskoe povedenie: ekonomicheskij podhod. Izbrannye trudy po ekonomicheskoy teorii [Human behavior: an economic approach. Selected works on economic theory]. M., 2003 (in Russian).

Bennett F. et al. Financial togetherness and autonomy within couples // *Gendered Lives: Gender Inequalities in Production and Reproduction* / Ed. by J. Scott, S. Dex, A.C. Plagnol. Cheltenham, 2012. P. 97–122.

Bonke J. Income distribution and financial satisfaction between spouses in Europe // *Journal of Socioeconomics*. 2008. N 37. P. 2291–2303.

Britt S.L., Huston S.J. The role of money arguments in marriage // *Journal of Family and Economic Issues*. 2012. N 33 (4). P. 464–476.

Burgoyne C. Money in marriage: how patterns of control both reflect and conceal power // *The Sociological Review*. 1990. N 38. P. 634–665.

Duesenberry J. *Saving and theory of consumer behavior*. Cambridge; Harvard, 1952.

Grossman S.J., Shiller R.J. The determinants of the variability of stock market prices // *American Economic Review*. 1981. Vol. 71.

Halina N.V. Elektronnyye den'gi v Rossii: vospriyatie naseleniem sovremennykh sposobov platezhej [Electronic money in Russia: public perception of modern payment methods] // *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social'nye peremeny* [Monitoring of public opinion: economic and social changes]. 2013. N 2 (114). S. 122–130 (in Russian).

Ibragimova D.H. Kto upravlyaet den'gami v rossijskikh sem'yah [Who manages money in Russian families] // *Ekonomicheskaya sociologiya* [Economic sociology]. 2012. N 13 (3). S. 22–56 (in Russian).

Ibragimova D.H. Sberegatel'noe povedenie rossiyan v 2009–2013 gg. [Savings behavior of Russians in 2009–2013] // *Bankovskoe delo* [Banking]. 2013. N 12. S. 48–53 (in Russian).

Ibragimova D.H. Den'gi, gender, vlast' v domohozyajstve: konceptual'nye podhody [Money, gender, power in the household: conceptual approaches. Economic sociology.] // *Ekonomicheskaya sociologiya* [Economic sociology]. 2016. N 17 (2). S. 116–146 (in Russian).

Karavaj A.V., Tihonov A.A. Osobennosti finansovykh ustanovok i povedeniya rossijskikh rabochih [Features of financial attitudes and behavior of Russian workers] // *TERRA ECONOMICUS*. 2015. T. 13. N 1. S. 89–106 (in Russian).

Katona G. *Psychological analysis of economic behavior*. N.Y., 1951.

Kejns Dzh.M. Obshchaya teoriya zanyatosti, procenta i deneg [General theory of employment, interest and money] // *Antologiya ekonomicheskoy klassiki* [Anthology of economic classics]. M., 1993 (in Russian).

Kindleberger C.P. *Manias, panics, and crashes: a history of financial crises*. N.Y., 1994.

Koulman Dzh.S. Ekonomicheskaya sociologiya s tochki zreniya teorii racional'nogo vybora [Economic sociology in terms of rational choice theory] // *Ekonomicheskaya sociologiya* [Economic sociology]. 2004. T. 5. N 3. S. 35–45 (in Russian).

Kuzina O.E. Illyuzii racional'nosti: vliyanie kollektivnykh predstavlenij na investicionnoe povedenie vkladchikov “finansovykh pyramid” [Illusions of rationality: influence of collective representations on investment behavior of investors of “financial pyramids”] // *Voprosy sociologii* [Questions of sociology]. 1998. Vyp. 8. S. 35–43 (in Russian).

Kuzina O.E. Analiz dinamiki pol'zovaniya bankovskimi kreditami i dolgovoj nagruzki rossiyan [Analysis of the dynamics of the use of Bank loans and the debt burden of Russians] // Den'gi i kredit [Money and credit]. 2013. N 2 (in Russian).

Kuzina O.E. Dinamika pensionnyh strategij naseleniya za 2005–2012 gg. [Dynamics of pension strategies of the population for 2005–2012] // Mir Rossii: Sociologiya, etnologiya [World of Russia: Sociology, Ethnology]. 2013. T. 22. N 4. S. 118–147 (in Russian).

Lewis A., Betts H., Webley P. Financial services: a literature review of consumer attitudes, preferences and perceptions. Bath, 1997.

Osipova N.G. Problema sovremennogo global'nogo neravenstva [The Problem of contemporary global inequality] // Vestnik moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya [Bulletin of Moscow University. Series 18. Sociology and political science]. 2014. N 2 (in Russian).

Pahl J. Family finances, individualization, spending patterns and access to credit // Journal of SocioEconomics. 2008. N 37 (2). P. 577–591.

Pahl J. The allocation of money and the structuring of inequality within marriage // The Sociological Review. 1983. N 31 (2). P. 237–262.

Popova P.A. Kak ob'yasnit' finansovyj konflikt v seme? [How to explain the financial conflict in the family?] // Ekonomicheskaya sociologiya [Economic sociology]. 2017. T. 18. N 2. S. 112–138 (in Russian).

Radaev V.V. Uroki finansovyh piramid, ili chto mozhet skizat' ekonomicheskaya sociologiya o massovom finansovom povedenii [Lessons of financial pyramids, or what can economic sociology say about mass financial behavior] // Mir Rossii. 2002. T. 11. N 2. S. 39–69 (in Russian).

Savickaya E.V., Prahov I.A. Obrazovatel'nyj kredit: zarubezhnyj opyt i vozmozhnosti ispol'zovaniya v usloviyah asimmetrichnoj informacii [Educational credit: foreign experience and possibilities of use in the conditions of asymmetric information] // Voprosy obrazovaniya [Questions of education]. 2007. N 1. S. 133–152 (in Russian).

Williamson O.E. Transaction cost economics and organization theory // The Handbook of Economic Sociology / Ed. by N. Smelser, R. Swedberg. Princeton, 1994. P. 77–107.

Yodanis C., Lauer S. Is marriage individualized? What couples actually do // Journal of Family Theory and Review. 2014. N 6 (2). P. 184–197.

Zagorujko T.A. Beznalichnye sredstva v semejnomy budzhete: menyayutsya li praktiki upravleniya finansami? [Non-Cash funds in the family budget: are financial management practices changing?] // Ekonomicheskaya sociologiya [Economic sociology]. 2017. T. 18. N 5. S. 111–139 (in Russian).

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

DOI: 10.24290/1029-3736-2020-26-1-122-152

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ СТАТУС ВРЕМЕНИ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКЕ

О.Д. Шебло, канд. полит. наук, докт. Университета Гакусюин, 1-5-1 Меджиро, Тошима-ку, Токио, Япония, 171-8588*

В современной политической науке время все более становится концептом-портманто. Оно входит в состав терминологических конкатенаций в самых различных сферах прикладных и теоретических исследований. Вместе с тем, методологический статус времени остается почти не изученным вопросом в политологии. Автор предлагает систематизацию тех исследований в политической науке, в которых время представлено как значимый фактор политического процесса. Было выделено четыре подхода, исходя из анализа их теоретического обоснования, методологии и практического инструментария: структуралистский, психологический, институциональный и циклическо-временной подходы. Предложенная последовательность подходов основана на степени интенциональности субъектов политического интереса в их обращении со временем: от наиболее к наименее осознанному порядку.

Ключевые слова: темпоральные исследования, нарратив политического времени, темпоральные перцепции политических акторов, время как институциональное ограничение, теории политических циклов.

METHODOLOGICAL STATUS OF TIME IN POLITICAL SCIENCE

Sheblo Olesya D., Ph.D. (Political Science), PhD Student, Gakushuin University, 1-5-1 Medzhiro, Toshima-ku, Tokyo, Japan, 171-8588, e-mail: sheblo.olesya@gmail.com

In contemporary political science time is becoming a portmanteau-concept. It forms terminological concatenations in all fields of theoretical and applied researches. At the same time methodological status of time in political science is still not clear. Author suggests a systematization of those researches there time is viewed as a meaningful factor in political process. On the analysis of theoretical basis, methodology and tools four approaches are introduced: narrative approach, psychological approach, institutionalist approach and cyclic approach. The order of introduction of these approaches is based on the degree of intentionality of political actors in their treatment of time: from the most to the least conscious end.

Key words: temporal researches, narrative of political time, temporal perceptions of political actors, time as institutional constraint, theories of political cycles.

Шебло Олеся Дмитриевна, e-mail: sheblo.olesya@gmail.com

В последние десятилетия появляется все больше работ, в которых время представлено как значимый фактор в политическом процессе. Эта тенденция характерна для всех сфер прикладных и теоретических исследований в политической науке: начиная от временного давления в процессе принятия политического решения и тайм-менеджмента в политической организации и заканчивая теорией политических циклов. Язык этих работ изобилует “временной” лексикой: как существительное “время” дает начало таким проблемным отраслям, как “политическое время”, “социальное время”, “историческое время”, “экологическое время”, “жизненное время”; в качестве определения отсылает к “временному менеджменту”, “временной структуре”, “временным программам” политической организации; латинский корень “tempus” указывает на возросшую политизацию темпоральности, с одной стороны, и темпорализацию политических концептов — с другой, и дает такие понятия, как “темпоральная продолженность политического института”, “темпоральные карты”, “темпоральная логика”, “темпоральная ориентация” и т.д. В ряде случаев можно выделить факты взаимного противоречия “временных” понятий в политологических исследованиях, а иногда, напротив, их смысловое наложение друг на друга. Очевидно, что время в политологии становится концептом-портманто: к нему обращаются не как к нейтральной референтной оси, а как к самостоятельному феномену, передающему те или иные черты политической реальности и выполняющему определенные функции. Каждый исследователь в зависимости от целей своей работы может ввести его как значимый фактор, не останавливаясь при этом на том, какую эпистемологическую нагрузку несет это понятие, какие методы оно может предложить для анализа политического процесса. Все это вносит существенную неразбериху в дальнейшие исследования временного фактора в политическом процессе. Цель данной работы — определить методологический статус времени в политической науке, выделив и проанализировав четыре основных подхода в темпоральных исследованиях политического процесса.

1. Время как нарратив: структуралистский подход

В рамках этого подхода фокус исследований нацелен на анализ темпоральной семантики политического текста. Он исходит из предположения о том, что политические акторы формулируют темпоральные образы прошлого, настоящего или будущего, и эти образы являются решающими в их политической практике. Политический нарратив рассматривается с точки зрения опыта и ожиданий: эти

категории являются формообразующими для темпоральных горизонтов различных уровней дифференциации и сложности.

Среди прочих интересно теоретическое обоснование исследования М. Экенгрена, посвященное политическому времени Европейского Союза, целью которого является выявление структурных различий в форме лингвистических сдвигов значения новых концептов, метафор и семантических конструкций¹. Эти лингвистические сдвиги анализируются автором на уровне двух дискурсов: политико-идеологическом и административно-бюрократическом. В качестве материала для анализа первого, политико-идеологического, дискурса взяты политические программы национальных партий Швеции. Автор выделяется олигополия политического будущего в национальном политико-идеологическом дискурсе с тенденцией к усилению в конце 1990-х гг., пересилившая национальный протекционизм. Однако на уровне международной политики и, собственно, европейской дипломатии семантическое представление будущего оказывается не столь однозначно. С отсылкой к разделению дипломатического языка на грамматику и лексический состав выделяются три основных представления о политическом действии в европейской политике: действие как отношение, продвижение и как стратегия². Действие как отношение формируется не из практики, т.е. факта прошлого, а из ориентированности на исполнение задач в будущем. Действие как продвижение характеризуется использованием будущего времени, но связь с настоящим намного слабее по сравнению с национальным дискурсом. Темпоральная последовательность, логика между обещанием и его кодификацией нивелируются, поскольку все подлежит обсуждению. В результате, будущее и настоящее начинают совпадать в европейской политике, так как действие подменяет результат. Опыт также становится тем, что ожидаемо уже в настоящем, поэтому нередко прошлое становится идентично тем же семантическим формам, в которых участвует будущее. Действие в настоящем соотносится не столько с ожидаемым опытом, сколько с идеологически желаемым. Поэтому выбор для действия как стратегии осуществляется в ситуации “открытого будущего” — настоящего будущего, в котором есть место для нескольких взаимно исключающих будущих настоящих³. На уровне языка центральной администрации наблюдается сильная процес-

---

¹ *Ekengren M.* The time of European Governance. Manchester, 2002. P. 30.

² *Ekengren M.* Op. cit. P. 42–45.

³ *Luhmann N.* The future cannot begin: temporal structures in modern society // *Social Research*. Vol. 43. (1). P. 131.

суализация семантической перспективы: постоянное движение с неостанавливающимся потоком событий⁴. Происходит укорочение горизонта будущего, а государство-нация “теряет монополию” на политическое будущее.

Для анализа второго, административно-бюрократического, дискурса М. Экенгреном используется ряд глубинных интервью британских, шведских и датских сотрудников МИД, вовлеченных в европейское сотрудничество. Делается вывод, что политическое будущее больше не приравнивается к прогрессу, а только к самому настоящему, и чем меньше совместного опыта, тем более туманным и абстрактным становится язык административного дискурса. Отмечается тенденция к дэдлайнизации европейского политического процесса, причем сроки подачи документов в аппарат ЕС обретают приоритетную важность относительно национальных сроков. Календарь политической жизни каждого отдельного государства становится все более зависим от общеевропейского. Возникает феномен того, что автор называет “сжатое” национальное настоящее (“squeezed national present”, с негативной коннотацией глагола “сжимать, стискивать, вымогать”).

Делается вывод, что если национальное “сейчас” наиболее удачно описывалось как фикция календарного настоящего, европейское “сейчас” можно назвать “решающим настоящим” по причине его происхождения в нарративе координированного процесса принятия решения. Развитие современных средств коммуникации делает возможным не только прямое участие акторов в процессе принятия решения, но и повышает плотность контактов до невыносимых прежде значений. Теперь не пространство, а время становится главной детерминантной международных отношений: важно присутствие в едином “настоящем” принятия решений.

Европейский менеджмент публичной политической жизни предполагает не только де-темпорализацию политического языка, но также и де-фьючеризацию основных характеристик институтов и администрации⁵. Логика сильного необратимого настоящего неосознанно используется как медиум для действия в многосоставной игре со специфическими техниками расписания и участия. Высокая скорость принятия решений в Совете Европы оставляет чиновникам мало возможностей для обеспечения поддержки и принятия того или иного курса в их странах-участницах. Складывается феномен индивидуальной автономии европейских служащих в этой супра-

---

⁴ Ekengren M. Op. cit. P. 51.

⁵ Ibid. P. 151.

национальной модели демократии. Отличие от национальных моделей демократии заключается здесь в том, что последние держатся на институтах, чья деятельность исходит из понятий прогресса и долгосрочных перспектив будущего, тогда как в случае политической практики ЕС горизонты будущего укорочены и представлены в виде повторяющихся, но в то же время необратимых ситуаций принятия решений.

Ситуация, когда нарратив будущего становится нарративом настоящего, характерна не только для Европейского Союза. Исчезновение как будущего, так и прошлого в настоящем отмечается как характерная черта современности. Говорится также о том, что экспансия гегемонических образцов презентеизма создала мир гомогенизированного настоящего и уменьшила горизонты ожиданий⁶. Исследователи согласны в том, что последние 200 лет именно настоящее выполняет функцию темпоральной интеграции и связано это с дискурсом модерна, который начал с открытия в эпоху Просвещения новой темпоральной перспективы, в которой прошлое и будущее расположены в смысловой, а не хронологической связи относительно настоящего. Р. Козеллек обращается к анализу текстов, в которых исторический опыт времени сформулирован в прямом или “подразумеваемом” виде. Целью этого семантического анализа является выделение лингвистической организации темпорального опыта. А проблему соотношения темпоральных нарративов прошлого, настоящего и будущего он определяет через категорию темпорализации (*verzeitlichung*). В фокусе его анализа — структурные изменения в нарративе темпоральности⁷. Работы Козеллека относят еще к так называемой концептуальной истории или истории концептов, — *Begriffsgeschichte*, так как он рассматривает изменение семантики терминов в историческом контексте.

Именно в политическом дискурсе модерна, по мнению П. Осборна, формируется временная политика или политика времени: политическая практика, которая использует темпоральные структуры общества как специфические механизмы для его трансформации либо сохранения. Историческая темпорализация — это отдельный способ темпорализации истории, в котором три измерения феноменологического или прожитого времени (прошлое, настоящее и будущее) связаны вместе в динамический и эксцентрический союз единой исторической точки зрения⁸.

---

⁶ Portella E. Future without a future // Time in the Making and Possible Futures / Ed. by E.R. Larreta. L., 2000. P. 39–42.

⁷ Koselleck R. Futures past: on the semantics of historical time. Cambridge, 1985.

⁸ Osborne P. The politics of time: modernity and avant-garde. L.; N.Y., 1995. P. IX.

В более широком смысле в рамках структуралистского подхода время рассматривается как символ, посредством которого структурируются социальные отношения, а темпоральность анализируется с семиотической перспективы, как «квази-лингвистическая система значения, проливающая свет на рудиментарные элементы “языка времени” и способы, посредством которых индивиды и общества используют их в своей практике»⁹. Символические отношения между темпоральным и социальным значимы не только на микро-социальном уровне, но и на макросоциальном уровне политического взаимодействия. Поэтому время иногда называется в рамках этого подхода чисто относительным символом, сродни по своей природе тем символам, с которыми работает математическая наука¹⁰. «То, что мы называем “время”... является референциальной рамкой, которая используется индивидами отдельной группы и всем человечеством в целом для установления определенных вех, признанных в континуальной последовательности перемен или для сравнения одной фазы в этой последовательности с фазами другой»¹¹. Говоря с точки зрения онтологии, не существует “календарного времени”, а только “календаризация” времени космологического, разница эта в сути своей проистекает из социальной практики. В этом смысле любое время социально, а манипулятивное использование темпоральности становится проявлением отношений власти и подчинения¹².

Время, ритмы развития и контекст тесно связаны между собой. Индивидуальное или экзистенциально-биографическое время, будучи однонаправленным, соединяется в памяти с сакральным и природным типами времени, которые имеют четкую циклическую сущность¹³. Все они формируют коллективную память — надперсональную общность идей и символов, превосходящую каждого отдельного индивида. По мнению Б. Шварца, не существует “рабочей” или “долгосрочной” памяти на коллективном уровне, а также некоего среднего верования или вариации такового на индивидуальном уровне. Каждый уровень памяти релевантен типу времени и имеет свои собственные источники, качества и функции¹⁴.

---

⁹ *Zerubavel E.* The language of time: towards a semiotics of temporality // *The Sociological Quarterly*. 1987. Autumn. Vol. 28 (3). P. 343.

¹⁰ *Elias N.* Time: an essay. Oxford; Cambridge, 1992. P. 133.

¹¹ *Ibid.* P. 73.

¹² *Zerubavel E.* *Op. cit.* P. 353.

¹³ *Ferrarotti F.* Time, memory, and society // *Contributions in Sociology*. 1990. N 91. P. 108–109.

¹⁴ *Schwartz B.* Rethinking the concept of collective memory // *Routledge International Handbook of Memory Studies* / Ed. by A.L. Tota, T. Hagen. N.Y., 2016. P. 27–39.

Ряд исследований предлагают анализ формирования и функционирования политической памяти на конкретных примерах: коллективной памяти о Линкольне как “великом эмансипаторе”¹⁵ или возрождения образа Масады в современной политической идеологии Израиля¹⁶. В этих работах также опираются на конструктивистский анализ исторического текста. Для анализа коллективной памяти Э. Зерубавель предлагает понятие “временных карт”, под которыми подразумевает элементарные, деконтекстуализированные референтные вехи, являющиеся своего рода каркасом для коллективной памяти. Они могут быть построены, исходя из анализа: 1) концептов исторического движения — прогресса и упадка; 2) артикуляции понятий предшествующего и последующего; 3) примеров для источников приоритетного и античного; 4) исторической продолженности, включая понятие аналогии, дискурс о продолженности и тождественности времени и места; 5) исторического дисконтинуума, в том числе периодизации и дифференциации различных эпох¹⁷.

Современная политическая теория начинается с конкретного нарратива — понятия социального контракта, говорит П. Кан. Поскольку социальный контракт — это и теория, и практика одновременно, отсюда рождаются определенные характеристики политического времени. Время становится рамкой для социального инжиниринга, того, что в древнегреческом языке передавалось словом “*techne*”. Это временная рамка проектов. Путаница в темпоральной характеристике политической жизни, говорит он, происходит тогда, когда теоретики или практики принимают какую-то одну перспективу за истинную. В рамках нарратива социального контракта политический актер, он же социальный инженер, формирует свои проекты, обращаясь к вневременным принципам. Именно принципы остаются мерой актуального, которое в свою очередь всегда может быть реформировано, снято либо реконструировано. В этом смысле тип политической общности, который сформировался в Новое время, — это самореферентный транс-темпоральный тип¹⁸.

---

¹⁵ Schuman H., Corning A., Schwartz B. Framing variations and collective memory. “Honest Abe” versus “the Great Emancipator” // *Social Science History*. 2012. Winter. Vol. 36 (4). P. 451–472; Schwartz B., Schuman H. History, commemoration, and belief: Abraham Lincoln in American memory, 1945–2001 // *American Sociological Review*. 2005. Vol. 70 (2). P. 183–203.

¹⁶ Schwartz B., Zerubavel Ya., Barnett B. Recovery of Masada: a study in collective memory // *Sociological Quarterly*. 1986. N 27. P. 147–164.

¹⁷ Zerubavel E. *Time maps: collective memory and the social shape of the past*. Chicago, 2003.

¹⁸ Kahn P.W. Political time: sovereignty and the transtemporal community // *Cardozo Law Review*. 2006. Vol. 28 (1). P. 259–276.

Теоретическое обоснование структуралистского подхода исходит из понимания темпоральности как семиотической системы: политические акторы в своей деятельности создают горизонты прошлого, настоящего и будущего и они являются решающими в конструировании их практики. Время анализируется здесь как система лингвистических символов, а в более широком смысле — как надперсональная организация нарративов опыта и ожиданий политических акторов.

2. Психологический подход

Второй подход можно выделить на материале политологических исследований, посвященных теории и практике функционирования политических организаций. Фокус анализа этих работ направлен на внутреннее ощущение времени политическими акторами. Также как и в случае первого, нарративного, подхода одним из инструментов может служить интервьюирование и анкетирование непосредственных участников политического процесса. Однако в случае первого подхода целью является реконструкция темпоральных символов и образов и предположение о том, что именно они являются решающими в политической практике. Для психологического же подхода центральным является положение о том, что в своей повседневной активности политические акторы создают и воспроизводят темпоральные структуры, которые и задают форму и ритм их практики. Время участвует в жизни организации через процесс того, что называют темпоральное структурирование: оно характеризуется вовлеченностью акторов в политические и административные процессы. Повторяющееся использование определенных темпоральных структур усиливает их легитимность и, как правило, эти структуры не становятся предметом рефлексии для своих участников. Однако расписание, графики и дэдлайны проектов и переговоров самым прямым образом влияют на индивидов, вовлеченных в процесс принятия политических решений, и рутину политического администрирования.

Теоретическое обоснование подобного рода исследований самоочевидно: как правило, оно начинается с дихотомии объективного и субъективного времени. Противопоставляются понятия количественного, “часового”, атомистического времени хроноса и времени качественного, “событийного”, продолженного, времени кайро. Первое время, независимое от человека, традиционно выводится из Ньютонской механики: оно абстрактно, абсолютно, унитарно, инвариантно, линейно, гомогенно. Второе — относительно, контекстуально, органично, гетерогенно и конструируется в соответствии

с намерениями и целями участвующего в нем субъекта. Именно второе оказывается в фокусе анализа психологического подхода к темпоральным исследованиям политического процесса.

Идея о том, что время, для того чтобы существовать, должно всегда иметь субъекта, его постигающего, принадлежит И. Канту, но в работе А. Бергсона она была абсолютизирована: он отрицает саму вероятность объективного времени, в том числе прошедшего. Время, говорит он, — это чистая продолженность, оно может существовать только в сознании каждого отдельного человека¹⁹. Эту точку зрения развивает Г. Башляр, называя человеческое сознание в его чистой деятельности ультра-сенситивным детектором времени²⁰. Однако он уточняет, что время — это не только “прожитое” время Бергсона. Любая продолженность прежде всего должна быть чем-то наполненной, чтобы быть прожитой, а “нить времени имеет на себе множество узелков”²¹. Обращаясь к теории консолидации бельгийского философа М.Ю. Дюпрэеля, Башляр предлагает свою теорию активного конституирования продолженности, исходя из принципа гетерогенности содержащего и содержимого, а также превосходства формы. Именно интериоризированная консолидация, являясь результатом, суммой формальной и материальной каузальности, конституирует истинную продолженность — точную темпоральную реальность.

В конце XIX в. Ж.-М. Гюйо был первым теоретиком, который связал опыт времени с информационным процессом: время не существует само по себе, а производится событиями, которые имеют место во времени, т.е. время является чисто ментальной конструкцией, состоящей из событий. Центральной метафорой исследования Р. Орнштейна является тезис о том, что опыт продолженности какого-либо интервала — это конструкция, формируемая в зависимости от объема своего содержания, иными словами, количество “ментального содержимого” в интервале определяет его субъективную продолженность²². В исследованиях организации, исходя из этого подхода, предлагается выстраивать так называемые карты активности: чем более плотно наполнена такая карта, тем быстрее время проходит для индивидов в нее вовлеченных и наоборот, чем менее интенсивна активность, тем медленнее проходит время²³. Несмотря

---

¹⁹ *Bergson H.* Time and free will. Sydney, 1913.

²⁰ *Bachelard G.* The dialectic of duration. Manchester, 2000. P. 81.

²¹ *Ibid.*

²² *Ornstein R.E.* On the experience of time. L., 1969. P. 37–42.

²³ *Ancona D.G., Okhuysen G.A., Perlow L.A.* Taking time to integrate temporal research // *The Academy of Management Review*. 2001. Oct. Vol. 26 (4). P. 518.

на то что авторы делают оговорку, что в психологии переменные перцепции относят к уровню анализа индивида, они исходят из тезиса о том, что группы и организации в своей деятельности также разделяют общие темпоральные перцепции.

Интересно исследование Дж.С. Баркина, посвященное тому, каким образом временные горизонты влияют на результат многосторонних переговоров в международном сотрудничестве. В анализ вводится дополнительный фактор — сущность предмета переговоров, который вне зависимости от того, является он ли частным, публичным, общественным благом имеет две характеристики: 1) исключительность, 2) оспариваемость. Как правило, ни один предмет переговоров не может быть оценен как абсолютно оспариваемый либо неоспариваемый, т.е. речь идет не о дихотомии, а о шкале ранжирования. Автором делается вывод о том, что акторы с длительными временными горизонтами, как правило, участвуют в процессе переговоров вокруг неоспариваемых благ, тогда как переговоры вокруг оспариваемых благ, таких как общие ресурсы, оказываются результативнее в ситуации ограниченных временных барьеров. По мере продвижения по оси оспариваемости от наименее к наиболее оспариваемому концу, цена удержания переговоров увеличивается для обоих участников, однако увеличивается она с наибольшей скоростью для той стороны, которая располагает меньшим временным ресурсом²⁴.

Теоретическая база данного подхода тесно связана с исследованиями организации и темпоральными аспектами ее функционирования. Например, в исследовании М. Кроссан, Д. Вера, М. Пина и Куна и Ж. Куна рассматривается значение временного фактора для организационной импровизации и выделяются различные следствия для нее в ситуации циклического и линейного тайм-менеджмента²⁵. Прошлое, делается вывод в статье, используется не как материал для введения новых образцов, напротив, “старые” образцы рутины и поведения нерелевантно воспроизводятся вновь и вновь. Линейное время, в свою очередь, в контексте корпоративного размещения ресурсов активизирует планы, основанные на дизайне желаемого будущего.

Эти выводы могут выступать теоретическим обоснованием исследования Т. Халлидэя и Б. Каррузерса, посвященного тому, как

---

²⁴ *Barkin J.S.* Time horizons and multilateral enforcement in international cooperation // *International Studies Quarterly*. 2004. Vol. 48. P. 363–382.

²⁵ *Crossan M., Pina e Cunha M., Vera D., Cunha J.* Time and organizational improvisation // *The Academy of Management Review*. 2005. January. Vol. 30 (1). P. 129–145.

неплатежеспособные корпоративные режимы в Индонезии, Корее и Китае выстраивают во времени тактики ведения переговоров и противостоят таким образом гегемонизму международных финансовых институтов²⁶. В логике линейного тайм-менеджмента эти государства, которые принято рассматривать как слабые, выработали по меньшей мере шесть способов политики темпорального манипулирования: 1) откладывание переговоров, 2) символические временные уступки, 3) фрагментирование переговоров и тем самым удлинение временных рамок для приложения международных норм, 4) сегментирование реформ с целью выиграть время, 5) апеллирование к различным культурным трактовкам временных норм, 6) подмена решения и возвращение тем самым переговорного процесса на начальную стадию.

Мы относим подобного рода темпоральные исследования международного политического процесса к психологическому подходу по той причине, что с методологической точки зрения единицей анализа здесь выступает событие (*eventement*): каждый конкретный эпизод переговоров имеет место в сжатом, но различимом промежутке времени. Это те самые узелки на нити времени в политическом процессе, если обратиться к упомянутой выше метафоре Г. Башляра. Политические акторы здесь используют для достижения своих целей определенные приемы обращения с временным континуумом. Например, прием сжимания времени или так называемой темпоральной компрессии, когда специально укорачивается период времени для принятия решения с целью оказания психологического давления. Противоположным приемом является расширение времени: это не только удлинение сроков календарного времени для принятия решения, но и исключение проблемных вопросов, тормозящих переговоры в целом, из категории срочных задач. Выделяются пирамидальный, вертикальный и горизонтальный типы сегментирования времени и делается вывод о том, что само сегментирование на практике нередко является приемом реакции, поскольку разложение большей задачи на ряд задач меньшего размера неизменно удлиняет временные горизонты как для принятия, так и для исполнения решения²⁷. Интересным в этих исследованиях

---

²⁶ Halliday T., Carruthers B.G. Foiling the hegemons: limits to the globalization of corporate insolvency regimes in Indonesia, Korea and China // *Globalization and Resistance: Law Reform in Asia since the Crisis* / Ed. by C. Anton, V. Gessner. Oxford, 2007. P. 255–301.

²⁷ Halliday T. Time and temporality in global governance // *Regulatory Theory: Foundations and Applications* / Ed. by P. Drahos. Canberra, 2017. P. 308–310.

является понятие мультиплицирования времени. Время мультиплицируется посредством создания параллельных или одновременных трэков: различные вопросы даются различным группам, неофициальные встречи дублируют официальные переговоры, а промедление в формальных встречах повторяется промедлением в оффшорных форматах.

Влияние фактора времени на процесс принятия решения в международной политике — главный предмет исследования в работе М. Пинфари “Мирные переговоры и время: дэдлайн-дипломатия в территориальных диспутах”²⁸. Автор рассматривает 68 эпизодов переговоров по территориальным конфликтам в период после окончания холодной войны (1990–2005). Несмотря на то что большинство исследователей делают вывод о негативном влиянии временного давления в переговорном процессе (в частности они указывают на снижение уровня опций и перспектив поведения акторов, ориентированных на решение проблем, а также снижение когнитивного координирования межперсонального и межкультурного общения и интегративных результатов переговоров в целом), М. Пинфари указывает на то, что временное давление может быть решающим для того, чтобы сдвинуть переговоры с мертвой точки и стимулировать так называемый мягкий подход, который предполагает понижение уровня требований, большие уступки и меньший блеф. Оппоненты Пинфари исходят из того общего факта, что при влиянии временного давления снижается точность человеческих решений, поскольку большая значимость придается негативной информации²⁹. Однако М. Пинфари доказывает в своем исследовании следующее: 1) дэдлайны могут иметь в том числе и позитивный эффект в том, что касается достижения исчерпывающих соглашений, однако, решения эти носят в большинстве своем краткосрочный характер; 2) временное давление имеет только негативные последствия в случаях, если: а) обсуждается сразу несколько задач, б) присутствует комплексная межгрупповая динамика принятия решения, в) доступная информация двузначна. Проведенное исследование показывает, что временное давление, накладываемое дэдлайнами, может оказывать как позитивное, так и негативное воздействие на широту вопросов, поднятых на переговорах по территориальным конфликтам, однако, как правило, имеет место негативное воздей-

---

²⁸ *Pinfari M.* Peace negotiations and time: deadline diplomacy in territorial disputes. L., 2013.

²⁹ *Pinfari M.* Time to agree: is time pressure good for peace negotiations? // *The Journal of Conflict Resolution.* 2011. Oct. Vol. 55 (5). P. 687.

ствие на продолжительность достигнутых соглашений. Для достижения краткосрочных консенсусов в большинстве случаев, однако, отмечалось положительное значение временного давления.

Как мы видели выше, в данном подходе фокус анализа нацелен на субъективное ощущение времени политическими акторами, и предполагается, что не только индивиды, но и политические организации разделяют в своей практике общие темпоральные перцепции, а манипулирование этими перцепциями служит целям достижения политических интересов.

3. Время как институциональное ограничение

Время может рассматриваться как способ давления и как ограниченный ресурс в процессе принятия решения не только на уровне отдельных акторов, но и всей политической системы в целом. Эта точка зрения дает начало третьему подходу, который определяет время как институциональное ограничение. В рамках этого подхода поднимается ряд теоретических и практических проблем, связанных с так называемыми “эффектами времени” — следствиями, которые имеет время как квазиобъективная независимая переменная, в особенности для политических систем с демократическими режимами по причине их жесткой временной структуры. Они рассматривают время как ресурс, ресурс ограниченный и невозобновляемый, измеримое лимитированное количество которого располагается в расписаниях и сроках демократических процедур, определяющих продолжительность, темп, последовательность и периодичность политических действий и событий. Расписание и сроки демократических процедур рассматриваются не просто как предмет институционального регулирования, стратегического планирования и дискурсивного оспаривания, но и как независимые переменные, выходящие за рамки контроля, переменные со своим собственным причинным весом.

Значению фактора времени в кросс-секционном исследовании национального политического процесса была посвящена работа Х.Дж. Таккера, появившаяся в “Американском журнале политической науки” в 1982 г. Он рассматривал проблемы, связанные с коррелятивными переменными, измеренными в отдельный момент, с теми же переменными на протяжении большого количества времени. Для анализа были взяты 50 государств: 30 государств с 12-месячным фискальным периодом, где бюджетный цикл продолжается 24 месяца, и 20 государств с 24-месячным фискальным периодом и бюджетным циклом в 36 месяцев. В результате наложения бюджетного, полити-

ческого и административного циклов смена персонала оказывалась менее значимым фактором в течение каждого бюджетного цикла почти во всех случаях³⁰.

Внимание на то, какую роль играет фактор времени в демократическом политическом процессе, обратил специальный выпуск журнала “Международный вестник политической науки” за 1998 г. В представленных в нем статьях рассматривались как теоретические вопросы о том, что есть политическое время, чем отличается политическое время в авторитарных и демократических режимах, так и то, каким образом медиа-средства могут создавать временные горизонты и влиять на практическое измерение политики. Время было представлено как горизонт (настоящее как точка, с которой смотрят в прошлое и будущее), как ресурс (ограниченный и невозобновляемый), как временные правила (набор институциональных ограничений, с которыми работает демократическая политика), как временные стратегии (способы, которыми политические акторы взаимодействуют с этими институциональными ограничениями), как временные эффекты (последствия, которые время имеет в качестве квази-объективной независимой переменной)³¹.

Темп, утверждают А. Шедлер и К. Сантисо, — это относительная мера: он обозначает, сколько времени требуется на осуществление определенной активности, или, другими словами, показывает отношение между временем и действием. В политической системе главным становится контроль скорости принятия решения, поскольку он позволяет акторам отвечать на требования синхронизации, возникающие как внутри, так и за пределами этой политической системы³².

Сама продолженность политических структур и процессов во времени может выступать значимым фактором анализа авторитарных режимов и последующей за тем демократической консолидации³³. Отношение между эффективностью, способностью решать проблемы и легитимностью власти модифицируется по большей мере темпоральной перспективой граждан. Х. Линц, отсылая к “эффекту тоннеля” А. Хиршмана, указывает на то, что авторитарные режимы предлагают гражданам жить в настоящем с

---

³⁰ *Tucker H.J.* It's about time: the use of time in cross-sectional state policy research // *American Journal of Political Science*. 1982. Febr. Vol. 26 (1). P. 176–196.

³¹ *Schedler A., Santiso J.* Democracy and time: an invitation // *International Political Science Review*. 1998. Vol. 19 (1). P. 5–6.

³² *Ibid.* P. 10.

³³ *Linz J.J.* Democracy's time constraints // *International Political Science Review*. 1998. Vol. 19 (1). P. 19–37.

низкой экономической и социальной эффективностью, апеллируя к их вере в то, что через некоторое количество лет все наладится. Персонализированные авторитарные режимы, также как и султанические, оставляют своим оппонентам надежду на то, что они когда-нибудь закончатся, так как все люди смертны. Иначе определяют себя тоталитарные режимы, так как они заявляют, что могут длиться вечно и предлагают версию утопического неограниченного будущего. Посттоталитаризм может продолжаться только относительно недолгое количество времени из-за того, что изначальная легитимация, заложенная в ориентации на будущее, утрачивается.

Демократический режим, в отличие от предыдущих, существует в ситуации неограниченного настоящего. Для политика в демократической системе время является, с одной стороны, ресурсом, поскольку он получает властные полномочия независимо от перемен в общественном мнении на определенный период времени, а с другой — крайне ограничивающим и сдерживающим условием. Вариантом демократии вне временных ограничений условно можно считать прямую демократию, так как существует значимая разница между институтом референдума и институтом выборов: проигравшие в голосовании на референдуме могут поднять вопросы своей программы заново в любое время, тогда как проигравшие на выборах должны будут ждать определенное количество лет до проведения следующих выборов. Политический процесс в демократических системах разбивает объективное время и его ощущение субъектами политического интереса на сегменты относительно короткой продолжительности. Это уже не утопический, а у-хронический тип политики, так как укорочение временной перспективы требует принятия решений здесь и сейчас. Политиков в демократических режимах он называет поэтому “измотанной элитой”.

Отдельная группа исследований в рамках институционального подхода посвящена исследованиям политического времени в структурах ЕС: они представляют собой синтез инструментария Г.Дж. Таккера и теоретических тезисов статей из “Международного вестника политической науки”, приведенных выше. В отличие от использования времени в качестве индикатора, зависимой переменной, время, по предложению Л. Коватса, может быть использовано в качестве независимой переменной для объяснения причинных связей в процессе европейского законодательства³⁴.

---

³⁴ *Kovats L. Do elections set the pace? A quantitative assessment of the timing of European legislation // Journal of the European Public Policy. 2009. March. P. 239–255.*

Как было установлено в предыдущих исследованиях в национальных демократических системах существуют определенные законотворческие циклы: процесс законотворчества характеризуется отсутствием непрерывности, так как законодательные акты, которые не были приняты до конца избирательного срока, как правило, автоматически снимаются. Используя статистические данные за период с июня 1978 г. по апрель 2008 г., автор апробирует ряд гипотез. Результаты анализа выявляют существенное отличие от законотворческого процесса в национальных государствах. Значительное количество законов инициируется сразу после смены президентства в ЕП, пик их приходится ровно на середину парламентского срока. Однако незадолго до окончания своего срока Комиссия инициирует большее количество законов по сравнению с прочими периодами ее пребывания в офисе. Количество законодательных актов, принятых в рамках блокирования, в процедуре принятия решений достигает своего пика каждый раз после перегруппировки сил в ЕП. Это случается дважды за парламентский срок: в первую четверть срока перед выборами в ЕП количество таких актов выше по сравнению с прочими периодами на 265,9%; второй пик наблюдается в четверть срока, которая предшествует смене президентства в ЕП, — количество принятых актов тогда повышается на 142,3%. Автором делается важный вывод о том, что не выборы в ЕП, которые и должны единственно являться выражением политической воли, оказываются фактором первоочередной важности в европейском законотворчестве. На первый план, как показал анализ, выходят внутренние факторы, такие как смена президентства в ЕП, перегруппировка парламентских сил и окончание срока ЕК.

Темпоральные правила, т.е. правила функционирования и наделения во времени властными полномочиями, являются конституирующим элементом любой политической системы. Как пишет немецкая исследовательница Г. Ришер, разница между президентской и парламентской системами имеет в том числе и темпоральное измерение³⁵. Она же выделяет две основные категории функций, которые выполняет время для политической системы. К первой категории относятся управляющие и регулирующие функции: 1) мобилизация политических акторов, 2) синхронизация их активности, 3) стабилизация результатов решений, 4) рационализация как открытие ситуации принятия решений для будущего. Вторая категория функций включает в себе конституирующие функции для политической системы: благодаря им поддерживается и процедур-

---

³⁵ *Riescher G. Zeit and politik. Baden-Baden, 1994.*

но легитимизируется принцип разделения и ограничения властей. Темпоральные правила являются, таким образом, ключевым измерением институционализации политического порядка, они оказывают непосредственное воздействие на процесс принятия политических решений и выбор политических инструментов.

Анализ этих темпоральных правил, которые являются институциональными ограничениями деятельности политических акторов, на примере ЕС приводит ряд исследователей к выводу о том, что его институциональный дизайн изначально противоречил традиционной демократической модели разделения и ограничения властей. Также как и Л. Коватс, К. Гетц отмечает период, который образуется со сменой президента ЕП. Он пишет, что президент назначается и одобряется прежде назначения и одобрения членов ЕК и на практике, как правило, этот период он использует для установления новых приоритетов в политическом курсе Комиссии. Он называет подобные периоды “окнами возможностей”³⁶ и указывает на то, что в таких случаях взаимодействие между Советом министров, президентом ЕП и Еврокомиссией осуществляется на основе ряда формальных и неформальных правил, обеспечивающих ротацию и продолжительность кадровой политики одновременно.

На уровне практическом институциональное время в ЕС следует четырем принципам: 1) электоральному, 2) селекторальному, 3) ротации, 4) продолженности. По сравнению с политическим временем в национальных демократических системах долгосрочные горизонты в ЕС менее привязаны к электоральным циклам. По крайней мере на административном уровне — уровне ЕК и Совета министров — процесс принятия решения менее, чем парламенты и правительства в государствах-членах, подвержен влиянию факторов, связанных с проведением выборов, а также временному давлению.

К. Гетц выделяет основные черты, характеризующие политическое время в ЕС³⁷. Первое — это отсутствие доминирующего политического цикла. Несмотря на введение в 1979 г. прямых выборов в ЕП с периодичностью раз в пять лет электоральный цикл так и не стал базовым. Одной из причин этого называется то, что выборы в ЕП не связаны с главным феноменом, характерным для национальных демократических систем: феноменом смены власти. Важнее электорального цикла для ЕС является бюджетный цикл —

---

³⁶ Goetz K. The EU timescape: an emergent temporal order // *Institutional Dynamics and the Transformation of Executive Politics in Europe* / Ed. by M. Egeberg. Mannheim, 2007. P. 277.

³⁷ Goetz K. How does EU tick? Five propositions on political time // *Journal of European Public Policy*. 2009. March. Vol.16 (2). P. 202–220.

семь лет. Он превосходит пятилетний срок ЕП и взаимодействие в рамках него строится на многоуровневой основе. Управляющий совет Центрального Европейского банка встречается дважды в месяц, шесть членов исполнительного правления Банка назначаются на невозобновляемой основе на восьмилетние сроки по принципу ежегодной ротации. Несмотря на то что, казалось бы, подобные схемы затрудняют мобилизацию и синхронизацию политических акторов, они имеют и позитивный результат, так как создают феномен того, что К. Гетц называет темпоральной множественностью. В рамках Еврокомиссии и Совета Европы бюрократический аппарат, занятый в них на постоянной основе, обеспечивает функциональную память, а также формулирует будущие временные горизонты, которые перекрывают как мандат Комиссии, так и министерские сроки и президенство в Совете Европы.

Методологически К. Гетц и Л. Коватс работают в парадигме институционализма, предлагая различные его направления для анализа особенностей темпоральной структуры ЕС. Каждый социальный факт расположен во времени, окружен другими контекстуальными фактами и актуализируется в настоящем процессами, которые связывают его с его прошлыми контекстами. Для политической науки, в частности, признание такой методологической перспективы имело своим следствием появление так называемого нового политического институционализма в 1970-х гг. В противоположность “старому” политическому институционализму новая институциональная перспектива нацеливала фокус своего анализа на относительный характер институтов. Важнее, чем формальные характеристики государства и социетальных институтов *per se*, становится вопрос о том, как данная институциональная конфигурация влияет на политическое взаимодействие.

Для нового институционализма институты — это формальные и неформальные нормы, соглашения, процедурная рутина, которые включены в организационную структуру политической системы или систему политической экономики. П. Холл и Р. Тэйлор выделяют основные черты исторического институционализма (разновидности нового институционализма): тенденция концептуализировать отношения между институтами и поведением индивидов в относительно широком смысле, акцент на асимметрии властных отношений, которые связаны с развитием и функционированием институтов, объединение институционального анализа с иными факторами³⁸.

---

³⁸ *Hall P., Taylor R.C.R. Political science and three new institutionalisms // Political Studies. 1996. Vol. XLIV. P. 936–937.*

Также анализ институционального развития всегда подчеркивает значение зависимости от пройденного пути и вероятность непредвиденных последствий, что принципиально отличает его от институционализма рационального выбора, который рассматривает политический процесс как серию дилемм коллективного выбора и концептуализирует интенциональность любого действия субъекта политического интереса.

Именно понятие зависимости от пройденного пути, ключевое для исторического институционализма, вводит фактор времени в политологический анализ как независимую переменную в рамках этого подхода. Выделяются два вида значимых последовательностей. Первый вид — это самоусиливающаяся последовательность, то, что экономисты также называют еще “возрастающие результаты”. Некий институциональный образец, однажды принятый, начинает приносить все возрастающие выгоды, так что со временем становится все сложнее трансформировать его во что-то новое или вернуться к ситуации выбора из опций, доступных прежде. Второй вид последовательностей — это так называемые реактивные последовательности. Под ними подразумеваются цепи выстроенных во времени и причинно связанных между собой событий. Эти последовательности являются реактивными в том смысле, что каждое событие в этой последовательности суть часть реакции на предшествующее ему во времени событие³⁹. Анализ зависимости от пройденного пути представляет собой исследование каузальных процессов, которые очень чувствительны к событиям, имевшим место на ранних стадиях какого-либо процесса. Эффект урны Поля, как указывает П. Пирсон, важен и для анализа политического процесса, поскольку тот момент, когда происходит какое-либо действие в рамках последовательности событий, непосредственно будет определять и то, каким образом оно будет происходить и какие следствия будет иметь для дальнейшего хода событий⁴⁰.

Очень большая ошибка заключается в том, что анализ зависимости от пройденного пути многие ученые пытаются подменить на любое историческое объяснение в принципе, так как те процессы, которые ответственны за генезис институтов, сущностно отличаются от процессов, которые отвечают за поддержание и репродукцию этих институтов. При анализе возникновения какого-либо института важно понятие “критической” точки или точки бифуркации, в кото-

---

³⁹ *Mahoney J.* Path dependence in historical sociology // *Theory and Society*. 2000. Vol. 29. P. 507–548.

⁴⁰ *Pierson P.* Politics in time. History, institutions and social analysis. Princeton, 2004.

рой происходит выбор и принятие конкретного институционального образца среди двух и более вариантов. Тогда как для объяснения поддержания и репродукции института важен функциональный подход, т.е. важны последствия поддержания института для всей системы, ведь в этом заключается главная причина его репродукции, его функциональной оправданности.

Если самоподдерживающиеся последовательности характеризуют процессы репродукции институтов, которые поддерживаются и усиливаются во времени, то реактивные последовательности объясняют процессы, которые трансформируют и даже могут обращать вспять последующие события. Момент во времени, в который совпадут эти два независимых типа последовательностей, очень сложно предсказать, однако именно он будет определять последующие события. Каузальные связи в цепочке реактивной последовательности всегда очевидны, “сущностно последовательны” и не могут иметь вероятностного характера. Все это противопоставляется простому историческому анализу, исходящему из генерализованной линейной модели, для которой порядок событий во времени не влияет на результат, который за ними последует.

Конструирование теорий продолженности и изменений, в фокусе внимания которых порядок и последовательность и которые признают причинную власть темпоральных связей среди событий, требует подхода, который бы выделял множественность образцов темпоральных связей между событиями. Поэтому Р. Эминзайд предлагает четыре различных вида темпоральных связей: продолжительность, темп, траектория и цикл. Первые два определяются количественными методами. Продолжительность выражается единицами физического времени; темп рассчитывается количеством событий, имеющих место в единице времени. Темп институциональных перемен в обществе, в случае если он ориентирован на поддержание образцов прошлого, может привести к политической и экономической стагнации, либо в случае высокого темпа, например, урбанизации и индустриализации, иметь своим следствием аномиию и социальный беспорядок. Понятие траектории Р. Эминзайд сводит собственно к зависимости от пройденного пути, указывая, что любая траектория — суть совокупность прошлых выборов, и темпорально удаленные события таким образом могут послужить объяснению последовавших за ними путей развития и настоящего результата. Циклы, в свою очередь, являются интервалом, в котором наблюдается феномен повторения одинаковых событий с выделением восходящей и нисходящей фаз. Это предполагает уже качественные методики идентификации определенных событий

как сущностно схожих и классифицировать их как принадлежащих одной категории⁴¹.

Исследования времени как институционального ограничения имеют свое теоретическое обоснование в историческом институционализме, а методология анализа во многом повторяет методологию исторической социологии с построением рядов последовательностей, закрытием результатов и выделением критических точек. Время представлено здесь как институт — кумулятивный результат цепочек принятия решений.

4. Циклическое определение времени в политической науке

Данный подход берет свое начало в понимании времени как независимой объективной переменной, с помощью которой можно доказать четкую тенденцию к периодичности в экономическом производстве, политическом администрировании и даже войне. В отличие от третьего подхода, большинство исследований в рамках которого проводится на мезоуровне политических институтов, циклическо-временной подход работает на макроуровне как хронологического, так и географического измерения. Стартовым для него является предположение о том, что циклы в политической, экономической и социальной жизни не могут иметь фиксированной периодичности. Это отличается от подхода, в котором время рассматривается как институциональное ограничение, поскольку в данном подходе время анализируется в конкретных единицах: избирательных сроках, электоральных, бюджетных и фискальных циклах. В рамках четвертого подхода длительные циклы устанавливаются посредством концептуального и теоретического объяснения, количественных данных, статистического анализа и позитивистской эпистемологии.

В отличие от экономики в социальных науках переход к исследованиям циклических процессов в рамках категории длительных протяженностей происходил достаточно долго. В Гарварде П. Сорокин и Р. Мертон еще в 1930-е гг. говорили о том, что представление времени как методологической категории может привести к открытию феномена различных форм периодичности в социальной жизни⁴². Также как А. Маршалл, который говорил о существовании длинных и коротких периодов в экономике, они предлагали использовать при

---

⁴¹ *Aminzade R.* Historical sociology and time // *Sociological Methods & Research.* 1992. May. Vol. 2 (4). P. 460–469.

⁴² *Sorokin P., Merton R.K.* Social time: a methodological and functional analysis // *The American Journal of Sociology.* 1937. March. Vol. XLII (5). P. 615–629.

анализе социально-политических процессов не астрономическое или хронологическое, а операциональное время.

В 1933 г. французский историк Э. Лабрусс обратился к исследованию социальной истории под общим лозунгом внедрения в нее количественного метода. Это имело своим следствием выделение повторяющихся зависимостей, однако возник вопрос, в насколько длительной временной перспективе их оправданно полагать. Существовавшая до XX в. история, и в частности история политическая, работала с анализом кратковременных событий, и поэтому часто проблема исторической истины почти полностью сводилась к проблеме документальной подлинности. Однако как указывает Ф. Бродель, в каждый момент исторического исследования важно разграничивать долговременные движения и краткосрочные импульсы, движения, возникшие недавно, и движения, идущие из глубины исторического времени⁴³. Из работы Г. Гурвича⁴⁴ он берет понятие множественности времен и указывает на то, что для анализа такого сложного и противоречивого феномена как социальное время необходимы длительные хронологические единицы.

В свою очередь А. Лефевр отмечает, что “везде, где присутствует взаимодействие между местом, временем и расходом энергии, существует ритм”⁴⁵. Поэтому социальная организация заявляет себя прежде всего циклическим основанием своих процессов. Все ритмы определяются отношением времени к месту и являются потому локализованным временем либо темпорализованным пространством. По сути они состоят из повторений и их можно определить как движения либо различия в рамках повторения. Он выделяет два типа повторений: циклическое и линейное. Линейное повторение он связывает с рутинной повседневности, тогда как циклическое повторение имеет сложную многофазную структуру. В рамках капиталистической системы происходит манипулирование сущностью времени: капитал никогда ничего не создает, он производит. И тем самым воспроизводит себя, симулируя жизнь. Производство и воспроизводство начинают совпадать в единой временной перспективе. Циклическое повторение и линейное повторение смешиваются.

Внимание к волновым исследованиям в политологии привлекла статья Дж. Голдштейна середины 1980-х гг., которая породила множество последующих дебатов о методологической и теоретической оправданности выделения долгосрочных циклов при анализе по-

---

⁴³ Braudel F. Histoire et sciences sociales: la longue duree // Annales: Economies, Societes, Civilisations. 1958. N 4. P. 725–753.

⁴⁴ Gurvitch G. The spectrum of social time. Dordrecht, 1964.

⁴⁵ Lefebvre H. Rhythmanalysis: space, time, and everyday life. L.; N.Y., 2004.

литических процессов⁴⁶. Его главный тезис заключался в том, что кондратьевские волны экономического развития находятся в центре мировой системы, их можно проследить как синхронизированное движение цен по крайней мере с 1495 г. до 1945 г. Эти длинные волны экономического развития совпадают, по его мнению, с циклами войн, имевших место между ключевыми государствами. Эскалационная война случается на этапе подъема и повторяется приблизительно каждые 50 лет. Эти войны между крупными державами играют центральную роль в длинных экономических волнах, особенно в том, что касается инфляционных периодов на фазе подъема. Начиная с 1495 г. можно выделить десять примеров совпадения волн экономического развития с циклами войн, однако после 1945 г. наблюдается расхождение между эпизодами войн, изменением цен и производства.

Как указывает Дж. Голдштейн, дебаты вокруг кондратьевских волн или кондратьевских циклов продолжаются около 60 лет, но так и не было достигнуто согласия в теоретическом объяснении их причинной динамики. Он выделяет четыре основных соревнующихся направления в объяснении природы длинных циклов. Первое направление связано с работами самого Н. Кондратьева и объясняет сущность экономического развития теорией циклического увеличения капитала и инвестирования. Второе направление предполагает, что экономический рост обусловлен появлением кластеров инноваций в определенное время и в определенных секторах экономики. Этот подход был впервые предложен в работах Й. Шумпетера. Третий подход начинается с работ И. Троцкого и объясняет цикличность экономического развития теорией капиталистического кризиса. И последний, четвертый подход — это, собственно, подход, объясняющий цикличность в экономическом развитии цикличностью войн. Он был заложен в работах Сильберлинга и Экермана. Несмотря на принципиальные расхождения в этих подходах все они согласны в датировке подъемов и упадков волн в период между 1790 и 1922 гг.

Например, для объяснения цикличности войны (цикл равен приблизительно 56 годам) приводится комплексное объяснение фактора времени. Во-первых, это смена поколений, в рамках каждого цикла сменяется два поколения, каждое из которых продолжительностью 25 лет. Во-вторых, требуется время экономическому производству для того, чтобы оправиться от одной войны и под-

---

⁴⁶ *Goldstein J.S. Kondratieff waves as war cycles // International Studies Quarterly. 1985. Dec. Vol. 29 (4). P. 411–444.*

готовиться к следующей. В-третьих, период доминирования какой-либо политической партии в демократических странах колеблется от 40 до 60 лет. Теории политической гегемонии также предлагают циклическое объяснение войн, которые случаются на фазе перехода от одного цикла к другому, когда определяется новый гегемон либо консорция гегемонов. Таковы теории цикла лидерства (А.Дж. Тойнби, Дж. Модельски), мировая системная школа И. Валлерстайна и теория транзита власти А.Ф.К. Органски. В своем анализе Дж. Голдштейн изначально отказывается от определения волн экономического развития как циклов с фиксированной периодичностью. Его задачей является установление смены фаз экономического подъема и упадка. Каждая из этих экономических фаз отмечена более или менее параллельными трендами в экономических показателях всех крупных стран. Фактически Дж. Голдштейн в своей работе расширил хронологические рамки анализа. Для периода 1495–1650 гг. он берет статистические данные у Ф. Броделя, для 1670–1790-х гг. — у И. Франка, 1790–1920 гг. — у Н. Кондратьева, а с 1920-х гг. — у Э. Манделя.

Сама статья Н. Кондратьева “Мировое хозяйство и его конъюнктура во время и после войны” была опубликована в 1922 г., доработана автором для немецкого издания в 1926 г. и переведена с немецкого на английский в 1935⁴⁷. Автор в ней не устанавливает точную периодичность циклов, а указывает их среднюю длину от 47 до 60 лет, при этом первая волна — самая длинная. В исследовании рассматриваются последние 140 лет (т.е. период 1780–1920 гг.), что равняется двум с половиной циклам. Несмотря на то что критики указывали на широкое колебание цикла, Н. Кондратьев возражал, что в случае почти единогласно признанных бизнес-циклов уровень флуктуации равен 57%, так как их продолжительность колеблется от 7 до 11 лет. Тогда как продолжительность выделенных им длинных циклов имеет флуктуационный показатель только 25%. Н. Кондратьев указывает также, что если бизнес-циклы обусловлены внутренними экономическими причинами, то длинные циклы обусловлены внешними, как он их называет “экстра-экономическими” условиями и событиями. Это изменения в технических средствах производства, войны и революции, ассимиляция новых стран, а с ними и новых ресурсов в мировую экономику, а также флуктуации в золотодобычах. Что касается войн и революций, то несмотря на то что они берут свое начало в экономических обстоятельствах, таких

---

⁴⁷ *Kondratieff N.D., Stolper W.F. The long waves in economic life // The Review of Economics and Statistics. 1935. Nov. Vol. 17 (6). P. 105–115.*

как увеличение темпа и возросшее напряжение экономической соревновательности, конкуренция за рынки сбыта и доступ к сырью, их все же нельзя назвать причинными силами, формирующими длинные циклы, скорее они сами по себе являются одним из их симптомов. Утверждая существование длинных циклов и отрицая их обусловленность случайными факторами, автор придерживался мнения, что они сами по себе происходят от причин сущностно свойственных капиталистической экономике, но эти причины им далее не конкретизируются. Более того, в заключении он называет эти длинные циклы “сущностным фактором экономического развития, фактором, действие которого можно проследить во всех основных сферах социальной и экономической жизни”⁴⁸.

В исследовании Н. Бека, опубликованном в “Американском журнале политической науки” за февраль 1987 г., рассматривался вопрос, возможно ли существование политического валютного цикла на примере американской Федеральной резервной системы⁴⁹. В работе, опубликованной четыре годами позже, он рассматривает возможность выделения уже долгосрочных циклов в международных отношениях⁵⁰. Его главное убеждение заключается в том, что только модели, основанные на циклах с фиксированной периодичностью, являются единственно приемлемыми для социальной науки и только они могут объяснить циклические феномены. Иными словами, он фактически исходит из дословной интерпретации слова цикл — “круглый”, “круговой” (греч. *kiklos*). Спектральный анализ, по его мнению, является стандартным методом для выявления циклической зависимости в сериях фактов, однако по причине недостаточности данных он может оказаться неэффективным. Одной из причин этого является то, что часто процессы, которые генерируют различные наблюдения, могут быть идентичными. Такие процессы называют стационарными. Большинство временных серий, с которыми работают социальные науки, стационарными не являются. Многие временные серии измеряют также уровень того, насколько аккумулируются все предыдущие изменения в серии. Тогда такие серии будут называться интегративными, а поскольку вариантность серий увеличивается во времени, интегративные серии не могут быть стационарными. Если циклы понимать только как чередование подъемов и упадков, то любая стационарная серия в той или иной

---

⁴⁸ Kondratieff N.D., Stolper W.F. Op. cit. P. 115.

⁴⁹ Beck N. Elections and the Fed: is there a political monetary cycle? // American Journal of Political Science. 1987. Febr. Vol. 31 (1). P. 194–216.

⁵⁰ Beck N. The illusion of cycles in international relations // International Studies Quarterly. 1991. Dec. Vol. 35 (4). P. 455–476.

степени будет проявлять некоторое циклическое поведение. Отсюда так называемые “длинные циклы” и тот факт, что в экономике они “могут быть результатом математической собственности стационарных серий”⁵¹. Любая стационарная серия в свою очередь также может быть разложена на набор подциклов, каждый из которых имеет фиксированную периодичность. Важно также учитывать, что существует прямая зависимость между анализом домена времени и домена частоты (собственно спектра). Частота является антитезой периодичности. На практике это обозначает, что в анализе длинных циклов два цикла близких или почти совпадающих в частотности могут быть значительно отдалены друг от друга в периодичности. Спектральный метод поэтому может выявить короткие циклы в стационарных сериях, но не сможет доказать существование каких-либо длинных циклов.

В анализе войн Дж. Голдштейна рассматривается также степень тяжести войны и ее последствий. Эти данные уже нельзя рассматривать как стационарные серии. У Дж. Голдштейна стандартный метод автокорреляции выявляет существование 50-летнего цикла войн в период 1495–1975 гг. Однако Н. Бек говорит о том, что частичные автокорреляции помогли бы проверить, соответствует ли авторегрессивный процесс более низкого порядка данным, либо же только высоко организованные промежутки должны быть включены в модель. Поэтому Н. Бек делает вывод, что периодичные длинные циклы невозможно выделить в интегративных сериях, каковыми являются данные по ожесточенности войн.

В ответ на критику циклического подхода в объяснении международных отношений в 1993 г. появляется статья Л. Сайерса, в которой он применяет метод спецификации по А.А. Маркову и специфицирует и тестирует циклы войн Дж. Голдштейна как сегментированные во времени тренды⁵². Он пишет, что, как правило, эмпирические исследования полагались на два основных метода диагностики: функции спектральной плотности и функции автокорреляции ARIMA. Однако очевидно, что эти техники будут отрицать гипотезу цикличности из-за своего очень строгого определения формы цикла. Л. Сайерс специфицирует определение войны и использует нелинейные методы для ее анализа. По его мнению, следует исходить из понимания войны как нелинейного процесса с циклами без фиксированной амплитуды и продолженности. Он использует модель двух состояний, которая сегментирует временные серии на

---

⁵¹ Beck N. The illusion... P. 460.

⁵² Sayrs L.W. The long cycle in international relations: a Markov specification // International Studies Quarterly. 1993. June. Vol. 37 (2). P. 215–237.

фазы подъема и упадка. Сама модель у него представлена в виде процесса А.А. Маркова. Он тестирует свою спецификацию относительно нулевой гипотезы, которая предполагает, что война носит случайный характер во времени.

Большим вопросом, говорит он, остается то, является ли ожидаемая волна циклом в войнах *per se* или ее следует рассматривать как более широко определяемый цикл некоего макрополитического и экономического процесса. Ряд исследователей, к которым он относит Дж. Модельски, И. Валлерстайна и Дж. Голдштейна, признают войну со-временной *c*, но в то же время, вытекающей из сути гегемонистского цикла. В этой логике, война может быть цикличной только потому, что цикличны процессы, ее вызывающие. Нулевая гипотеза Л. Сайерса исходит из подхода Е. Слуцкого, который доказывает в своей работе 1927 г. (английский перевод появился в 1937)⁵³, что циклы являются результатом аккумуляции случайных погрешностей. Даже в ситуации невозможности доказать позитивным путем существование длительных политических циклов, модель сегментированных трендов больше подходит для работы со статистическими данными, чем ее линейная альтернатива.

В рамках механизма эндогенной каузальности результат последнего события влияет на возможности результатов последующего. В эмпирических тестах для измерения войн использовался целый ряд методов, однако данными для абсолютного большинства их служили данные Дж. Леви⁵⁴, поэтому нередко в этих исследованиях подменялись понятия причинности войны и ее жестокости. В одновариантном анализе Л. Сайерс разводит такие категории, как категория интенсивности и категория жестокости войны. Его анализ призван ответить на два вопроса. Во-первых, соответствуют ли война и инфляция, каждая по отдельности либо совместно, кондратьевскому циклу равному приблизительно 50 годам? Во-вторых, в случае, если эти данные не соответствуют кондратьевскому циклу, не будут ли они удачнее подходить нулевой гипотезе — модели, основанной на принципе аккумуляции случайных ошибок?

В одновариантном анализе Л. Сайерс делает вывод, что цикл войн ограничивается только войнами между крупными державами, а не всеми войнами вообще, имевшими место в рассматриваемый период. В результатах мультивариантного анализа было получено заключение, что показатели войны и инфляции ведут себя по-разному. Если на данных, касающихся войны, можно четко проследить фазы

---

⁵³ *Slutzky E.* The summation of random causes as the source of cyclic processes // *Econometrica*. 1937. April. Vol. 5 (2). P. 105–146.

⁵⁴ *Levy J.S.* War in the modern great power system, 1495–1975. Lexington, 1983.

подъема и упадка, то инфляция имеет небольшой подъем и вторую фазу практически без изменений. Эти две тенденции показывают очень четкое расхождение особенно после 1815 г. Л. Сайерс делает вывод о том, что несмотря на то что война имеет циклический характер, форма и характер циклов не совпадают с волнами Кондратьева. Фазы подъема случаются нерегулярно и длятся, как правило, 14 лет, фаза спада продолжается только 9 лет. В бивариантном анализе доказывалась гипотеза, широко распространенная в работах, касающихся длинных циклов, о том, что на фазе подъема война может служить стимулятором инфляционных процессов. Л. Сайерс не исключает возможности того, что цикл войн может быть процессом с двумя отдельными фазами, на каждую из которых действуют свои макрополитические процессы. Не исключено, что это может быть зависимость также и от более коротких экономических циклов, выделенных в предыдущих исследованиях, таких как бизнес-цикл Й. Шумпетера, производственный цикл С.С. Кузнеца или аграрный цикл В. Тимошенко.

В бивариантном анализе, связывающем показатели войны и показатели цен, было выделено 19 фаз подъема с 1500 г. и только 5 фаз с периода, последовавшего после 1815 г. Главный вывод Л. Сайерса состоит в том, что война является повторяющимся процессом, но этот процесс сложно назвать периодичным. Фокус последующего анализа должен быть обращен к совокупной множественности эффектов, которые удлиняют или укорачивают интервалы времени между этими циклическими эпизодами, заключает он.

Интересно замечание антрополога А. Джелла о том, что ошибочно называть понятием “циклическое время” темпоральность примитивных обществ даже несмотря на наличие в их практике повторяющейся последовательности событий. По причине отсутствия в их практике кумулятивной повторяемости он предлагает называть темпоральность примитивных обществ все-таки линейным типом темпоральности⁵⁵. Циклическое время предполагает возможность проиндексировать повторяемость событий в едином линейном измерении. Только историческое время всегда имеет кумулятивный эффект, заключает он. С методологической точки зрения это замечание интересно тем, что на практическом уровне работы со статистическими данными оно помогает четко развести стационарные серии и интегративные серии.

Даже оппоненты циклично-временного подхода согласны с тем, что несмотря на то, что модели, основанные на циклах с фиксиро-

---

⁵⁵ Gell A. The anthropology of time. Cultural constructions of temporal maps and images. Oxford, 1996. P. 34.

ванной периодичностью, являются единственно возможными для объяснения циклических феноменов, а неудачи в поиске длительных циклов с фиксированной периодичностью в спектральном анализе происходят в основном из-за недостаточности данных, а не из-за сути самого подхода. Данный подход требует стационарности, которая в свою очередь требует выделения процесса, образующего временной инвариант. Здесь сама цикличность принимается за этот временной инвариант. Однако из-за такой потери информации становится практически невозможно выделить так называемые переходные циклы и объяснить те структурные перемены, которые обуславливают переход от одного доминантного цикла к другому.

Данная статья является попыткой произвести систематизацию тех исследований в политической науке, в которых время представлено как значимый фактор политического процесса. Было выделено четыре подхода на основании анализа их теоретического обоснования, методологии и практического инструментария. Предложенная последовательность подходов исходит из степени интенциональности субъектов политического интереса в их обращении со временем: от наиболее к наименее осознанному порядку. Время как нарратив предполагает наиболее высокую степень сознания темпоральных горизонтов политическими акторами. В психологическом подходе в центре анализа находятся темпоральные перцепции акторов (осознанные и нет) и манипулирование ими с целью достижения своих политических интересов. В институциональном подходе уже анализируются так называемые эффекты времени (последовательности принятия решений, закрепление их в институты, институциональные изменения). И, наконец, в циклическо-временном подходе время представлено как некий фатум, несущий изменения в силу действия целого комплекса причин самого общего ряда. Предложенные выводы являются приглашением к дискуссии и основанием для дальнейшего анализа методологического статуса времени в политической науке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES:

Aminzade R. Historical sociology and time // *Sociological Methods & Research*. 1992. May. Vol. 20 (4). P. 456–480.

Ancona D.G., Okhuysen G.A., Perlow L.A. Taking time to integrate temporal research // *The Academy of Management Review*. 2001. Oct. Vol. 26 (4). P. 512–529.

Bachelard G. The dialectic of duration. Manchester, 2000.

Barkin J.S. Time horizons and multilateral enforcement in international cooperation // *International Studies Quarterly*. 2004. Vol. 48. P. 363–382.

Beck N. Elections and the Fed: is there a political monetary cycle? // *American Journal of Political Science*. 1987. Febr. Vol. 31 (1). P. 194–216.

- Beck N.* The illusion of cycles in international relations // *International Studies Quarterly*. 1991. Dec. Vol. 35 (4). P. 455–476.
- Bergson H.* Time and free will. Sydney, 1913.
- Braudel F.* Histoire et sciences sociales: la longue duree // *Annales: Economies, Societes, Civilisations*. 1958. N 4. P. 725–753.
- Crossan M., Pina e Cunha M., Vera D., Cunha J.* Time and organizational improvisation // *The Academy of Management Review*. 2005. Jan. Vol. 30 (1). P. 129–145.
- Elias N.* Time: an essay. Oxford, 1992.
- Ekengren M.* The time of European governance. Manchester, 2002.
- Ferrarotti F.* Time, memory, and society // *Contributions in Sociology*. 1990. N 91.
- Gell A.* The anthropology of time. Cultural constructions of temporal maps and images. Oxford, 1996.
- Goetz K.* The EU timescape: an emergent temporal order. Ch. 8 // *Institutional Dynamics and the Transformation of Executive Politics in Europe* / Ed. by M. Egeberg. Mannheim, 2007. P. 263–290.
- Goetz K.* How does EU tick? Five propositions on political time // *Journal of European Public Policy*. 2009. March. Vol. 16 (2). P. 202–220.
- Goldstein J.S.* Kondratieff waves as war cycles // *International Studies Quarterly*. 1985. Dec. Vol. 29 (4). P. 411–444.
- Gurvitch G.* The spectrum of social time. Dordrecht, 1964.
- Halliday T.* Time and temporality in global governance // *Regulatory Theory: Foundations and Applications* / Ed. by P. Drahos. 2017. Canberra, P. 303–321.
- Halliday T., Carruthers B.G.* Foiling the hegemon: limits to the globalization of corporate insolvency regimes in Indonesia, Korea and China // *Globalization and Resistance: Law Reform in Asia since the Crisis* / Ed. by C. Anton, V. Gessner. Oxford, P. 255–301.
- Kahn P.W.* Political time: sovereignty and the transtemporal community // *Cardozo Law Review*. 2006. Vol. 28 (1). P. 259–276.
- Kondratieff N.D., Stolper W.F.* The long waves in economic life // *The Review of Economics and Statistics*. 1935. Nov. Vol. 17 (6). P. 105–115.
- Koselleck R.* Futures past: on the semantics of historical time. Cambridge, 1985.
- Kovats L.* Do elections set the pace? A quantitative assessment of the timing of European legislation // *Journal of the European Public Policy*. 2009. March. P. 239–255.
- Lefebvre H.* Rhythmanalysis: space, time, and everyday life. L.; N.Y., 2004.
- Levy J.S.* War in the modern great power system, 1495–1975. Lexington, 1983.
- Linz J.J.* Democracy's time constraints // *International Political Science Review*. 1998. Vol. 19 (1). P. 19–37.
- Luhmann N.* The future cannot begin: temporal structures in modern society // *Social Research*. Vol. 43 (1). P. 130–152.
- Mahoney J.* Path dependence in historical sociology // *Theory and Society*. 2000. Vol. 29. P. 507–548.
- Osborne P.* The politics of time: modernity and avant-garde. L.; N.Y., 1995.
- Ornstein R.E.* On the experience of time. L., 1969.
- Pierson P.* Politics in time. History, institutions and social analysis. Princeton, 2004.
- Pinfari M.* Peace negotiations and time: deadline diplomacy in territorial disputes. L., 2013.
- Pinfari M.* Time to agree: is time pressure good for peace negotiations? // *The Journal of Conflict Resolution*. 2011. Oct. Vol. 55 (5). P. 683–709.

Portella E. Future without a future // Time in the making and possible futures / Ed. by E.R. Larreta. L., 2000.

Riescher G. Zeit and Politik. Baden-Baden, 1994.

Sayrs L.W. The long cycle in international relations: a Markov specification // International Studies Quarterly. 1993. June. Vol. 37 (2). P. 215–237.

Schedler A., Santiso J. Democracy and time: an invitation // International Political Science Review. 1998. Vol. 19 (1). P. 5–18.

Schuman H., Corning A., Schwartz B. Framing variations and collective memory. “Honest Abe” versus “the great emancipator” // Social Science History. 2012. Winter. Vol. 36 (4). P. 451–472.

Schwartz B. Rethinking the concept of collective memory // Routledge International Handbook of Memory Studies / Ed. by A.L. Tota, T. Hagen. N.Y., 2016. P. 27–39.

Schwartz B., Schuman H. History, commemoration, and belief: Abraham Lincoln in American memory, 1945–2001 // American Sociological Review. 2005. Vol. 70 (2). P. 183–203.

Schwartz B., Zerubavel Ya., Barnett B. Recovery of Masada: a study in collective memory // Sociological Quarterly. 1986. N 27. P. 147–164.

Sorokin P., Merton R.K. Social time: a methodological and functional analysis // The American Journal of Sociology. 1937. March. Vol. XLII (5). P. 615–629.

Slutzky E. The summation of random causes as the source of cyclic processes // Econometrica. 1937. Apr. Vol. 5 (2). P. 105–146.

Tucker H.J. It's about time: the use of time in cross-sectional state policy research // American Journal of Political Science. 1982. Febr. Vol. 26 (1). P. 176–196.

Zerubavel E. Time maps: collective memory and the social shape of the past. Chicago, 2003.

DOI: 10.24290/1029-3736-2020-26-1-153-165

ГЕНЕЗИС И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ СИСТЕМЫ ГРУПП ИНТЕРЕСОВ ВО ФРАНЦИИ

П.С. Каневский, канд. полит. наук, доц. кафедры политологии и социологии политических процессов социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, МГУ, д. 1. стр. 33, г. Москва, Российская Федерация, 119234*

Статья посвящена становлению и современному состоянию системы групп интересов во Франции. Автор показывает, что развитие французской системы групп интересов происходило под воздействием исторических, культурных, социальных и институциональных факторов. Для исследователей компаративистов, занимающихся анализом групп интересов в различных странах, французский пример представляет собой особый случай, так как не позволяет отнести его к классическим типам систем групп интересов — корпоративистскому или плюралистическому. Хотя изначально французская модель была ближе к корпоративизму, в ней традиционно значительно меньшую роль играли профсоюзы, важнейший элемент классических корпоративистских систем. К тому же во Франции существует традиция тесного межэлитного взаимодействия, что напрямую отражается и на системе групп интересов. Наиболее влиятельными группами являются те, что пользуются привилегированными отношениями с представителями власти — это позволяет говорить об урезанном, секторальном корпоративизме. Вместе с тем, в развитии французской системы групп интересов прослеживаются и плюралистические тенденции. Однако во Франции плюрализация системы групп интересов связана не столько с развитием рыночных отношений, сколько с фрагментарной структурой государственной власти, в которой процесс принятия решений сосредоточен в плюралистических и в то же время элитарных сообществах. Автор приходит к выводу, что особенности развития политической системы и политической культуры во Франции привели к существованию такой системы групп интересов, которая совмещает в себе черты и корпоративистской, и плюралистической, однако логика их взаимодействия с властью подчинена принципу межэлитного взаимодействия.

Ключевые слова: группы интересов, система групп интересов, корпоративизм, неокорпоративизм, плюрализм, политические элиты, французская политика.

---

* Каневский Павел Сергеевич, e-mail: baggio-18@yandex.ru

GENESIS AND CURRENT STATE OF INTEREST GROUPS SYSTEM IN FRANCE

Kanevskiy Pavel S., Associate Professor, Candidate of Political Science, Department of Political Science and Sociology of Political Processes, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninsky Gory 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: baggio-18@yandex.ru

The article is dedicated to development and current state of the interest groups system in France. The author shows that the development of the French interest groups system occurred under the influence of historical, cultural, social and institutional factors. For comparative researchers who analyze interest groups in different countries France represents a special case since it cannot be classified as either corporatist or pluralistic. Although initially the French model was closer to corporatism, the trade unions — an essential element of classical corporatist systems — always played much smaller role. In addition, in France there is a tradition of close interaction between elites, which directly affects the interest groups system. The most influential groups are those that enjoy privileged access to government officials which allows us to talk about sectoral corporatism. At the same time, pluralistic tendencies can be traced in the development of the French interest groups system. However, in France, the pluralization of the interest groups system is associated not with the development of market relations but with the fragmented structure of state power, in which the decision-making process is concentrated in pluralistic and at the same time elitist communities. The author concludes that the peculiarities of the development of the political system and political culture in France led to the existence of such a system of interest groups that combines both corporate and pluralistic features, but the logic of their interaction with the government is based on the principle of inter-elite interaction.

Key words: *interest groups, system of interest groups, corporatism, neo-corporatism, pluralism, political elites, French politics.*

В политической науке существует четкое разделение систем групп интересов на два типа: плюралистический и демократический корпоративистский или неокорпоративистский. Отличительными чертами плюралистических систем, присущих, в первую очередь, США, Великобритании и странам Содружества, является то, что членство в группах носит добровольный характер, они чаще имеют свободную и децентрализованную организационную структуру, а также в большинстве случаев отделены и независимы от правительства. В рамках подобной системы существует множество особых секторов общественных интересов или, если воспользоваться терминологией Р. Даля, — сфер принятия решений. Каждая из сфер принятия решений представлена самыми разными группами интересов — от ассоциаций до профсоюзов, — которые ведут конкурентную борьбу между собой за право доступа к центрам власти.

В демократических корпоративистских системах, существующих в наиболее классическом виде в странах Скандинавии, в Германии, Австрии, Нидерландах, взаимодействие групп интересов друг с другом и центрами принятия решений носит более упорядоченный и вертикальный характер. В такого рода системах существует тенденция к тому, что социетальный интерес будет представлен большими головными ассоциациями, имеющими централизованную структуру, обязательное членство и четкую внутриорганизационную дисциплину. Выработка курса чаще всего осуществляется государством и подобными ассоциациями совместно по установленным формальным и соблюдаемым всеми правилам.

Однако самая большая методологическая проблема, с которой сталкиваются исследователи систем групп интересов, заключается в том, что сегодня и плюрализм, и корпоративизм представляют собой скорее идеальные модели. Возникает вопрос, как использовать данные модели для анализа стран, политические традиции которых отличаются от классических траекторий развития плюрализма и корпоративизма. Причем данная проблема существует не только применительно к так называемым “незападным” странам, но и к тем государствам, которые можно считать ядром западной цивилизации.

Одним из наиболее ярких примеров подобной дилеммы является система групп интересов во Франции. Ее нельзя однозначно причислить ни к традиционным плюралистическим системам, ни к корпоративистским, хотя содержит в себе черты и тех, и других. Французская система групп интересов характеризуется тем, что она находится под влиянием расколотой политической культуры, высокого уровня политической конфликтности и нестабильного отношения групп интересов друг с другом и с государством. Говоря о Франции, Г. Алмонд заметил, что “культурно и политически фрагментированное общество, выбирающее своих представителей по пропорциональной системе, способно формировать лишь слабые и нестабильные коалиции”¹. К тому же в основе партийной конкуренции лежат острые идеологические и классовые противоречия, которые формируют более непримиримые политические блоки, включая блоки групп интересов, которые также стремятся к поляризации по целому ряду ключевых вопросов. В результате партийные системы не могут эффективно справляться с агрегацией интересов так же как это происходит в англо-саксонских или западноевропейских корпоративистских странах. Если плюралистическая система групп

---

¹ *Almond G. A Comparative study of interest groups and the political process // The American Political Science Review. 1958. Vol. 52. N 1. P. 278.*

интересов характеризуется конкуренцией, которая регулируется писаными и неписаными нормами, корпоративизм — согласованием интересов исходя из межгрупповой солидарности и культуры компромисса, то французская политическая культура долгое время способствовала развитию непостоянного и неформального механизма взаимодействия между группами интересов и органами власти. К тому же в отличие от корпоративистских моделей в Австрии, Германии и в странах Скандинавии, французский корпоративизм развивался менее равномерно, так как традиционно включал представителей индустрии, однако гораздо менее эффективно представлял интересы профсоюзов. Исходя из этого, Дж. Килер использовал по отношению к Франции знаменитый оборот “корпоративизм без труда”, имея ввиду, что корпоративизм распространился лишь на часть общественных отношений и не превратился в полноценную модель социального партнерства².

Во Франции группы интересов вынуждены действовать в более нестабильном и идеологически поляризованном политическом пространстве, а каналы и стратегии их взаимодействия с законодательной и исполнительной властью периодически изменяются под воздействием изменений в самой политической системе. В условиях партийной системы, пребывающей в перманентном состоянии конфликта, крупнейшие группы интересов, особенно представляющие экономический сектор, ищут способы обезопасить себя от политической нестабильности и формируют более прочные связи с правительствами и бюрократией, что позволяет им избежать политической волатильности. Именно поэтому А. Хикс называет Францию страной “капиталистического этатизма”, подчеркивая взаимосвязь между традицией сильного государства и крупного капитала³. В ситуации, когда отсутствует эффективная система сдержек, существует стремление наиболее влиятельных групп интересов доминировать в политическом процессе.

Если обратиться к истории, мы увидим, что система групп интересов во Франции прошла трудный путь становления. Генезис политической системы и политической философии Франции после революции 1789 г. способствовал тому, что страна долгое время тяготела к общественно-политической модели, в которой центральная роль отводится государству. В этом прослеживается влияние идей одного из главных вдохновителей новой французской

---

² См.: *Elgie R., Griggs S. French politics: debates and controversies*. L., 2013. P. 158.

³ Цит. по: *Siaroff A. Corporatism in 24 industrial democracies: meaning and measurement // European Journal of Political Research*. 1999. N 36. P. 187–188.

государственности Ж.-Ж. Руссо, для которого закон — это “публичное и формальное провозглашение общей воли относительно предмета, представляющего общий интерес”⁴. А путь к правовому государству, самосохранению и благополучию возможен только если “некоторое число соединившихся людей смотрит на себя как на единое целое”⁵. Реализация общей воли может происходить лишь посредством единого и сильного государства, которое не должно допускать влияния внешних групп на поведение и мысли людей.

Многие положения Декларации прав человека и гражданина от 1789 г. и закона Ле Шапелье от 1791 г. — ключевых документов, заложивших основу французской политико-правовой системы, — фактически отрицали возможность существования организованных групповых интересов, так как это вступало в прямое противоречие с идеей общей воли. Хотя в конце XIX — начале XX в. во Франции были легализованы профсоюзы и дано право на свободу собраний, группы интересов продолжали рассматриваться государством и обществом как неформальное явление. Поэтому в отличие от англо-саксонских систем, в которых в течение XX в. государство все больше открывалось для многочисленных групп интересов, и корпоративистских государств, в которых происходило становление институтов социального партнерства, французская модель оставалась относительно закрытой и избирательной. Согласно А. Колсону, “государство предпочитало сохранять централизованный контроль над различными социальными группами, в первую очередь, трудовыми объединениями”⁶.

В конечном счете это привело к формированию “корпоративизма без труда”, т.е. такой системы взаимодействия групп интересов и органов власти, в которой государство отдает предпочтение наиболее крупным отраслевым объединениям, но не стремится встраивать в процесс принятия решений профсоюзы. Таким образом, во Франции сложилось особое отношение государства к привилегированным группам интересов, имеющим право доступа к процессу принятия решений, и в то же время развилась конфликтная модель взаимодействия государства с профсоюзами. “По сей день, когда на фоне сокращения индустриального сектора экономики французские

---

⁴ Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре, или Опыт о форме Республики (Первый набросок) // Руссо Ж.-Ж. Трактаты. М., 1969. С. 228.

⁵ Руссо Ж.-Ж. Письма с горы // Руссо Ж.-Ж. Трактаты. С. 356.

⁶ Colson A., Elgoibar E., Marchi F. Employee representatives in France: employers' perceptions and expectations towards improved industrial relations // Promoting Social Dialogue in European Organizations / Ed. by M. Euwema, L. Munduate, P. Elgoibar, A.B. Garcia. N.Y., 2015. P. 68.

забастовщики выходят на улицы Парижа или жгут костры напротив своих закрывающихся заводов, они следуют традиции конфликтной модели взаимодействия, а не переговоров”⁷.

Конфликтная модель взаимоотношений между государством и профсоюзами является важной характеристикой французской системы групп интересов. Поскольку профсоюзы не имеют постоянных институциональных каналов доступа к процессу принятия решений, они вынуждены транслировать свои интересы посредством неконвенциональных способов, таких как забастовки. Однако забастовки способны лишь временно менять баланс сил, они не складываются в устоявшуюся политику государства по отношению к профсоюзам. Как правило, политика государства по отношению к трудовому законодательству меняется в зависимости от партийных раскладов и программы президента. Так, президент-социалист Ф. Миттеран был более позитивно настроен по отношению к профсоюзам, благодаря чему в 1980-е гг. удалось запустить процесс модернизации механизма согласований интересов между бизнесом и наемными работниками. Данный механизм был усовершенствован после введения законов 1999, 2004 и 2007 гг., согласно которым любое изменение трудового законодательства должно сопровождаться консультациями с представителями профсоюзов⁸. Однако сути конфликтного взаимодействия данные нововведения не изменили. К тому же приход к власти либерального президента Э. Макрона привел к очередному витку противостояния государства с профсоюзами. В частности, одним из первых шагов избранного президента стал пересмотр Кодекса законов о труде, что “существенно ограничило права профсоюзов, гарантии занятости и их отношения с предпринимателями”⁹.

Проблема профсоюзного движения заключается еще и в том, что оно идеологически расколото. Главная конфедерация труда придерживается коммунистических взглядов, Французская демократическая конфедерация труда и Рабочая сила — умеренно социалистических, Французская конфедерация трудящихся христиан и Французская конфедерация труда — право-католических¹⁰. Разобщенность профсоюзного движения ведет к снижению эффективности деятельности данных групп интересов и их вовлеченности в процесс принятия решений.

⁷ Colson A., Elgoibar E., Marchi F. Op. cit. P. 67–68.

⁸ См.: Ibid. P. 68.

⁹ Выборы во Франции 2017 г.: итоги и перспективы / Отв. ред. В.Я. Швейцер. М., 2017. С. 80.

¹⁰ См.: Elgie R., Griggs S. Op. cit. P. 148.

Важной характеристикой развития системы групп интересов во Франции является то, что она существует в постоянно меняющемся институциональном окружении. Начиная с Великой революции Франция пережила десять глубинных трансформаций политической системы, включая революции, реставрации, диктатуры, республики, не считая многочисленные волны реформ. Важной институциональной предпосылкой развития системы групп интересов в современной Франции стали изменения в политической системе, которые накапливались в течение последней четверти XX в., а в XXI в. вылились в кризис традиционного механизма представительства. Динамика французской политической системы конца XX — начала XXI в. характеризовалась разнонаправленными тенденциями централизации и децентрализации, что напрямую отразилось на взаимоотношении между группами интересов и органами власти. Первой тенденцией стала внутренняя перестройка политической системы в результате конституционной реформы 2000 г., которая сократила президентский срок с 7 до 5 лет, сравнив его со сроком работы парламента. В итоге выборы президента и выборы в парламент проходят в один год с разрывом в несколько месяцев, в результате правящее большинство в парламенте почти гарантированно поддерживает президента, так как избиратели голосуют за партию, представляющую программу президента. Это значительно уменьшает независимую роль законодательной ветви и усиливает роль президента. В 2008 г. была предпринята попытка смягчить последствия реформы 2000 г. — были изменены процедуры принятия решений в парламенте, что наделило его большими полномочиями в подготовке законопроектов по сравнению с правительственной бюрократией.

Это, однако, не смогло остановить развитие общей тенденции снижения роли партий как агрегаторов групповых интересов. Ведущие политические партии утратили доверие большинства, а общий уровень недоверия французов основным политическим институтам в 2016 г. достиг рекордных 70–90%¹¹. Согласно Ж. Грюнбергу и Ф. Хегель, в начале нового столетия Франция “переживает закат устоявшейся двухпартийности”¹². Это является следствием более глубинных изменений, происходящих во французском обществе, таких как растущее отчуждение между элитами и обществом, углубление политико-идеологического раскола, рост евроскептицизма, кризис лево-правой матрицы идеологических координат.

---

¹¹ См.: Выборы во Франции 2017 г.: итоги и перспективы. С. 14.

¹² *Grunberg G., Haegel F. Le Bipartisme Imparfait en France et en Europe // Revue Internationale de Politique Comparée. 2007. Vol. 14. N 2. P. 339.*

Второй важной тенденцией стало развитие многоуровневого механизма принятия решений вследствие европеизации и децентрализации политического пространства. Появление органов власти Евросоюза, предоставление большей свободы региональному и муниципальному уровню привели к развитию многоуровневости политики, в которой центральная власть является лишь одним из уровней процесса принятия решений.

В итоге французским группам интересов стало доступно несколько уровней входа в политический процесс. Первый уровень представлен национальными органами власти. Хотя члены обеих палат парламента — Национальной ассамблеи и Сената — обладают правом законодательной инициативы, приоритет отдается законопроектам, поступающим от правительства¹³. Проникновение англосаксонских идей о необходимости дерегулирования бюрократии привело к возникновению независимых агентств, которые стали оттягивать на себя значительную часть готовящихся решений и стали другим важным направлением деятельности групп интересов. При этом, как для унитарного государства, для Франции характерен относительно централизованный процесс принятия решений, что определяет стратегии региональных групп интересов. Поэтому второй уровень взаимодействия — региональный — характеризуется не тем, что в региональных органах власти стало больше лоббизма, а тем, что “региональные группы интересов все чаще лоббируют центральные органы власти”¹⁴. Наконец, третий уровень представлен органами власти Евросоюза, повысившими политический вес многих групп интересов, которые по разным причинам, о чем будет сказано ниже, не могли столь же эффективно влиять на принятие решений на национальном уровне.

Еще одной тенденцией, повлиявшей на усиление роли групп интересов, стало ослабление роли традиционных политических институтов. Пользуясь терминологией Э. Гроссмана и С. Сюрюже, во Франции развивается “общество групп интересов”, в котором последние “лучше выполняют функцию дуги обратной связи между обществом и государством, нежели классические институты представительства”¹⁵. Это создает предпосылки для развития более

---

¹³ См.: *Liu E.* Systems of government in some foreign countries: France // Research and Library Services Division Legislative Council Secretariat. Hong Kong, 2000. P. 4. URL: <https://www.legco.gov.hk/yr99-00/english/sec/library/990rp08.pdf> (accessed: 03.11.2018).

¹⁴ *Constantelos J.* Interest group strategies in multi-level Europe // *Journal of Public Affairs*. 2007. N 7. P. 46.

¹⁵ См.: *Grossman E., Saurugger S.* Les groupes d'intérêt // *Action collective et stratégies de représentation*. P., 2012. P. 19–20.

плюралистической системы групп интересов, которая становится неотъемлемой частью демократического политического процесса и в то же время меняет механизм взаимодействия между властью и обществом. Впрочем, это не отменяет проблему избирательного отношения государства к группам интересов.

Оценить реальную структуру системы групп интересов во Франции все еще проблематично, однако в последнее десятилетие появилось несколько инструментов, которые позволяют сделать предварительные выводы. Наиболее важным на сегодня источником информации о взаимодействии групп интересов и государства является первый в истории Республики официальный Реестр лоббистов. Согласно пакету законов о повышении прозрачности в законодательном процессе от 2016 г. (Сапэн 2), полностью вступившему в силу в 2018 г., любая группа интересов, которая желает войти в контакт с представителями законодательной или исполнительной власти, обязана зарегистрироваться в публичном реестре при Главном управлении по вопросам повышения политической прозрачности. На декабрь 2018 г. в Реестре насчитывалось 1729 групп интересов, среди которых 33,5% представляли частный сектор (27,5% — частные компании, 6% — бизнес-ассоциации), 25,1 — профессиональные ассоциации, 16,3 — неправительственные организации, 14 — профсоюзы, 7% — лоббистские фирмы, индивидуальных лоббистов¹⁶. При этом из-за особенностей официального определения некоммерческих организаций и профессиональных ассоциаций множество из них также представляют интересы бизнеса. Например, Американская торговая палата или Ассоциация страховщиков зарегистрированы как некоммерческие организации, а Союз металлургической индустрии — как профессиональная ассоциация. Иными словами, реальное число групп, представляющих интересы частного сектора, значительно больше, чем 33,5%.

Вторым по значимости источником информации о системе групп интересов является Реестр лоббизма, действующий на уровне Евросоюза. От Франции в Реестре на декабрь 2018 г. было зарегистрировано 1117 групп. Частные компании и бизнес-ассоциации составляют 30,7% от общего числа групп. Профсоюзы и профессиональные ассоциации составляют 21,2%, неправительственные организации — 20,5, лоббистские фирмы и индивидуальные лоббисты — 9,8, мозговые центры, институты, академические структу-

---

¹⁶ См.: Le répertoire. Haute Autorité pour la transparence de la vie publique. URL: <https://www.hatvp.fr/le-repertoire/> (accessed: 04.11.2018).

ры — 7,1%¹⁷. В целом, национальный и наднациональный реестры демонстрируют схожую картину. Существует общая тенденция к доминированию групп, представляющих интересы бизнеса, однако профсоюзы, профессиональные ассоциации и неправительственные организации также активно взаимодействуют с органами власти как в Париже, так и в Брюсселе.

Тем не менее, факт регистрации и даже доступа групп интересов к органам власти еще не означает, что влияние на процесс принятия решений завершится успехом. Хотя французский Реестр обязывает группы интересов отчитываться о содержании любой коммуникации с представителями власти посредством личных встреч, телефонных разговоров и переписки, а также раскрывать содержание данных встреч и цель взаимодействия, у нас мало возможностей понять, каким образом подобное влияние превращается в решения и какие именно интересы власть отбирает для реализации собственной политики. Проблема в том, что во Франции пока элементарно не накопилось необходимого количества эмпирических данных и исследований, обобщающих деятельность групп интересов и их влияние на политический процесс. Однако ряд работ все же позволяют делать определенные выводы.

В частности, Р. Элджи и С. Григгс считают, что Франция все еще придерживается традиции межэлитного взаимодействия, а потому наиболее привилегированные группы интересов, в первую очередь представляющие бизнес, имеют больше шансов на успешное влияние. В связи с этим авторы предлагают определять французскую модель лоббизма как секторальный корпоративизм¹⁸. Базовой характеристикой данной модели является то, что “между высшими представителями государства и привилегированными группами интересов в ряде ключевых сфер принятия решений ведется взаимовыгодный торг, исход которого зависит от позиции и информации, предоставляемой руководством групп интересов”¹⁹. Р. Элджи и С. Григгс ставят на первое место именно наиболее влиятельные группы интересов, которые, по их мнению, являются более важными акторами в процессе принятия решения, нежели государство. В то же время государство обеспечивает данным группам доступ к процессу принятия решений. Иными словами, отношения строятся по принципу взаимозависимости, в основе которой находится обмен

---

¹⁷ См.: Реестр прозрачности Евросоюза. URL: <http://ec.europa.eu/transparencyregister> (дата обращения: 05.11.2018).

¹⁸ См.: *Elgie R., Griggs S. Op. cit. P. 158.*

¹⁹ *Ibid.*

информацией. Данный вывод подтверждается докладом *Transparency International*, согласно которому основой лоббистских отношений во Франции становятся информация и экспертиза, которые группы интересов обменивают на возможность оказывать влияние на процесс принятия решений. “Передача аналитических и экспертных знаний лицам, принимающим решения, либо участие в работе экспертных комитетов позволяют группам интересов создавать более влиятельные коалиции”²⁰.

При этом межэлитные союзы возникают не во всех сферах принятия решений, а лишь там, где действуют привилегированные и доминирующие группы. Ярким примером может служить сельскохозяйственная отрасль, в которой существует доминирующая корпоративная группа Национальная федерация фермерских союзов, имеющая прямой доступ к центрам и лицам, принимающим решения. Подобные группы имеют привилегированный доступ к различным совещательным структурам, комитетам, комиссиям и советам при органах власти, в рамках которых они могут донести свое мнение до политиков и чиновников. Примером данных структур может быть Совет по экономике и социальным вопросам, удостоенный отдельного упоминания в конституции, а также комиссии по модернизации, которые формируют пятилетние планы по развитию ключевых отраслей экономики.

Несмотря на то что французская система групп интересов имеет отдельные черты корпоративизма, хотя и весьма специфического типа, она также находится под влиянием процессов плюрализации. Причем, если обычно плюралистические тенденции являются следствием развития рыночных отношений и децентрализации политического пространства, во Франции они связаны со структурой государственной власти. В своей классической работе о взаимовлиянии государства и рынка Дж. Хейвард показал, что образ централизованного и гомогенного французского государства является крайне упрощенным. В реальности “государство является разобщенным и фрагментированным в той степени, в которой власть рассредоточена между полуавтономными подсистемами, каждая из которых преследует свои цели и имеет свою собственную индустриальную клиентелу”²¹. В результате фрагментации, процесс принятия решений сосредоточивается в “полуплюралистических и в то же время

---

²⁰ *Transparence et intégrité du lobbying, un enjeu de démocratie // Etat des Lieux Citoyen sur le Lobbying en France. Transparency International France. P., 2014. P. 28.*

²¹ *Hayward J. The state and the market economy: industrial patriotism and economic intervention in France. Brighton, 1986. P. 23.*

элитистских сообществах, предоставляющих свободу действий ключевым акторам, представляющим крупный бизнес, банковский сектор, политическим и бюрократическим лидерам”²².

Подытоживая, можно сказать, что французская модель лоббизма характеризуется сочетанием как корпоративистских элементов, так и плюралистических, однако и те, и другие подчинены логике межэлитного взаимодействия, в котором первичным правом доступа будут пользоваться те группы, которые встроены в межэлитные политические сети. При этом французский секторальный корпоративизм заметно отличается от классического австро-германского и скандинавского варианта, он является менее инклюзивным, так как не направлен на включение в процесс принятия решений более широких слоев населения, ограничиваясь относительно немногочисленными, привилегированными группами. Во французском корпоративизме фактически отсутствует трипартистский элемент и понятие социального партнерства. В то же время плюралистические тенденции отличаются от тех, что можно наблюдать в англо-американских системах, так как это не плюрализм равных возможностей, а плюрализм, вызванный расколотым состоянием французской системы принятия решений и конкуренцией, которая провоцируется конфликтной французской политикой. Если в США или Канаде конкуренция носит более открытый характер, то во Франции механизм доступа групп интересов к государству все еще в значительной степени находится в тени. Французский пример является яркой демонстрацией того, каким образом нестабильное институциональное развитие, расколотая политическая культура и преобладание интересов “избранных” групп сказываются на всей системе групп интересов, которая в конечном счете является отражением того политического пространства, внутри которого она существует.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

Выборы во Франции 2017 г.: итоги и перспективы / Отв. ред. В.Я. Швейцер. М., 2017.

Реестр прозрачности Евросоюза. URL: <http://ec.europa.eu/transparencyregister> (дата обращения: 04.09.2019).

Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре, или Опыт о форме Республики (Первый набросок) // Руссо Ж.-Ж. Трактаты. М., 1969.

Руссо Ж.-Ж. Письма с горы // Руссо Ж.-Ж. Трактаты. М., 1969.

---

²² Hayward J. Op. cit. P. 38.

REFERENCES:

Almond G. A comparative study of interest groups and the political process // The American Political Science Review. 1958. Vol. 52. N 1.

Colson A., Elgoibar E., Marchi F. Employee representatives in France: employers' perceptions and expectations towards improved industrial relations // Promoting Social Dialogue in European Organizations / Ed. by M. Euwema, L. Munduate, P. Elgoibar, A.B. Garcia. N.Y., 2015.

Constantelos J. Interest group strategies in multi-level Europe // Journal of Public Affairs. 2007. N 7.

Elgie R., Griggs S. French politics: debates and controversies. L., 2013.

Grossman E., Saurugger S. Les groupes d'intérêt. Action collective et stratégies de représentation. P., 2012.

Grunberg G., Haegel F. Le bipartisme imparfait en France et en Europe // Revue Internationale de Politique Comparée. 2007. Vol. 14. N 2.

Hayward J. The state and the market economy: industrial patriotism and economic intervention in France. Cambridge, 1986.

Le répertoire. Haute Autorité pour la transparence de la vie publique. URL: <https://www.hatvp.fr/le-repertoire/> (accessed: 06.09.2019).

Liu E. Systems of government in some foreign countries: France // Research and Library Services Division Legislative Council Secretariat. Hong Kong, 2000. URL: <https://www.legco.gov.hk/yr99-00/english/sec/library/990rp08.pdf> (accessed: 05.09.2019).

Reestr prozrachnosti Evrosoyuza [EU Transparency Register]. URL: <http://ec.europa.eu/transparencyregister> (data obrashcheniya: 04.09.2019) (in Russian).

Russo Zh.-Zh. Ob obshchestvennom dogovore, ili Opyt o forme Respubliki (Pervyj nabrosok) [On the social contract, or Experience on the form of the Republic (First draft)] // Russo Zh.-Zh. Traktaty. M., 1969 (in Russian).

Russo Zh.-Zh. Pis'ma s gory [Letters from the Mountain] // Russo Zh.-Zh. Traktaty. M., 1969 (in Russian).

Siaroff A. Corporatism in 24 industrial democracies: meaning and measurement // European Journal of Political Research. 1999. N 36.

Transparence et intégrité du lobbying, un enjeu de démocratie // Etat des Lieux Citoyen sur le Lobbying en France. Transparency International France. P., 2014.

Vybory vo Francii 2017 g.: itogi i perspektivy [French elections in 2017: results and prospects] / Otv. red. V.Ya. Shvejcer. M., 2017 (in Russian).

DOI: 10.24290/1029-3736-2020-26-1-166-187

РОЛЬ СМИ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ*

Т.Н. Самсонова, докт. полит. наук, проф. кафедры политологии и социологии политических процессов социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, МГУ, д. 1. стр. 33, г. Москва, Российская Федерация, 119234**

Е.С. Наумова, магистрант социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, МГУ, д. 1. стр. 33, г. Москва, Российская Федерация, 119234***

В статье анализируется роль средств массовой информации в процессе политической социализации российской молодежи, происходящей в контексте глубоких социально-экономических и политических преобразований. Развитие политических взглядов молодых россиян особенно значимо в период от 15 до 25 лет. Молодые граждане России находятся в процессе формирования политических установок и испытывают воздействие разных факторов. Большая часть политической информации поступает в настоящее время из средств массовой информации, как традиционных, так и инновационных: газеты, журналы, радио, телевидение и интернет. Телевидение содействует формированию общественного мнения, передавая новости и их анализ, затрагивая важные проблемы, существующие на политической арене. Особенно ощутимо выросла роль интернета. Агрегаторы политических новостей, онлайн-блогеры представляют широкий спектр политической информации и мнений. Очевидна значимость адекватной оценки роли традиционных и инновационных СМИ в политической социализации молодежи, в формировании политической субъектности молодого поколения россиян.

Ключевые слова: средства массовой информации, российская молодежь, политическая социализация, интернет, гражданское образование.

THE ROLE OF MASS MEDIA IN POLITICAL SOCIALIZATION OF MODERN RUSSIAN YOUTH

Samsonova Tatiana N., PhD in Political Science, Professor, Department of Politology and the Sociology of Political Processes, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: ashberry@mail.ru

Naumova Ekaterina S., Master's Student, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: naumova-umka@yandex.ru

---

* Окончание (Статья 2). Начало в № 4 за 2019 г.

** Самсонова Татьяна Николаевна, e-mail: ashberry@mail.ru

*** Наумова Екатерина Сергеевна, e-mail: naumova-umka@yandex.ru

The article analyzes the role of mass media in the process of political socialization of the Russian youth, taking place in the context of deep socio-economic and political transformations. The crucial impressionable years in the development of citizens' political outlook are between the ages of fifteen and twenty-five. Young Russian citizens are just in the process of developing political habits and are easily influenced by different factors. Much of political information comes from the traditional and innovative mass media: newspapers, magazines, radio, television, and the Internet. Television helps to shape public opinion by providing news and analysis, its entertainment programming addresses important contemporary issues that are in the political arena. The growth of the Internet is especially significant. Political news aggregators and online bloggers present a broad range of political opinion, information, and analysis. The importance of an adequate assessment of the role of the traditional and innovative media in the political socialization of young people, in shaping the political subjectivity of young Russian citizens is obvious.

Key words: *mass media, Russian youth, political socialization, the Internet, civic education.*

“Молодежь стала особым классом общества”
Роже Вадим

Статья 2

Особенности виртуальной социальной среды как “пространства” политической социализации молодого поколения россиян

В XXI в. ведущая роль в распространении политической информации принадлежит электронным СМИ. Вся повседневная жизнь современного человека радикально изменилась с появлением цифровых технологий сетевых коммуникаций, а сети стали одной из основных форм “организации и взаимодействия социальных, политических и экономических сил”¹.

Распространение информации в интернете по сравнению с традиционными средствами массовой информации имеет ряд значимых отличий. Прежде всего, содержание сообщений и их передача максимально упрощаются, значительно увеличивается объем передаваемой информации, а число потенциальных “получателей” становится безграничным. Информация доступна всем пользователям с помощью различных устройств, в любое время и в любом месте. В условиях формирования глобального информационного пространства массовые коммуникации конструируют реальность в сфере публичной политики, именно она одной из первых пре-

---

¹ Добринская Д.Е. Киберпространство: территория современной жизни // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2018. № 1. С. 54.

терпеваает оцифровку, медиатизацию и дигитализацию. Однако на пути к всеобщему коммуницированию политических субъектов в интернет-среде препятствием является уровень цифрового неравенства. Доступ к информации становится новой основой для дифференциации и стратификации общества, порождая чувство социальной ущемленности и социальную напряженность. Политическая сфера остается частично закрытой, не давая наблюдателю ощущения прозрачности, которое необходимо для формирования и поддержания доверия политическим институтам.

В такой ситуации наиболее влиятельными оказываются те каналы, посредством которых происходит двусторонняя коммуникация, существует возможность обратной связи и установления диалога. Такая коммуникация сегодня осуществляется посредством социальных сетей, форумов и иных форм общения в интернете, которые полностью отвечают основным запросам пользователя — обладают *мультимедийностью* и *интерактивностью*. Коммуникацию в сети характеризует гипертекстовая организация информации — ее нелинейность, ассоциативность, наличие большого количества тегов и гиперссылок. Это означает, что ориентация в потоках политической информации и успешная политическая коммуникация в сети требуют определенных навыков.

Поскольку в интернете индивиду доступен избыточный объем информации, возникает эффект энтропии. Переизбыток информации может негативно влиять на аналитические способности индивида, способность мыслить критически и осуществлять самостоятельный выбор политической позиции². Виртуализация политических процессов имеет эффект дополненной реальности — к объективным фактам политической жизни присоединяются множественные интерпретации пользователей сети, которые в свою очередь являются отражением потенциальной реакции граждан в реальной жизни. Кроме того, снижается бдительность пользователей в вопросах информационной безопасности. Открытость и доступность информационных порталов, свобода создания новых сайтов влекут за

---

² По мнению многих исследователей, влияние информационных технологий ведет к формированию так называемого “клипового сознания”. Появились даже такие понятия, как “интеллектуальный инсульт”, “инфомания”, “смартозависимость”. Уполномоченный по правам человека Т.Н. Москалькова выступила в мае 2019 г. с предложением ввести в школах должность аналитика профилей школьников в соцсетях. Такие специалисты, по мнению омбудсмена, могли бы предотвращать возможные трагедии, избавлять пользователей от возможных депрессий (Москалькова предложила ввести в школах должность аналитика профилей учеников в соцсетях. URL: <https://tass.ru/obschestvo/6428713> (дата обращения: 18.06.2019)).

собой не только позитивные, но и негативные последствия, например, невозможность проверить достоверность приводимых на них данных. Отсутствие четких ориентиров в информационном потоке создает, как отмечает И.С. Шаповалова, “информационное поле повседневного существования современного индивида, не просто не выполняющее социализирующие функции, но и несущее заряд его интеллектуального разрушения и маргинализации”³.

Российский сегмент интернета — Рунет, с одной стороны, выступает как мегафактор политической социализации, так как он технически не изолирован от остального мирового интернета, с другой стороны, язык как естественный барьер все еще ограждает среду русскоязычных сайтов, форумов и иных площадок общения от слияния с глобальными платформами. Успешное развитие и популярность поисковой системы (браузера) Яндекс и русскоязычной социальной сети ВКонтакте — наглядное тому подтверждение

Высокая активность молодежи в сфере интернета обусловлена простотой и скоростью доступа к различной информации, ее развлекательным и интерактивным характером, а также широкими возможностями для общения. Использование интернета как канала коммуникации, не имеющего жестких содержательных, стилистических, форматных и иных ограничений традиционных СМИ, позволяет упростить мир политики для среднестатистического пользователя. Требования к речи, манерам и поведению снижаются, ослабевает неодобрение табуированных тем, что приводит к раскрепощению аудитории. Кроме того, уровень доверия к интернет-источникам неоправданно высокий. Молодые люди предпочитают “получать информацию из сети Интернет, так как полагают, что информационные ресурсы сети менее ангажированы властью, и в них снижен уровень политической цензуры”⁴. Так, по данным Всероссийского омнибуса ГФУ-Русь, к началу 2019 г. пользование интернетом среди молодежи (от 16 до 29 лет) достигло 99%⁵. Подростки в возрасте от 12 до 24 лет ежедневно проводят в интернете 189 минут⁶, т.е. больше 3-х часов в день. При этом бóльшая часть

---

³ Шаповалова И.С. Влияние интернет-коммуникаций на поведение и интеллектуальное развитие молодежи // Социологические исследования. 2015. № 4. С. 148.

⁴ Камнев Д.Г. СМИ в процессе политической социализации молодежи в России: фокус на сравнительный анализ роли Интернета // PolitBook. 2013. № 4. С. 68.

⁵ Исследование GfK: Проникновение Интернета в России. URL: <https://www.gfk.com/ru/insaity/press-release/issledovanie-gfk-pronikновение-interneta-v-rossii-1/> (дата обращения: 16.06.2019).

⁶ См.: Общая аудитория сети Интернет за период сентябрь 2018 — февраль 2019. Медиа исследования // MediaScope. URL: <https://webindex.mediascope.net/general-audience> (дата обращения: 15.06.2019).

времени уходит на пользование социальными сетями, затем на просмотр видео и онлайн-игры, и наконец, на пользование электронными СМИ. Разумеется, сама по себе диагностика распространенности интернета еще не дает ответа на вопрос о его реальной и функциональной роли в жизни пользователей (активных и не очень активных). Вместе с тем нельзя не отметить, что для очень многих “Интернет стал ведущим инструментом познания и одновременно образом жизни, вне которого последняя утратила бы значительную долю смысла”⁷.

Сетевые СМИ — средства информации, существующие в пространстве интернета, — это не только электронные версии прежних печатных СМИ, но и совершенно новые формы распространения и обсуждения информации, основная особенность которых — непрерывное новостное вещание и реагирование на политические события. Предоставление актуальной политической информации сейчас возможно только посредством интернета, так как традиционные СМИ не обладают достаточной оперативностью.

Поскольку в сетевых СМИ информация многократно дублируется, снижая заинтересованность пользователей, возрастает роль новостных агрегаторов, которые самостоятельно суммируют и фильтруют сообщения. Крупные новостные агрегаторы с посещаемостью свыше 1 млн пользователей приравнены к СМИ в соответствии с законом, который вступил в силу в России с 1 января 2017 г.⁸ Такими агрегаторами стали “Яндекс”, “Новости Google”, “Новости Mail.ru”, “Рамблер/новости”, “СМИ2” и “MSN Россия”. В ленте новостных агрегаторов тема “Политика” занимает первое место, что подтверждает интерес пользователей к событиям политической жизни.

Обсуждение политической информации, полученной из электронных СМИ, также отражает степень заинтересованности аудитории, что подтверждает рейтинг цитируемости СМИ в социальных медиа. Самыми цитируемыми информационными агентствами за 2018 г. являются “РИА Новости”, “ТАСС” и “Интерфакс”⁹, наиболее часто ссылки распространяются посредством социальных сетей и мессенджеров.

---

⁷ Реутов Е.В., Тришина Т.В. Интернет-практики и информационные предпочтения населения // Социологические исследования. 2015. № 4. С. 141.

⁸ См.: Интерфакс: Дума приняла закон о новостных агрегаторах. URL: <http://www.interfax.ru/russia/512954> (дата обращения: 14.06.2019).

⁹ СМИ в соцмедиа: 2018 год. Медиалогия. URL: <https://www.mlg.ru/ratings/media/socmedia/6455/> (дата обращения: 04.05.2019).

Политический потенциал социальных сетей: иллюзии или реальность?

Социальные сети являются для молодых россиян пространством обсуждения и формирования собственного мнения о политике. Политическая активность в сети выражается в членстве в группах политической тематики, просмотре и обсуждении политических новостей, подписках на аккаунты политических деятелей. Согласно опросу ВЦИОМ¹⁰, проведенному в июне 2017 г., из всех возрастных групп молодежь от 18 до 24 лет в соцсетях меньше всего проявляла интерес к политическим темам, всего 14% заявили, что они используют соцсети, чтобы узнавать новости политики. Впрочем, даже если молодые люди мало интересуются политической информацией, они получают ее и сопутствующим образом, в юмористической форме или в виде скрытой политической рекламы и пропаганды.

Современные средства массовой информации и коммуникации расширяют манипулятивные возможности воздействия на молодежную аудиторию. Создать ложное представление о политической действительности в сети проще, чем в традиционных СМИ, за счет конструирования политического субъекта и создания видимости поддержки политика интернет-аудиторией. Происходит своего рода “легитимация” политической информации посредством ее публикации в интернете. Тем самым социальные сети становятся не только ресурсами “самопрезентации политических и общественных деятелей и приобщения пользователей Сети и сетевых активистов к политическому процессу, но и способом координации гражданского движения, а также координации действий протестных групп”¹¹.

Нельзя не отметить, что наибольшее влияние на настроения молодежи социальные сети оказывают в крупных городах, где эффект включенности в политическую жизнь поддерживается географической близостью к политическому центру власти и насыщенной социальной жизнью. Жители крупных городов имеют возможность (и вынуждены) в определенной мере больше времени находиться в перенасыщенном информационном пространстве.

Мощным инструментом передачи политической информации становятся личные аккаунты политиков в социальных сетях¹². Они

---

¹⁰ Социологи рассказали о низком интересе молодежи в соцсетях к политике // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/politics/02/06/2017/59304aea9a79474ab825cecb> (дата обращения: 14.06.2019).

¹¹ Павлютенкова М.Ю. Роль и место социальных сетей в публичной политике // Вестник РУДН. Серия: Политология. 2015. № 3. С. 77.

¹² Одним из первых примеров успешного применения потенциала социальных сетей в ходе предвыборной кампании можно назвать победу Барака Обамы на

создаются с целью освещения их деятельности, воспитания чувства привязанности, повышения доверия, формирования ощущения близости и участия. Федеральное агентство политических новостей приводит Топ-10¹³ наиболее популярных в соцсетях политических деятелей России. Лидерами по числу подписчиков являются: председатель правительства (здесь и далее все должности указаны на момент написания статьи) РФ Д.А. Медведев (Twitter — 5,31 млн подписчиков, ВКонтакте — 2,2 млн, в Instagram — 2,5 млн); глава Чеченской республики Р.А. Кадыров (Instagram — 2,1 млн подписчиков, Twitter — 350 тыс., ВКонтакте — 476 тыс.); и лидер ЛДПР В.В. Жириновский (Twitter — 1,62 млн читателей, Instagram — 112 тыс.). Присутствие в интернет-среде свидетельствует о “продвинутой” политике или партии. В начале 2018 г. в послании Федеральному Собранию В.В. Путин подчеркнул необходимость включения в гонку за интернет-аудиторию, так как “тот, кто использует технологическую войну, вырвется далеко вперед”¹⁴.

Таким образом, интернет-пространство в политике является символом прогресса. Оно предоставляет возможности для формирования общественного мнения не только внутри страны, но и за ее пределами, конструирования политического бренда страны, ее государственных органов и отдельных политиков. Так, в Госдуме считают, что российским государственным деятелям, у которых есть аккаунты в социальных сетях, нужно вести их на английском языке, чтобы развеять “страшилки о России, которые навязываются западными СМИ”¹⁵.

Несмотря на возможность попадания в молодежные интернет-тренды¹⁶ официальным лицам сложно конкурировать с неполити-

---

президентских выборах в США 4 ноября 2008 года (см.: Фролова О.А. Особенности политических технологий двух президентских кампаний Барака Обамы // Общество: политика, экономика, право. 2014. № 1. С. 34). Об использовании и эффективности цифровых инструментов в президентской кампании США в 2016 г. см.: Соловей В.Д. Цифровая мифология и избирательная кампания Дональда Трампа // Политические исследования. 2017. № 5.

¹³ См.: Исследование ФАПН. Ближе к народу: топ-10 самых популярных политиков в соцсетях. URL: <https://polit.info/304227-blizhe-k-narodu-top-10-samyh-populyarnyh-politikov-v-socsetyah> (дата обращения: 19.06.2019).

¹⁴ Путин В.В. Послание к Федеральному Собранию от 01.03.2018. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_291976/ (дата обращения: 20.06.2019).

¹⁵ В Госдуме считают, что российским государственным деятелям, у которых есть аккаунты в социальных сетях, нужно вести их на английском языке // RT. URL: <https://russian.rt.com/russia/news/481100-socseti-angliiskii-strashilki-rossiya> (дата обращения: 15.06.2019).

¹⁶ Самопрезентация в интернете является в настоящее время обязательным элементом политической карьеры, однако сложно предсказать заранее реакцию аудитории на ту или иную информацию.

ческими, независимыми источниками информации. Что касается обозревания текущей политической реальности, то большим доверием молодежи в социальных сетях пользуются независимые и незаинтересованные блогеры и подкастеры¹⁷. Они становятся наиболее авторитетными источниками информации, в том числе и в политико-коммуникативном пространстве, выступают в качестве лидеров мнений и задают вектор оценки тех или иных политических событий или деятелей. Тем самым формирующиеся в настоящее время медийные практики молодых людей разительно отличаются от практик предыдущих поколений, поскольку они — не только потребители медиа, но и своего рода медиапроизводители¹⁸.

Данные регулярного исследования активной аудитории социальных сетей в России агентства Brand Analytics за апрель 2019 г. свидетельствуют, что абсолютными лидерами являются социальные сети ВКонтакте и Instagram¹⁹. Аудитория этих сервисов преимущественно состоит их молодых людей до 34 лет (ВКонтакте — 73,5%).

Количество активных пользователей сети ВКонтакте составило более 30 млн, они сгенерировали 615 млн сообщений. Из них 33% — это авторы в возрасте 25–34 лет, 23% — 18–24 лет. При этом самая популярная в России социальная сеть весьма далека от политической сферы. Группы, связанные с обозреванием политических новостей, относительно немногочисленны. Большое число подписчиков на официальных страницах блогеров (“DRUZHKO SHOW” — 345 тыс.; “вДудь” — 563 тыс.; “Big Russian Boss Show” — 230 тыс.; “Соболев бомбит” — 72 тыс.), на которых представлено дублирование контента из видеохостинга YouTube.

Переходя к анализу второй по популярности социальной сети Instagram, необходимо отметить, что интернет-платформы обмена фотографиями ограничены в возможности влиять на политическую социализацию граждан, в связи с тем, что политическая информация сложно поддается визуализации. Несмотря на значительную символизацию сферы политики, для полноты и точности передачи политической информации необходим текст. Возможно, поэтому в сети Instagram (32 миллиона пользователей, 59% которых моложе 30 лет) крайне мало политического контента.

---

¹⁷ Подкастинг (англ. *podcasting*, от *iPod* и англ. *broadcasting* — “повсеместное вещание, широко вещание”) — процесс создания и распространения звуковых или видеофайлов (подкастов) в стиле радио- и телепередач в интернете.

¹⁸ См.: Кульчицкая Д.Ю., Вартанов С.А., Дунас Д.В., Салихова Е.А. и др. Медиапотребление молодежи: специфика методологии исследования // Медиаскоп. 2019. Вып. 1. URL: <http://www.mediascope.ru/2529> (дата обращения: 14.06.2019).

¹⁹ См.: Мониторинг активных пользователей соцсетей Brand Analytics. URL: <https://br-analytics.ru/statistics/author> (дата обращения: 20.06.2019).

Интерес может представлять анализ профилей политических деятелей на предмет формирования имиджа политика за счет личных фотографий и реакции на них пользователей сети. Тройка самых известных отечественных политиков в данной сети — это глава Чечни Р.А. Кадыров, главный российский оппозиционер А.А. Навальный и премьер-министр РФ Д.А. Медведев. При этом только на странице А.А. Навального отражена его политическая деятельность (фотографии с митингов и политических акций). Остальные аккаунты, по мнению представителей традиционных СМИ, заполнены официальными сухими отчетами, фотоснимки напоминают семейный фотоальбом: депутат на субботнике, на митинге, встреча с бюджетниками, с семьей на природе, т.е. создают образ приближенного к народу обычного человека, у которого “все как у людей”²⁰. Вероятно, многие представители власти недооценивают возможности фото- и видеосоциальных сетей, поскольку в российском обществе политическая агитация до сих пор преимущественно ориентирована на текст, в то время как “на Западе больше используется снимок, коллаж, фотожаба... Возможно, часть политиков и понимают, какую большую помощь им может оказать Интернет в повседневной работе, но в то же время они не имеют навыков и умения сделать при помощи интернет-ресурсов свою деятельность более продуктивной и эффективной”²¹.

Помимо вышеназванных социальных сетей особую нишу в политической коммуникации в современном киберпространстве занимают мессенджеры. Парадоксально, но росту их популярности способствовал и закон, вступивший в силу с 1 января 2018 г., обязывающий интернет-мессенджеры осуществлять идентификацию пользователей и дешифрование личной переписки. Молодые пользователи, обеспокоенные конфиденциальностью персональных данных, выражали категорический протест данным нововведениям на этапе разработки законопроекта, но это не повлияло на принятие данного политического решения. Отказ руководства мессенджера Telegram выполнять данные требования вызвал политический скандал. Тем самым ресурс завоевал авторитет в глазах молодежи как надежное и безопасное средство личной коммуникации, а также платформа для медийной и форумной деятельности. По данным на январь 2018 г., активную аудиторию Telegram составляла моло-

---

²⁰ См.: Барова Е. Все под блогем ходят. Как политики общаются с избирателями в соцсетях и что рассказывают о себе // Аргументы и факты. 2019. № 20. С. 8.

²¹ Шилов В.В. Роль Интернета в политической сфере социума. Часть 2 // Власть. 2019. № 1. С. 81.

дежь от 18 до 24 (40%) и от 25 до 34 (26,5%)²². Больше половины пользователей имеют высшее образование (57%) или получают его (22% студенты). Наиболее популярными являются новостные и политические Telegram-каналы, на них подписаны 44% пользователей. Самые крупные политизированные каналы “Сталингулаг”, “Футляр от виолончели”, “Незыгарь”, “Бойлерная” имеют многотысячные аудитории (от 270 тыс. до 1,2 миллиона подписчиков)²³. Данный мессенджер уже привлек множество каналов СМИ и блогеров, которые создают публичные чаты в активных целевых группах. Повышенное внимание со стороны государства к мессенджеру обусловлено опасениями в связи с возможностью его использования общественно опасными группировками в целях совершения террористических актов. Попытки заблокировать данный мессенджер отразились на общем состоянии интернет-пространства в России, обострили недовольство молодежи реализацией свободы слова.

Видеоблоги являются значимым источником информации о политике в молодежной среде. Число пользователей видеохостинга YouTube быстро растет, сегодня его совокупная аудитория уже сопоставима с телевизионной. Наиболее существенное отличие состоит в том, что коммуникация на сервисе YouTube носит более непринужденный характер, допускает больше свободы в высказываниях, чем на телевидении, поэтому блогеры не боятся открыто высказывать свое мнение. Пользователи чаще всего смотрят одно или несколько видео, гораздо реже подписываясь на каналы политической тематики. Примером успешного канала о политике может послужить относительно молодой канал “Политика сегодня: Россия США Украина”, он имеет более миллиона подписчиков и суммарно 905,5 млн просмотров (за два года существования).

Если анализировать поведение заинтересованных политической жизнью молодых пользователей интернета, то стоит отметить, что чаты и форумы постепенно уступают место сервисам, агрегирующим вопросы и развернутые ответы в формате лонгридов. На популярном среди аудитории до 34 лет сервисе “The Question” тема “Политика” содержит 24 316 вопросов и 15 869 постоянных подписчиков²⁴. Пользователи не боятся открыто обсуждать самые болезненные политические проблемы, например, задавать следующие вопросы:

---

²² Статистика аудитории Telegram. URL: <https://telegram-region.com/statistika-auditorii-telegram-na-yanvar-2018/> (дата обращения: 20.06.2019).

²³ Telegram-каналы Россия. Telegram Analytics. URL: <https://tgstat.ru> (дата обращения: 16.06.2019).

²⁴ По состоянию на 05.05.2019. Политика. URL: <https://thequestion.ru/topic/25/politika> (дата обращения: 05.05.2019).

“Как вы думаете, кто поддержит Россию, если начнется американо-российская война?”, «Какие фильмы носят в себе скрытую или открытую пропаганду, как “Триумф воли”?»», “Школьники, вас заставляют ходить на провластные митинги?”

В отличие от обсуждений в социальных сетях, ответы на данном сервисе воспринимаются как мнения компетентных лиц, хотя в числе экспертов рубрики “Политика” лишь единицы — это профессиональные социологи или политологи. Пользователи задают вопросы и отвечают на них не анонимно; тем не менее, вопросы имеют свободную формулировку, а ответы содержат большое количество обоснованной критики действующей политической власти.

Открыто выразить свое мнение относительно политической ситуации значительной части молодежи мешают разные причины, к которым относятся высокая вероятность спровоцировать негативную реакцию других пользователей, представление о табуированности политической тематики в сети, а также опасения, что подобные высказывания повлекут за собой негативные последствия в виде проблем с учебой, работой и властями. Например, 35% опрошенных ФОМ молодых людей считают, что патриотом не может быть человек, критикующий власти своей страны²⁵.

Государство в киберпространстве: механизмы контроля и возможности сотрудничества

Проблема государственного контроля СМИ актуализируется в периоды возникновения угроз национальной безопасности. В условиях информационных войн и высокой вероятности террористической угрозы государство имеет веские причины ограничивать свободу СМИ. По данным международной правозащитной группы “Агора”²⁶, за 2018 г. юристы зарегистрировали 662 842 факта ограничения свободы интернета в России — в 5,7 раза больше, чем годом ранее (115 706).

В 2019 г. особо остро встал вопрос о контроле за качеством новостной информации. За распространение “фейковых новостей” сетевые ресурсы подлежат блокировке²⁷. По данным опроса

---

²⁵ ФОМ: Патриотизм. URL: <https://fom.ru/TSennosti/14222> (дата обращения: 21.06.2019).

²⁶ См.: “Агора” зафиксировала усиление ограничения свободы интернета в России // Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3874277> (дата обращения: 14.06.2019).

²⁷ См.: Федеральный закон от 18.03.2019 N 31-ФЗ «О внесении изменений в статью 15.3 Федерального закона “Об информации, информационных технологиях и о защите информации”». URL: <https://garant.ru/hotlaw/federal/1263816/> (дата

ВЦИОМ²⁸, за последние год–два с недостоверными новостями в интернете сталкивались 31% россиян. Однако больше четверти молодых людей, встречавшихся с ложной информацией, допускают, что недостоверные новости были опубликованы случайно, из-за непреднамеренной ошибки журналистов (26% среди 18–24-летних).

Несмотря на необходимость повышения уровня достоверности информации в сети подобные изменения вызывают неоднозначную реакцию общественности. Возникают опасения, что расширение контроля ущемляет свободу мысли и слова граждан. Еще более резонансным стал проект “Суверенного Рунета”. Согласно подписанному главой государства 1 мая 2019 г. закону, операторы связи теперь должны будут “обеспечивать установку в своей сети технических средств противодействия угрозам устойчивости, безопасности и целостности функционирования в России интернета”²⁹.

Необходимо отметить, что особое внимание к возможностям использования каналов СМК связано, в том числе, с попыткой осуществления целенаправленной политической социализации молодежи. Так, министр культуры В.Р. Мединский предложил создать просветительский политический YouTube-канал, который помогали бы раскручивать известные блогеры³⁰. С целью обсуждения подобного сотрудничества еще в мае 2017 г. на заседание Госдумы “О молодежной политике в Российской Федерации” были приглашены, но не посетили его, популярные видеоблогеры Саша Спилберг и Николай Соболев.

В силу активного развития интернет-среды государство не всегда успевает за сменой повестки дня и технологическими новинками Рунета. Попытки привлечь внимание молодежной аудитории можно проиллюстрировать появлением таких материалов, которые претендуют на звание вирусного контента. В рамках агитационной предвыборной кампании бурную реакцию вызвало, например, появление провокационного видеоролика “Секс и выборы — только для взрослых”, в котором подчеркивается не столько значение выборов,

---

обращения: 20.06.2019). Однако известие о том, что подобный Роскомнадзору регулятор создается и в Великобритании, несколько снизил накал страстей (См.: *Фигуровский Н.* Фактчекинг бьет фейк-ньюс // *Культура.* 2019. № 15. С. 5).

²⁸ Опрос ВЦИОМ. “Фейк-ньюс”: масштаб проблемы. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9660> (дата обращения: 20.06.2019).

²⁹ См.: Федеральный закон от 01.05.2019 № 90-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О связи” и Федеральный закон “Об информации, информационных технологиях и о защите информации”». URL: https://Consultant.ru/document/cons_doc_LAW_323815/ (дата обращения: 20.06.2019).

³⁰ См.: РИА Новости. URL: <https://ria.ru/culture/20170309/1489636885.html> (дата обращения: 20.06.2019).

сколько эксклюзивность и статусная значимость данного процесса как индикатора взрослости. Видео быстро собрало большое количество просмотров и негативных комментариев от молодых людей, в которых высмеивалась идея ролика.

Достойной альтернативой выступают попытки повысить интерес к выборам со стороны исследовательских центров. Они предложили пользователям опробовать новые интерактивные и развлекательные технологии для проверки своих аналитических навыков и интуиции. Так, в феврале 2018 г. ФОМ представил свою новую разработку — предвыборную машину прогнозов³¹, с помощью которой каждый желающий мог спрогнозировать результаты президентских выборов 2018 г. Система предоставляла результаты социологических опросов и помогала сделать собственный прогноз итогов выборов. Аналогичный проект ВЦИОМ — “рынок электоральных прогнозов”³² носит еще более игровой характер, и даже предлагает призы в качестве поощрения. Задача участников — угадать, как будет изменяться поддержка кандидатов, покупать и продавать “акции”, увеличивая свой виртуальный капитал.

Интернет в процессе политической социализации молодежи: проблемы и перспективы

Завершая анализ роли интернета в политической социализации современной российской молодежи, необходимо отметить, что интеграция общественных инициатив — сосредоточение нужной и полезной информации для горизонтальной и вертикальной коммуникации по поводу проблем, решение которых лежит в сфере политики — глобальная и идеальная цель развития медиапространства в России. Интернет может быть площадкой развития гражданского общества только в случае, если пользователи сети в той же мере проявляют свою активную гражданскую позицию в реальной жизни.

Процесс медиатизации российской политики проявляется в фактическом перемещении политической жизни в символическое пространство СМИ. “Транслируемая СМИ политическая медиареальность нередко оказывается для граждан более интересной и привлекательной, чем реальность эмпирического политического опыта”³³. Среда коммуникации значительно опережает процесс

---

³¹ Машина предвыборных прогнозов ФОМ. URL: <http://mpp.fom.ru/> (дата обращения: 19.06.2019).

³² Проект ВЦИОМ “Рынок электоральных прогнозов”. URL: 2018.wciom.ru (дата обращения: 20.06.2019).

³³ Русакова О.Ф., Грибовод Е.Г. Политический медиадискурс и медиатизация политики как концепты политической коммуникативистики // Научный ежегодник ИФиП УрО РАН. 2014. № 4. С. 67.

трансформации политических ориентаций и формирования политических установок у молодежи. Атомизация и хаотичность восприятия и усвоения политической информации молодыми людьми приводит к конфликту интерпретаций, что препятствует формированию определенной политической позиции молодежи и проявлению политической активности в реальной жизни. «Получив возможность проявлять свою активность через высказывания в Интернете, люди зачастую остаются в пределах виртуальной реальности, не проявляя желания, да и готовности к различным формам непосредственного политического участия и гражданской активности»³⁴.

Интерес молодежи к политическому контенту в сети носит эпизодический характер, что обусловлено отсутствием устойчивых политических ценностей и четкого представления «образа будущего» в политическом сознании значительной части молодых россиян. Низкая активность молодежи в сети в аспекте потребления и генерирования именно политической информации, выражения политической позиции отражает ее склонность «плыть по течению». В немалой степени это обусловлено особенностями доминирующей политической культуры в России: низким уровнем личных притязаний на политическое участие, конформизмом, неустойчивостью политических принципов, подданническим отношением к центрам реальной власти, нетерпимостью, абсентеизмом и правовым нигилизмом. «В политическом сознании молодых россиян отчетливо прослеживается установка на социально-психологический патернализм, обращенный к государственной власти. Данная установка причудливо сочетается с поведенческим прагматизмом и тенденцией негативизации политической реальности, в значительной мере подпитываемой информационной «повесткой дня» Рунета»³⁵. Вместе с тем, по данным исследований, «среди тех, кто убежден в наличии потенциала политической субъектности в сети Интернет, подавляющее большинство (83%) читает новости посредством социальных сетей, почти половина (47%) сами размещают новости»³⁶.

---

³⁴ Самсонова Т.Н. Роль Интернета в системе гражданского образования: достижения и проблемы // Образование в «3D»: доступность, диалог, динамика. Сб. тезисов / Ред. и сост. Е.В. Брызгалина, В.А. Прохода, П.Н. Костылев. М., 2016. С. 145.

³⁵ Самсонова Т.Н., Титов В.В. К вопросу о становлении национально-гражданской идентичности российской молодежи в условиях глобальных социокультурных трансформаций начала XXI века // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2017. № 3. С. 162.

³⁶ Бродовская Е.В., Домбровская А.Ю., Синяков А.В. Политическая субъектность пользователей социальных сетей в России: результаты всероссийского социологического исследования // Вестник МГГУ им. М.А. Шолохова. История и политология. 2015. № 2. С. 85.

К позитивным тенденциям использования современных технологий массовой коммуникации в политической сфере можно отнести возрастание возможностей участия граждан страны в принятии политических решений. Предлагаемые властью интерактивные медиа-технологии могут способствовать формированию информированного и активного гражданина. Примерами успешного применения медиа-технологий в налаживании взаимодействия между государством и обществом могут служить программа “Электронное правительство”, сайт “ГосУслуги”, “Телемост”, прямые линии с Президентом РФ. Попытки создания электронного правительства позволяют говорить о тенденции к реализации совещательной демократии, так как делают возможным принятие решений на основе общественного обсуждения. В качестве примера успешного внедрения технологий чаще всего приводится московский проект электронных референдумов “Активный гражданин”. К сожалению, сервис используется преимущественно для решения бытовых вопросов и создает мнимое ощущение участия в политической жизни города.

Интернет, несомненно, создает широкие возможности взаимодействия с молодежью, привлечения ее внимания к политике и вовлечения в политическую жизнь страны. Так, по данным исследований, люди “в возрасте 25–44 года, имеющие высшее образование, наиболее позитивно оценивают потенциал политической субъектности в глобальной сети”³⁷. Однако существует и ряд угроз, которые могут негативно влиять на процесс политической социализации молодого поколения. Вместе с тем, нельзя не признать, что интернет-технологии сегодня становятся важнейшим инструментом политической коммуникации, одновременно являясь критерием демократичности политического процесса и залогом успешного развития институтов гражданского общества.

Заключение

Процесс политической социализации в современном российском обществе сопряжен с рядом проблем, обусловленных разными причинами, в том числе и рассогласованностью в воздействии, оказываемом ее институтами. А это затрудняет формирование у молодых людей гражданских качеств, необходимых для их успешной интеграции в социум, реализации своих целей и задач путем участия в общественно-политической жизни.

Немалый “вклад” в хаотизацию вносят средства массовой информации и коммуникации. Их значение в повседневной жизни

---

³⁷ Бродовская Е.В., Домбровская А.Ю., Синяков А.В. Указ. соч. С. 83.

граждан, прежде всего, молодого поколения, в последние десятилетия неуклонно возрастает. При этом несовершенства и проблемы, вызванные неоднозначным влиянием СМИ на политическую социализацию молодежи, становятся все заметнее. Социальная ответственность граждан и готовность пожертвовать собственными интересами, необходимые для постепенной трансформации современного российского общества, слабо выражены в системе ценностных ориентиров молодежи, среди которых доминируют (особенно в крупных городах) индивидуализм, стремление к самореализации и обогащению³⁸. Патриотическое воспитание, лежащее сегодня в основе формирования российской идентичности, не может в полной мере стать залогом высокого уровня социальной ответственности граждан.

Очевидно, что главной целью воздействия СМИ на молодежную аудиторию в ходе политической социализации призван стать рост ее политической компетентности, которая включает стабильный интерес к политической информации, привычку к анализу политических событий, стремление и умение защищать свою гражданскую позицию. Сегодня именно способность самостоятельно мыслить и принимать решения отличает ответственного активного гражданина, понимающего необходимость взаимной ответственности между государством и обществом. Задача состоит в том, чтобы умело использовать средства массовой информации и коммуникации для продвижения гражданских политических ценностей — патриотизма, политического активизма, ответственности за собственный политический выбор. Императив гражданственности следует рассматривать не просто «как атрибут политического сознания, а как целостный культурно-психологический конструкт, опирающийся на соответствующие ценности, смыслы и символы, способные консолидировать молодое поколение российских граждан... Такая «гражданская социализация онлайн» возможна лишь в условиях существования внятного социально-исторического «контента» российской идентичности, коллективного образа «мы» в историческом пространстве «прошлое — настоящее — будущее»³⁹.

Перспективы и ориентиры совершенствования процесса политической социализации неразрывно связаны с политикой

---

³⁸ См.: *Наумова Е.С.* Почему митингует молодежь? // Россия навсегда. URL: <http://rossiyanavsegda.ru/read/5149/> (дата обращения: 20.06.2019).

³⁹ *Самсонова Т.Н.* Интернет как среда формирования национально-гражданской идентичности российской молодежи: достижения и проблемы // *Контуры будущего: технологии и инновации в культурном контексте. Коллективная монография / Под ред. Д.И. Кузнецова, В.В. Сергеева, Н.И. Алмазовой, Н.В. Никифоровой.* СПб., 2017. С. 81.

государства в отношении СМИ и СМК. В условиях неочевидной, с первого взгляда, политической ангажированности СМИ и угрозы манипулирования сознанием молодых граждан другие институты политической социализации (в первую очередь, семья и школа) призваны обеспечивать формирование критического подхода к анализу политической информации, представленной в СМИ. Контроль за качеством и достоверностью распространяемой информации, воспитание критического мышления и медиаграмотности — два основных механизма регуляции политической социализации и эффективных средств борьбы с манипулятивным воздействием СМИ. Именно средства массовой информации и коммуникации, делая обзор событий политической жизни и давая пищу для размышлений, имеют реальную возможность мобилизовать и вовлечь широкие слои населения, в том числе наиболее потенциально значимый — молодежь, в решение политических, экономических и социальных проблем российского общества.

При условии установления гармоничных и доверительных взаимоотношений молодежи с институтами политической социализации в системе “государство — СМИ — общество”, средства массовой информации могут способствовать формированию гражданской идентичности и успешной адаптации молодых россиян к общественно-политической среде посредством артикуляции и защиты их интересов. А это требует осуществления долгосрочной организационно-управленческой и прогностической деятельности по формированию установок, символов и ценностных оснований идентичности и моделей конвенционального политического поведения молодых российских граждан.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

“Агора” зафиксировала усиление ограничения свободы интернета в России // Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3874277>

Барова Е. Все под блогем ходят. Как политики общаются с избирателями в соцсетях и что рассказывают о себе // Аргументы и факты. 2019. № 20. С. 8.

Бродовская Е.В., Домбровская А.Ю., Синяков А.В. Политическая субъектность пользователей социальных сетей в России: результаты всероссийского социологического исследования // Вестник МГГУ им. М.А. Шолохова. История и политология. 2015. № 2. С. 80–87.

В Госдуме считают, что российским государственным деятелям, у которых есть аккаунты в социальных сетях, нужно вести их на английском языке // RT. URL: <https://russian.rt.com/russia/news/481100-socseti-angliiskii-strashilki-rossiya>

Добринская Д.Е. Киберпространство: территория современной жизни // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2018. № 1. С. 52–70.

Добринская Д.Е., Мартыненко Т.С. Перспективы российского информационного общества: уровни цифрового разрыва // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2019. № 1. С. 108–120.

Интерфакс: Дума приняла закон о новостных агрегаторах. URL: <http://www.interfax.ru/russia/512954>

Исследование ФАПН. Ближе к народу: топ-10 самых популярных политиков в соцсетях. URL: <https://polit.info/304227-blizhe-k-narodu-top-10-samyh-populyarnyh-politikov-v-socsetyah>

Исследование GfK: Проникновение Интернета в России. URL: <https://www.gfk.com/ru/insaity/press-release/issledovanie-gfk-pronikновение-interneta-v-rossii-1/>

Камнев Д.Г. СМИ в процессе политической социализации молодежи в России: фокус на сравнительный анализ роли Интернета // PolitBook. 2013. № 4. С. 61–74.

Кульчицкая Д.Ю., Вартанов С.А., Дунас Д.В., Салихова Е.А. и др. Медиапотребление молодежи: специфика методологии исследования // Медиаскоп. 2019. Вып. 1. URL: <http://www.mediascope.ru/2529>

Машина предвыборных прогнозов ФОМ. URL: <http://mpp.fom.ru/>

Медиа исследования. MediaScope. URL: <https://webindex.mediascope.net/general-audience>

Мониторинг активных пользователей соцсетей Brand Analytics. URL: <https://br-analytics.ru/statistics/author>

Москалькова предложила ввести в школах должность аналитика профилей учеников в соцсетях. URL: <https://tass.ru/obschestvo/6428713>

Наумова Е.С. Почему митингует молодежь? // Россия навсегда. URL: <http://rossiyanavsegda.ru/read/5149/>

Опрос ВЦИОМ. “Фейк-ньюс”: масштаб проблемы. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9660>

Павлютенкова М.Ю. Роль и место социальных сетей в публичной политике // Вестник РУДН. Серия: Политология. 2015. № 3. С. 71–81.

Пивоваров В.А. Основные тенденции в развитии политико-правового регулирования интернет-пространства России в 2018 г. // Власть. 2019. № 2. С. 83–87.

Политика. URL: <https://thequestion.ru/topic/25/politika>

Послание В.В. Путина к Федеральному Собранию от 01.03.2018. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_291976/

Проект ВЦИОМ “Рынок электоральных прогнозов”. URL: <http://2018.wciom.ru>

Реутов Е.В., Тришина Т.В. Интернет-практики и информационные предпочтения населения // Социологические исследования. 2015. № 4. С. 140–148.

РИА Новости. URL: <https://ria.ru/culture/20170309/1489636885.html>

Русакова О.Ф., Грибовод Е.Г. Политический медиадискурс и медиатизация политики как концепты политической коммуникативистики // Научный ежегодник ИФиП УрО РАН. 2014. № 4. С. 65–74.

Рябченко Н.А., Малышева О.П., Гнедаш А.А. Управление политическим контентом в социальных сетях в период предвыборной кампании в эпоху постправды // Политические исследования. 2019. № 2. С. 92–106.

Самсонова Т.Н. Роль Интернета в системе гражданского образования: достижения и проблемы // Образование в ”3Д”: доступность, диалог, динамика. Сборник тезисов / Ред. и сост. Е.В. Брызгалина, В.А. Прохода, П.Н. Костылев. М., 2016. С. 145–146.

Самсонова Т.Н. Интернет как среда формирования национально-гражданской идентичности российской молодежи: достижения и проблемы // *Контуры будущего: технологии и инновации в культурном контексте. Коллективная монография / Под ред. Д.И. Кузнецова, В.В. Сергеева, Н.И. Алмазовой, Н.В. Никифоровой.* СПб., 2017. С. 78–81.

Самсонова Т.Н. Политическая социализация российской молодежи в условиях трансформации // *Динамика социальной трансформации российского общества: региональные аспекты. Материалы V Тюменского международного социологического Форума.* Тюмень, 2017. С. 286–291.

Самсонова Т.Н., Титов В.В. К вопросу о становлении национально-гражданской идентичности российской молодежи в условиях глобальных социокультурных трансформаций начала XXI века // *Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология.* 2017. № 3. С. 156–173.

СМИ в соцмедиа: 2018 год. Медиалогия. URL: <https://www.mlg.ru/ratings/media/socmedia/6455/>

Солдатова Г.У., Рассказова Е.И., Несвик Т.А. Цифровое поколение России: компетентность и безопасность (монография). М., 2017.

Соловей В.Д. Цифровая мифология и избирательная кампания Дональда Трампа // *Политические исследования.* 2017. № 5. С. 122–132.

Социологи рассказали о низком интересе молодежи в соцсетях к политике // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/politics/02/06/2017/59304aea9a79474ab825cecb>

Статистика аудитории Telegram. URL: <https://telegram-region.com/statistika-auditorii-telegram-na-yanvar-2018/>

Telegram-каналы Россия. Telegram Analytics. URL: <https://tgstat.ru>

Федеральный закон от 18.03.2019 № 31-ФЗ «О внесении изменений в статью 15.3 Федерального закона “Об информации, информационных технологиях и о защите информации”». URL: <https://garant.ru/hotlaw/federal/1263816/>

Федеральный закон от 01.05.2019 № 90-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О связи” и Федеральный закон “Об информации, информационных технологиях и о защите информации”». URL: https://Consultant.ru/document/cons_doc_LAW_323815/

Фигуровский Н. Фактчекинг бьет фейк-ньюс // *Культура.* 2019. № 15.

ФОМ: Патриотизм. URL: <https://fom.ru/TSennosti/14222> (дата обращения: 21.06.2019).

Фролова О.А. Особенности политических технологий двух президентских кампаний Барака Обамы // *Общество: политика, экономика, право.* 2014. № 1. С. 32–36.

Хвыля-Олинтер Н.А. Интернет-фактор в ценностном развитии молодежи России // *Alma mater. Вестник высшей школы.* 2016. № 5. С. 104–109.

Шаповалова И.С. Влияние интернет-коммуникаций на поведение и интеллектуальное развитие молодежи // *Социологические исследования.* 2015. № 4. С. 148–151.

Шилов В.В. Роль Интернета в политической сфере социума. Ч. 1, 2 // *Власть.* 2018. Т. 26. № 9. С. 29–34; 2019. Т. 27. № 1. С. 75–82.

REFERENCES:

“Agora” zafiksirovala usilenie ogranicheniya svobody interneta v Rossii [“Agora” recorded increased restrictions on Internet freedom in Russia] // *Kommersant*. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3874277> (in Russian).

Barova E. Vse pod blogom hodyat. Kak politiki obshchayutsya s izbiratelyami v socsetyah i chto rasskazyvayut o sebe [All under the blog go. How do politicians communicate with voters on social networks and what they say about themselves] // *Argumenty i facti*. 2019. N 20. S. 8 (in Russian).

Brodovskaya Ye. V., Dombrovskaya A. Yu., Sinyakov A. V. Politicheskaya sub'ektnost pol'zovatelej sotsial'nyh setej v Rossii: rezul'taty vserossiyskogo sotsiologicheskogo issledovaniya [Political subjectivity of social network users in Russia: results of nationwide sociological study] // *Vestnik MGGU im. M.A. Sholokhova. Istoriya i politologiya*. 2015. N 2. S. 80–87 (in Russian).

Dobrinskaya D.E. Kiberprostranstvo: territoriya sovremennoj zhizni [Cyberspace: the territory of modern life] // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya*. 2018. N 1. S. 52–70 (in Russian).

Dobrinskaya D.E., Martynenko T.S. Perspektivy rossijskogo informacionnogo obshchestva i urovni cifrovogo razryva [Perspectives of the Russian information society: digital divide levels] // *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Sociologiya*. 2019. N 1. S. 108–120 (in Russian).

Federal'nyj zakon ot 18.03.2019 N 31-FZ «O vnesenii izmenenij v stat'yu 15.3 Federal'nogo zakona “Ob informacii, informacionnyh tehnologiyah i o zashchite informacii”» [Federal Law of 18.03.2019 N 31-ФЗ «On Amendments to Article 15.3 of the Federal Law “On Information, Information Technologies and on Protection of Information”»]. URL: <https://garant.ru/hotlaw/federal/1263816/> (in Russian).

Federal'nyj zakon ot 01.05.2019 N 90-FZ «O vnesenii izmenenij v Federal'nyj zakon “O svyazi” i Federal'nyj zakon “Ob informacii, informacionnyh tehnologiyah i o zashchite informacii”» [The Federal Law of 01.05.2019. N 90-ФЗ «On Amendments to the Federal Law “On Communications” and the Federal Law “On information, information technologies and information protection”»]. URL: https://Consultant.ru/document/cons_doc_LAW_323815/ (in Russian).

Figurovskij N. Faktcheking b'et fejk-n'yus [Factchecking beats fake news] // *Kul'tura*. 2019. N 15. S. 5 (in Russian).

Frolova O.A. Osobennosti politicheskikh tehnologij dvuh prezidentskih kampanij Baraka Obamy [Features of political technologies of Barack Obama's two presidential campaigns] // *Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo*. 2014. N 1. S. 32–36 (in Russian).

FOM. Patriotism [Patriotism]. URL: <https://fom.ru/Tsennosti/14222> (in Russian).

Interfaks: Duma prinyala zakon o novostnyh agregatorah [Interfax: The Duma passed a law on news aggregators]. URL: <http://www.interfax.ru/russia/512954> (in Russian).

Issledovanie GfK: Proniknovenie Interneta v Rossii [GfK research: Internet penetration in Russia]. URL: <https://www.gfk.com/ru/insaity/press-release/issledovanie-gfk-proniknovenie-interneta-v-rossii-1/> (in Russian).

Issledovanie FAPN. Blizhe k narodu: top-10 samyh populyarnyh politikov v socsetyah [PAP investigation. Closer to the people: top 10 most popular politicians in social networks]. URL: <https://polit.info/304227-blizhe-k-narodu-top-10-samyh-populyarnyh-politikov-v-socsetyah> (in Russian).

Hvylya-Olinter N.A. Internet — factor v tsennostnom razvitii molodezhi Rossii [Internet factor in the value development of Russian youth] // *Alma mater. Vestnik vysshej shkoly*. 2016. N 5. S. 104–109 (in Russian).

Kamnev D.G. SMI v processe politicheskoy socializacii molodezhi v Rossii: fokus na sravnitel'nyj analiz roli Interneta [Mass media in the process of political

- socialization of youth in Russia: focus on comparative analysis of the role of the Internet] // PolitBook. 2013. N 4. S. 61–74 (in Russian).
- Kulchitskaya D. Yu., Vartanov S. A., Dunas D. V., Salihova E. A.* i dr. Mediapotreblenie molodezhi: specifika metodologii issledovaniya [Youth media consumption: specific methodology of the study] // Mediaskop. 2019. Vyp. 1. URL: <http://www.mediascope.ru/2529> (in Russian).
- Mashina predvybornyh prognozov FOM [POF election forecasting machine]. URL: <http://mpp.fom.ru/> (in Russian).
- Media issledovaniya. MediaScope [Media research. MediaScope]. URL: <https://webindex.mediascope.net/general-audience> (in Russian).
- Monitoring aktivnyh pol'zovatelej soczsetej Brand Analytics [Monitoring of active users of social networks Brand Analytics]. URL: <https://br-analytics.ru/statistics/author> (in Russian).
- Moskal'kova predlozhila vvesti v shkoly dolzhnost' analytika prifilej uchenikov v socsetiah [Moskalkova offered to introduce the position of analyst student profiles in social networks in schools]. URL: <https://tass.ru/obschestvo/6428713> (in Russian).
- Naumova E. S.* Pochemu mitinguet molodyozh'? [Why rally youth?] // Rossiya navsegda. URL: <http://rossiyanavsegda.ru/read/5149/> (in Russian).
- Opros VCIOM: "Fejk-n'yus": masshtab problem [VTsIOM survey: "Fake News": the scale of the problem]. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9660> (in Russian).
- Osipova N. G., Elishev S. O., Pronchev G. B., Monakhov D. N.* Social and Political Processes, Socialization Institutions and Youth Policy Subjects of Modern Russia // Journal of Advanced Research in Law and Economics. 2017. Vol. 8. N 2. S. 545–558.
- Pavlyutenkova M. Yu.* Rol' i mesto social'nyh setej v publichnoj politike [The role and place of social networks in public policy] // Vestnik RUDN. Seriya: Politologiya. 2015. N 3. S. 71–81 (in Russian).
- Pivovarov V. A.* Osnovnye tendencii v razvitii politico-pravovogo regulirovaniya internet-prostranstva Rossii v 2018 g. [The main trends in the development of political and legal regulation of the Internet space of Russia in 2018] // Vlast'. 2019. N 2. S. 83–87 (in Russian).
- Politika [Politics]. URL: <https://thequestion.ru/topic/25/politika> (in Russian).
- Poslanie V. V. Putina k Federal'nomu Sobraniyu ot 01.03.2018 [Message V. V. Putin to the Federal Assembly on 03/01/2018]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_291976/ (in Russian).
- Proekt VCIOM "Ry'nok e'lektoral'ny' h prognozov" [Project VTsIOM "Market electoral forecasts"]. URL: <http://2018.wciom.ru> (in Russian).
- Reutov E. V., Trishina T. V.* Internet-praktiki i informacionnye predpochteniya naseleniya [Internet practices and information preferences of the population] // Sociologicheskie issledovaniya. 2015. N 4. S. 140–148 (in Russian).
- RIA Novosti [RIA News]. URL: <https://ria.ru/culture/20170309/1489636885.html> (in Russian).
- Rusakova O. F., Gribovod E. G.* Politicheskij mediadiskurs i mediatizaciya politiki kak koncepty' politicheskoy kommunikativistiki [Political media discourse and mediatization of politics as concepts of political communication studies] // Nauchnyj ezhegodnik IFiP UrO RAN. 2014. N 4. C. 65–74 (in Russian).
- Ryabchenko N. A., Maly'sheva O. P., Gnedash A. A.* Upravlenie politicheskim kontentom v social'nyh setyah v period predvybornoj kampanii v epohu postpravdy [Managing political content in social networks during the election campaign in the post-truth era] // Politicheskije issledovaniya. 2019. N 2. S. 92–106 (in Russian).

Samsonova T.N. Rol' Interneta v sisteme grazhdanskogo obrazovaniya: dostizheniya i problemy [The role of the Internet in civic education: achievements and challenges] // *Obrazovanie v "3D": dostupnost', dialog, dinamika. Sbornik tezisov / Red. i sost. E.V. Bryzgalina, V.A. Prohoda, P.N. Kostylev. M., 2016. S. 145–146 (in Russian).*

Samsonova T.N. Internet kak sreda formirovaniya nacional'no-grazhdanskoj identichnosti rossijskoj molodezhi: dostizheniya i problemy [The Internet as an environment for the formation of the national-civic identity of Russian youth: achievements and problems] // *Kontury budushchego: tehnologii i innovacii v kul'turnom kontekste: Kollektivnaya monografiya / Pod red. D.I. Kuznetsova, V.V. Sergeeva, N.I. Almazovojj, N.V. Nikifirovoj. SPb., 2017. S. 78–81 (in Russian).*

Samsonova T.N. Politicheskaya socializatsiya rossijskoj molodezhi v usloviyah transformation [Political socialization of Russian youth in the conditions of transformation] // *Dinamika social'noj transformation rossijskogo obshchestva: regional'nye aspekty. Materialy Vth Tumenskogo mezhdunarodnogo sociologicheskogo Forumu. Tumen': Tumenskij gosudarstvennyj universitet, 2017. C. 286–291 (in Russian).*

Samsonova T.N., Titov V.V. K voprosu o stanovlenii nacional'no-grazhdanskoj identichnosti rossijskoj molodezhi v usloviyah global'nyh sociokul'turnyh transformacij nachala XXI veka [On the question of the formation of national-civil identity of Russian youth in the global socio-cultural transformations at the early XXIst century] // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya. 2017. N 3. S. 156–173 (in Russian).*

Shapovalova I.S. Vliyanie internet-kommunikacij na povedeniye i intellektual'noye razvitie molodezhi [The impact of Internet communications on the behavior and intellectual development of young people] // *Sociologicheskiye issledovaniya. 2015. N 4. S. 148–151 (in Russian).*

Shilov V.V. Rol' Interneta v politicheskoy sfere sociuma [The role of the Internet in the political sphere of society]. Article 2 // *Vlast'. 2019. N 1. S. 75–82 (in Russian).*

SMI v socmedia: 2018 god. Medialogiya [Media in social media: 2018 Medialogia]. URL: <https://www.mlg.ru/ratings/media/socmedia/6455/> (in Russian).

Sociologi rasskazali o nizkom interese molodezhi v socsetyah k politike [Sociologists talked about the low interest of young people in social networks to politics] // RBK. URL: <https://www.rbc.ru/politics/02/06/2017/59304aea9a79474ab825cecb> (in Russian).

Soldatova G.U. Rasskazova Ye.I., Nestik T.A. Tsifrovoye pokoleniye Rossii: kompetentnos' i bezopasnost' (monografiya). [The digital generation of Russia: competence and security (monograph)]. M., 2017 (in Russian).

Solovej V.D. Tsifrovaya mifologiya i izbiratel'naya kompaniya Donalda Trampa [Digital mythology and election campaign of Donald Trump] // *Politicheskie issledovaniya. 2017. N 5. S. 122–132 (in Russian).*

Statistika auditorii Telegram [Telegram audience statistics]. URL: <https://telegram-region.com/statistika-auditorii-telegram-na-yanvar-2018/> (in Russian).

Telegram-kanaly Rossiya. Telegram Analytics [Telegram channels Russia. Telegram Analytics]. URL: <https://tgstat.ru> (in Russian).

V Gosdume schitayut, chto rossijskim gosudarstvennym deyatelyam, u kotoryh est' akkaunty v social'nyh setyah, nuzhno vesti ih na anglijskom yazike [The State Duma believes that Russian statesmen who have accounts in social networks need to be kept in English // RT. URL: <https://russian.rt.com/russia/news/481100-socseti-angliiskii-strashilki-rossiya> (in Russian).

СОЦИОЛОГИЯ КОММУНИКАЦИЙ

DOI: 10.24290/1029-3736-2020-26-1-188-208

ПОЛИЛИНГВИЗМ КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ КАПИТАЛ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

Б.Р. Могилевич, докт. социол. наук, доц., проф. кафедры английского языка для гуманитарных направлений и специальностей Саратовского национального исследовательского университета имени Н.Г. Чернышевского, ул. Астраханская 83, г. Саратов, Российская Федерация, 410012*

В статье представлена эволюция социологической рефлексии социальной природы языка. Прослежена трансформация трактовок феномена языка в контексте объективистских, семиотических, структуралистских и дискурсивных теорий. Показана корреляция дискурсивных практик и становления постиндустриального информационного общества. Особое внимание уделено социологической трактовке языка П. Бурдье. Введенные П. Бурдье понятия “габитус”, “лингвистический капитал”, “лингвистический/-ое рынок/поле” и “практический смысл” характеризуют функционирование языка как социального действия, обусловленного образовательными и социально-статусными характеристиками коммуникантов. В эпоху глобализации особую значимость приобретает феномен полилингвизма как характеристики поликультурного современного социума, актуализирующего социокультурную специфику членов глобального общества. Конструктивизм и примордиализм демонстрируют разные точки зрения на феномен полилингвизма и используются в контексте удобства и выгоды их приверженцев. Тем не менее, эти подходы сходны в признании значимости этого явления для улучшения качества жизни людей. Полилингвистический габитус современного индивида приобретает новые диспозиции, адекватные глобальному контексту. Полилингвистический капитал функционирует на полилингвистических рынках/полях, обеспечивая доступ к общемировым знаниям и возможность получения, восприятия и продуцирования информации. Полилингвистические дискурсивные практики наиболее полно соответствуют социальной реальности киберпространства как информационного полилингвистического рынка в глобальном масштабе. Неравномерная представленность информационного контента на разных языках нивелирует демократическую сущность киберпространства и затрудняет пользователям полноценный доступ к информации. Особенно это касается носителей миноритарных языков. Отсутствие или недостаток полилингвистического капитала приводит к полилингвистической несправедливости и информационному неравенству, лишая индивидов возможности социальных лифтов и провоцируя социальные конфликты. Решение проблемы видится в введении модели трехязычного образования и создании контента на большем количестве используемых языков.

* Могилевич Бронислава Рафаиловна, e-mail: mogilevich@info.sgu.ru

Ключевые слова: полилингвизм, дискурсивный поворот, лингвистический капитал, лингвистический рынок, габитус, лингвистическая несправедливость/неравенство, конструктивизм, примордиализм, киберпространство, социальный лифт.

POLYLINGUIISM AS A GLOBAL LINGUISTIC CAPITAL

Mogilevich Bronislava R., Doctor of Sociology, Assistant-Professor, Professor of the Chair of English for Humanities, Saratov National Research University Named after N.G. Chernyshevsky, Astrakhanskaya st. 83, Saratov, Russian Federation, 410012, e-mail: mogilevich@info.sgu.ru

The article presents the evolution of language origin's sociological reflection. The transformation of language phenomena interpretation in the context of objective, semiotic, structural and discourse theories is displayed. The correlation between discourse practices and post-industrial information society development is shown. Special attention is paid to language sociological interpretation of P. Bourdieu. The concepts introduced by him, namely: habitus, linguistic capital, linguistic field market, practical sense characterize language development, conditioned by educational, and social status communicators' characteristics. Under globalization polilinguism phenomenon as policultural contemporary society characteristics, actualizing socio-cultural specifics of global society members acquires special significance. Constructionism and primordialism demonstrate different points of view on polilinguism phenomenon and are used in the context of comfort and benefits of their followers. Nevertheless, these approaches coincide in recognition of this concept significance to better peoples' lives quality. Polilinguistic habitus of a contemporary individual acquires new dispositions, adequate to global context. Polilinguistic capital functions of polilinguistic market/fields providing the access to world-wide knowledge and possibilities of getting, perceiving, and producing information. Polilinguistic discourse practices most fully correspond to cyberspace social reality as information polilinguistic market at the global scale. Uneven presentation of information content in various languages eliminate democratic essence of cyberspace and becomes the obstacle for users for getting the full access to information. It is especially important for minor languages speakers. The absence or lack of polilinguistic capital leads to polilinguistic injustice and information inequality, depriving people of social lifts possibilities and provoking social conflicts. The problem resolution is seen, particularly, in introducing the thee language education model and creating information content in wider variety of languages.

Key words: polylinguism, discourse turn, linguistic capital, linguistic market, habitus, linguistic injustice/inequality, constructionism, primordialism, cyberspace, social lift.

Язык как социальный конструкт существует в виде системы, и каждый индивид овладевает этой системой в процессах социализации, инкультурации и аккультурации. Языковая система не только обеспечивает социокультурную и социогуманитарную интеракцию между членами социума, но и отражает их ментальные и ценностно-поведенческие характеристики. Следовательно, будучи механизмом передачи социокультурных смыслов, язык вносит определяющий

вклад в конструирование социальной реальности. Язык представляет собой составную часть культуры, обуславливая восприятие и конструирование социальной реальности ее носителями. Он возникает и развивается как социальный феномен, основной функцией которого является обеспечение социальной коммуникации в диахроническом и синхроническом аспектах. Социологический аспект функционирования языка предполагает наличие двух уровней:

- внешнего как использования языка в окружении других языков;
- внутреннего в виде социального и демографического расслоения в пределах одного языка.

Как социальный факт, обусловленный потребностями членов социума в коммуникации, любой язык коррелирует с образованием социальных институтов. Более того, усложнение социальной реальности и, соответственно, социальных связей, является причиной эволюции языков. В свою очередь, любой язык представляет собой актуализацию разнообразных дискурсов как способов восприятия, интерпретации и конструирования социальной реальности. Многочисленные и разнообразные дискурсы возникают, развиваются, конфликтуют, исчезают и меняются. Неизменным остается один компонент — язык как необходимый и единственный механизм их конструирования. Четкая и обоснованная трактовка эволюции понимания социальной природы языковых практик возникла как критика объективистских, структуралистских и семиотических концепций.

Согласно объективистскому подходу О. Конта, язык представляет собой коллективную собственность, своего рода клад (сокровище), принадлежащий как всему человечеству, так и каждому индивиду в частности. Язык, следовательно, как коллективное достояние неисчерпаем и не может исчезнуть, так как постоянно используется носителями языка¹. Этот “лингвистический коммунизм” не принимает во внимание ни экономических, ни политических, ни социально-исторических контекстов использования языка его носителями.

Ф. де Соссюр, вслед за О. Контом, в своих семиотических теориях трактует феномен языка в рамках дихотомии “язык — речь”, в которой язык представлен как семиотическая система, а речь выполняет функцию конкретной актуализации языковых знаков в каждой конкретной ситуации. Соссюровская семиотическая дихотомия делает акцент на эмпирических нюансах в виде наличия акцентов, диалектов, субъективных контактов без учета социальных практик индивидов².

---

¹ Comte A. Systeme de politique positive. T. 2. Statique sociale. P., 1929. P. 254.

² Соссюр Ф., де. Труды по языкознанию. М., 1977. С. 52.

Структуралистские концепции Н. Хомского по аналогии с семиотической теорией рассматривают язык как самостоятельное, однородное явление, но в рамках другой дихотомии — “знание языка — фактическое использование языка”, в которой знание языка — это языковая компетенция идеального носителя языка в однородном языковом сообществе, а фактическое использование языка предполагает наличие конкретной коммуникативной ситуации. Тогда в рамках структурализма предполагается наличие идеального носителя языка, находящегося в исключительно гомогенном языковом коллективе. Этот идеальный индивид следует всем грамматическим нормам, никогда не ошибается в их использовании, ничего и никогда не забывает. Исключение социальности при рассмотрении языковых практик означало исключение человека и его жизненного мира из контекста повседневности. Можно сказать, что “лингвистика стала жертвой крайностей... Увлечение формальной записью в конце концов загнало ее в тесную келью технического дискурса, из него не только изгнаны история и социальность, но и человеческое превращается в нем в предельную абстракцию, а слова не говорят ни о чем”³. Таким образом, объективистские, семиотические и структуралистские трактовки языковых практик совпадают в той части, что система языка как всеобщее достояние существует в виде языковогоклада, принадлежащего всем и каждому в языковом коллективе⁴.

Вторая половина XX в. стала свидетелем становления феномена дискурсивного (лингвистического) поворота как принципиально нового явления, характерного для эпохи постиндустриального информационного общества. Это означало, что основной методологией исследования всех социогуманитарных наук стала интерпретация потоков информации, создаваемой и воспринимаемой индивидами в процессе социальной коммуникации. Другими словами, объектом исследования стали тексты (высказывания) как виды дискурсов, отражающих социокультурные контексты коммуникантов. В основе лингвистического поворота была смена объективистской, Ньютоновской парадигмы на гуманитарную, субъективистскую парадигму Л. Выгодского. Информационное общество поставило во главу угла человека во всех проявлениях его жизнедеятельности. Главным стала замена концептов времени и пространства на понятия “что сказано”, “кто сказал”, “о чем”, “когда”, “где” и “для чего”. Смена концептов стала следствием изменения характера взаимодействия индивидов — каузативный детерминизм механистической

³ Хомский Н. О природе и языке. М., 2005.

⁴ Макаров М.Л. Интерпретативный анализ дискурса в малой группе. Тверь, 1998. С. 10–11.

онтологии сменился дискурсивной онтологией, характеризующейся понятиями “сообщества индивидов”, “речевые акты”, “правила и формы диалога”. Таким образом, дискурсивные практики отражают непосредственные аспекты человеческой жизнедеятельности в виде речи и связанных с ней процессов и понятий. Различные трактовки феномена дискурса, различаясь по отдельным деталям, сходны в главном, что дискурс — это детерминирующая методология всех социогуманитарных исследований человека и его высказываний.

Так, в рамках коммуникативной теории Ю. Хабермаса, дискурс — это коммуникативная деятельность индивидов (поступки, речь, переживания), имеющая целью достижение согласия⁵.

Согласно дискурсивной методологии Т. ван Дейка, дискурсивные практики коммуникантов актуализируются как пространственно-временной контекст их жизнедеятельности, а также отражают специфику каждого индивида⁶. Согласно постструктуралистской концепции М. Фуко, дискурс презентует культурные смыслы, сближая индивидов с окружающей их социальной реальностью, которую они же и конструируют⁷. Постмодернистский ракурс дискурсивной рефлексии включает понятие “мифа” как совокупности идеологических дискурсов в контексте дихотомии “язык — власть”⁸.

В этой связи, особую значимость приобретает социологический подход великого французского социолога П. Бурдьё, основоположника трактовки языка как социального конструкта, как феномена, определяющего и характеризующего индивида, познающего и конструирующего социальную реальность. Интегрируя различные концепции дискурса, П. Бурдьё рассматривает это явление в контексте феномена габитуса как совокупности социальных и генетических диспозиций, определяющих каждый конкретный дискурс, что часто служит причиной конфликтов идеологий и точек зрения⁹.

Считая язык одним из видов социальной практики, П. Бурдьё предложил социологический подход к проблеме языка в рамках следующих понятий: “культурный капитал”, “габитус”, “символическая власть”, “лингвистический капитал”, “лингвистический рынок”¹⁰.

---

⁵ *Habermas J.* On the pragmatics of social interaction: preliminary studies in the theory of communicative action. Cambridge, 2001.

⁶ *Дейк Т.А., ван.* Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989. С. 8.

⁷ *Фуко М.* Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М., 1996.

⁸ *Барт Р.* Миф сегодня / Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1994. С. 85.

⁹ *Bourdieu P.* Language and symbolic power. Cambridge; Massachusetts; Harvard, 1991.

¹⁰ *Bourdieu P.* Language and symbolic power. Cambridge, 1994. P. 5.

Феномен культурного капитала включает три подтипа — инкорпорированный, объективированный и институционализированный. В свою очередь, лингвистический капитал является частью инкорпорированного культурного капитала, унаследованного и приобретенного как сознательно, так и через социокультурное воздействие¹¹. Что касается объективированного типа культурного капитала, то он выступает как материальное воплощение культурного капитала, в том числе и лингвистического, в виде артефактов и технических объектов. Институционализация культурного капитала осуществляется посредством разного рода дипломов, сертификатов, аттестатов и удостоверений. Культурный капитал, включая лингвистический подтип, передается от отцов к детям и состоит из знаний, навыков, видов образования, дающих их обладателям преимущества в получении разного рода благ¹².

Социологический подход П. Бурдьё к феномену языка основан на твердом убеждении и доказательном утверждении, что любое высказывание (текст), генерированный индивидом, детерминирован социальными условиями и социальными структурами жизнедеятельности носителей языка. Другими словами, все присущие индивидам высказывания (тексты) представляют собой социально обусловленные действия, отражающие этнометодологические и феноменологические характеристики социально-исторического контекста их жизнедеятельности.

В противовес иллюзии “лингвистического коммунизма”, “внутреннему кладу”, “всеобщему достоянию” и другим метафорам, используемым представителями объективистских, семиотических и структуралистских методологий, П. Бурдьё справедливо отмечает, что все они имманентно постулируют наличие феномена универсального языка, не объясняя причин принятия этих языковых практик как универсальных и легитимных. В этом контексте универсальный язык представляет существующий внутри себя и для себя феномен вне социоисторического контекста жизнедеятельности. В этой связи социологические лингвистические концепции акцентируют доминирующую роль социальных практик и вариативностей их развития. В противовес выделению универсального языка и его идеальных (существующих вне социума) носителей язык рассматривается в неразрывной связи со всем спектром пространственно-темпоральных контекстов жизнедеятельности. Другими словами, любая языковая

---

¹¹ Bourdieu P. The logic of practice. Cambridge, 1990. P. 27.

¹² Бурдьё П. О производстве и воспроизводстве легитимного языка // Отечественные записки. 2005. № 2. URL: http://magazines.russ.ru/oz/2005/2/2005_2_9.html (дата обращения: 30.04.2018).

интеракция происходит в рамках социальных структур и процессов существования носителей языка. Тогда язык — это не просто система знаков или компетенций для выражения мыслей и намерений индивидов, а социальный конструкт, существующий как продукт социального взаимодействия индивидов в каждой конкретной социокультурной ситуации¹³.

Социологическая трактовка языка выделяет дихотомию “объективизм — субъективизм”, которые трактуются специфически. Субъективизм представлен в дихотомии “Я” и “Другие”, когда индивид воспринимает и осознает социальную реальность как опыт “Других”, что позволяет установить определенные связи с этнометодологической феноменологией А. Шюца¹⁴. Объективизм в этом случае предполагает определенную отстраненность “Я” от конкретного восприятия и оценки повседневной социальной реальности в целях более точной абстрактной рефлексии. Для преодоления разрыва между объективизмом и субъективизмом П. Бурдьё предлагает понятие габитуса как совокупности определенных диспозиций, характеризующих социальные действия индивидов. Причем эти диспозиции постоянно и постепенно внедряются и внушаются в сознание каждого индивида в процессах воспитания, образования и повседневной деятельности. Габитус как комплекс диспозиций обуславливает индивидуальные особенности менталитета, телесности и “разворачивания в жизненном мире” в широком смысле¹⁵. Именно габитус формирует практический смысл деятельности каждого индивида как состояние его индивидуального существования. Габитус включает в себя лингвистический габитус в виде совокупности диспозиций, сформированных в процессах обучения языку в любой среде — семье, детском саду, школе и т.д. Эти диспозиции характеризуют направленность лингвистических действий индивида, поэтому разные социальные группы обладают разными лингвистическими габитусами в виде разных диалектов, интонаций, лексико-грамматических конструкций и преимущественного использования функциональных стилей. Следовательно, все лингвистические габитусы социально структурированы, генерируются и функционируют в определенных социальных контекстах (лингвистических рынках). Способность каждого индивида генерировать различные смыслы, коррелирующие

---

¹³ Bourdieu P. In other words: essays towards reflexive sociology. Stanford, 1990. P. 135.

¹⁴ Шюц А. Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии. М., 2003.

¹⁵ Thompson G.B. Editor's Introduction // Bourdieu P. Language and Symbolic Power. Cambridge, 1994. P. 5.

с социальными институтами (лингвистическими полями), и есть практический смысл языковых социальных практик. Естественно, разные социальные группы обладают разными возможностями адаптации к лингвистическим рынкам как в диахроническом, так и в синхроническом аспектах. В этом случае совершенно правомерно говорить о существовании лингвистического капитала каждого индивида, в частности о его наличии или недостатке.

Человеческий габитус как комбинация различных диспозиций (характеристик) формирует свой лингвистический контекст вертикально и горизонтально в процессах социализации и инкультурации при воспитании и обучении в рамках семьи, школы, мест проживания, учебы и работы. Следовательно, лингвистические рынки — это конкретные экстралингвистические коммуникативные ситуации, а ценность лингвистического капитала обусловлена их спецификой и значимостью¹⁶. Способность носителей языка (участников лингвистического взаимодействия) производить лингвистические продукты (участвовать в социальных практиках) напрямую зависит от качества их лингвистического капитала. Дело в том, что разные социальные слои обладают разными способностями и возможностями адаптации к лингвистическим рынкам. Более того, распределение лингвистического капитала всегда обусловлено воздействием других его форм — политического, социального, символического, которые по-разному распределяются на каждом конкретном лингвистическом рынке, постоянно меняясь в соотношении. Вследствие этого, индивиды, обладающие лингвистическим габитусом высших социальных групп, имеют больше возможностей добиться социального успеха и имеют более легкий доступ к социальным лифтам. Именно здесь наиболее ярко проявляется воздействие символической власти, инкорпорированной в систему образования и связанной с символическим и политическим видами капитала. В этих случаях можно утверждать, что язык выступает индикатором социальной принадлежности, влияя на социальную мобильность, уровень заработной платы, участие в выборах и т.д.¹⁷ Лингвистические различия между носителями языка характеризуют качество их лингвистического капитала относительно языковых норм. Так, следование правилам речевого этикета или нормам письменной речи характеризует высокий уровень лингвистического капитала. Например, в пьесе Б. Шоу “Пигмалион” низкий уровень лингвистического капитала героини не дает ей доступ к социальным лифтам (получение работы в цветоч-

¹⁶ Bourdieu P. The logic of practice. P. 84.

¹⁷ Телегин Д.В. Язык как социальная практика: о “лингвистическом капитале” П. Бурдье // Вестник Тюменского государственного университета. 2013. № 2. С. 9–17.

ном магазине и уход с прежнего места жительства, где проживают низшие социальные слои Лондона — “кокни”).

Следовательно, лексико-грамматические, фонетические и стилистические вариативности представляют собой маркеры социальных статусов носителей языка и, следовательно, качества их лингвистических капиталов. И здесь возникает естественная связь между понятиями “культура речи” и “лингвистический габитус”. Индивиды, обладающие лингвистическим габитусом высших социальных слоев, легче и быстрее реагируют на нормы официальных лингвистических рынков в отличие от представителей более низших слоев социума, добиваясь карьерного роста и своих практических целей, что позволяет говорить о наличии у них большего объема практического смысла. Лингвистический капитал распределяется на лингвистических рынках/полях, представляющих собой иерархические образования со своей спецификой и внутренней логикой. Существуют как глобальные поля, включающие в себя всю социальную реальность (экономическая и политическая власть), так и частные поля (религия, образование, наука, искусство, спорт и т.д.)¹⁸. Разница лингвистических капиталов проявляется в феномене символической власти, которая актуализируется в лингвистическом капитале через систему образования, лингвистического в частности, а также в сфере языковой политики. Другими словами, язык формирует социальные различия, осуществляя, таким образом, “символическое насилие”.

Глобализация отражает становление информационного общества, основной характеристикой которого является доминирующая роль информации во всех процессах человеческой жизнедеятельности. М. Кастельс выделил две основные причины становления информационного общества: глобализацию и компьютеризацию. Информационный обмен всегда играл большую роль в развитии человеческой цивилизации. Как механизм трансляции знаний информация обрела значимость уже во времена Средневековья, но социальная реальность информационного общества характеризуется тем, что генерирование, обработка и трансляция информации стали основными детерминантами наличия экономического, политического и символического видов капитала¹⁹.

В эпоху глобализации и становления феномена глобальной культуры понятия лингвистического капитала, лингвистического

---

¹⁸ Гронас М. “Чистый взгляд” и взгляд практика: Пьер Бурдьё о культуре // Новое литературное обозрение. 2000. № 45. С. 9.

¹⁹ Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество, культура. М., 2000.

габитуса и лингвистического рынка приобретают особую значимость и новые характеристики. Само явление глобализации настолько сложно и полиаспектно, что не существует его единого определения. По мнению У. Бека, “глобализация обозначает познаваемое на опыте уничтожение границ повседневной деятельности в различных формах хозяйствования, информации, экологии, техники, транскультурных контактов и гражданского общества”²⁰. К. Кшиштофек считает, что “глобализация является, в сущности, ничем иным, как построением связующих звеньев между культурами для постижения кодов без их разрушения”²¹. Глобальный контекст современности имманентно содержит повсеместное распространение универсальных ценностей, что проявляется в становлении феномена глобальной культуры как сочетания следующих компонентов: Давосской бизнес-культуры, интеллектуальной (клубной) культуры в виде негосударственных фондов, организаций и движений и массовой культуры²². Глобализация как новый вид лингвистических полей в широком смысле этого понятия имплементирует и новый вид лингвистического капитала, полилингвизм, действующего на глобальном полилингвистическом рынке. В этой связи особую важность приобретает актуализация всего многообразия ментальной и социокультурной картины мира, что дает возможность обеспечения полноценной глобальной социальной коммуникации.

Постиндустриальное общество актуализирует современную социальную реальность посредством полилингвизма, объединяя человечество в глобальное сообщество. Количественное увеличение лингвистических рынков в глобальном контексте естественно коррелирует с количественным и качественным приращением лингвистического капитала на межличностном, межгрупповом и межгосударственном уровнях.

Глобальные характеристики современной социальной реальности проявляются во всех сферах человеческой жизнедеятельности, повсеместно распространяя универсальные ценности, при этом неизбежно происходит размывание устоявшихся этнокультурных идентичностей, составной частью которых является язык. Такие феномены, как глобализация и прогресс коммуникационных технологий делают полилингвизм неотъемлемым атрибутом современности.

---

²⁰ Бек У. Что такое глобализация? М., 2001. С. 42–43.

²¹ Кшиштофек К. Глобальная культура, мультикультурализм и глобальное правление // Вести мирового общественного форума “Диалог цивилизаций”. 2005. № 1. С. 81.

²² Бергер П. Культурная динамика глобализации // Многоликая глобализация. М., 2004. С. 8–24.

Современная социальная реальность в виде совокупности множества дискурсов создается посредством множества языков, т.е. полилингвизма.

Существует два основных подхода к определению понятия “полилингвизм”:

- полноценное владение языком или языками на уровне близком к уровню владения родным языком;
- знание лишь “базового минимума”, достаточного лишь для ограниченного числа коммуникационных ситуаций.

Полилингвизм является прямым следствием культурного, политического и экономического разнообразия социальной реальности. Полилингвизм детерминируется исторически сложившейся интеракцией разных цивилизаций и народов, и в этих условиях появляется рационально обоснованная причина использовать разные языки для исполнения разных социальных функций и ролей. Граждане многих независимых государств сталкиваются с необходимостью осваивать сразу несколько языков на достаточно хорошем уровне.

Современный мир наций представляет собой мир многочисленных языков, обладающих формальным статусом, так как дисциплинарное сообщество предполагает общие языковые правила. Полилингвизм — естественное явление в многонациональном мире, что обуславливает непонимание друг другом носителей разных языков. По мнению многих лингвистов нет критериев определения понятности, а именно: критериев объема понятности, границ начала и окончания понятности. Например, шведский, датский, норвежский языки, будучи разными языками, понятны их носителям. Разговорный язык, которым пользуются жители Осло, ближе к стандартному датскому, по сравнению с разговорными диалектами норвежских северян. Установление языковых границ в пределах одного государства приобретает политическое значение, так как все остальные приобретают статус диалектов как языков, носители которых не являются победителями при создании государства. Например, правительство Турции отрицает существование курдского языка, хотя курды живут в горных районах Турции²³. Также можно привести пример китайского языка, который разделен на множество диалектов, некоторые из которых могут так сильно различаться, что многие лингвисты рассматривают их как отдельные языки, но в то же время языковая политика Китая не признает их таковыми, имея целью унификацию языка посредством распространения пекинского

---

²³ *Entessar N. The Kurdish mosaic of discord // Third Word Quarterly. 1989. Vol. 11. N 4. P. 83–100.*

диалекта и зачастую рассматривая остальные диалекты как девиацию от литературной нормы. Эти примеры показывают, что современный мир наций и полилингвизм характеризуются многочисленными языковыми конфликтами. В их основе лежат социокультурные противоречия национальных идентичностей. В качестве примера можно привести заявление франкоязычных партий в Бельгии о необходимости разделения государства на конфедерацию независимых государств — голландскоязычную Фландрию и франкоязычную Валлонию.

Этот феномен современной жизни индивидов в мире глобальной культуры может быть представлен с точки зрения разных парадигм исследования:

– социальный полилингвизм имеет место в странах с несколькими государственными языками (Канада, Швейцария, Индия, Бельгия и другие) или в многонациональных государствах (Российская Федерация, страны Африки);

– индивидуальный полилингвизм в виде свободного использования индивидами двух и более языков.

По своей сути, полилингвизм (многоязычие, мультилингвизм) всегда присутствует в жизни людей, особенно в тех случаях, когда возникает необходимость установления и поддержания межкультурной коммуникации. В этом ракурсе полилингвизм может быть рассмотрен в контексте уровня владения индивидом разными языками — от начального (элементарного) до уровня компетентности, где пятый, последний уровень, означает владение языком на уровне его высокообразованных носителей. Рассмотрение феномена полилингвизма в аспекте бинарной оппозиции “свой” — “чужой” выделяет:

– аддиктивный полилингвизм как позитивное отношение коммуникантов к “своим” и “чужим” языкам и культурам на уровне интеграции;

– субтрактивный полилингвизм на уровне ассимиляции, когда “свой” язык замещается “чужим” или “чужими”²⁴.

Глобальный контекст развития современного социума, характеризующийся, прежде всего, приоритетом информационных технологий в процессе получения информации, отводит важную роль в этом процессе феномену полилингвизма. Действительно, полилингвизм стал одним из важных компонентов социальной реальности, главным образом как механизм ее конструирования. Этот процесс невозможен без учета локальных и универсальных дискурсов, актуализированных посредством широкого спектра

---

²⁴ Смокотин В.М. Многоязычие и проблемы преодоления межъязыковых и межкультурных барьеров. Томск, 2010. С. 87–92.

разных языков. Без преувеличения можно утверждать, что полилингвизм стал обязательным условием успешной социализации, инкультурации и аккультурации в современной социальной реальности. Сегодня интернационализация жизни требует от индивидов, групп, микро- и макросообществ включения полилингвизма в контекст повседневности. Ярким примером могут служить языковые контакты в области образования, экономики, политики, культуры. Глобализация и социальная открытость способствуют повышению престижа полилингвизма, обеспечивая социальные и экономические преимущества и социальную мобильность его носителям. В частности, полилингвизм дает возможность выполнять производственные обязанности недоступные монолингвам. Например, ВВП Швейцарии на 10% обязан полилингвизму, а билингвы зарабатывают на 3000 долларов в год больше²⁵.

Социологический контекст полилингвизма заключается в исследовании “языка в его социальном контексте”²⁶. Это означает, что социологический акцент сосредоточен на:

- способах использования языка в разных типах социума;
- факторах, влияющих на способы использования языка (социальный статус, гендерная принадлежность, возрастные и образовательные характеристики).

Вместе с тем, полилингвизм как способность индивида использовать два и более языка в зависимости от коммуникативной ситуации представляет собой один из важных факторов выживания индивидов в современном глобальном мире²⁷.

Следует отметить, что глобальная социальная реальность предполагает наличие “нового” полилингвизма, представленного в виде двух компонентов:

- механизма обеспечения доступа к достижениям мировой цивилизации;
- использование английского языка или другого языка, способного выдержать конкуренцию с первым.

Одновременно полилингвизм как общемировая тенденция является частью оппозиции “однойязычие — многоязычие”, причем повсеместно наблюдается тенденция к усилению многоязычия.

---

²⁵ *Agirgad D.* The long-term effects of bilingualism on children in immigration: student bilingualism and future earnings // *International Journal of Bilingual Education and Bilingualism*. 2014. Vol. 17. N 4. P. 449–464.

²⁶ *Labov W.* The study of language in its social context // *Stadium Generale*. 1970. N 23. P. 36.

²⁷ *Вайнрайх У.* Однойязычие многоязычие // *Новое в лингвистике*. Вып. 6. Языковые контакты / Сост., ред., вступ. ст. и коммент. В.Ю. Розенцвейг. М., 1972. С. 25–26.

Знаменитое высказывание Л. Витгенштейна “границы моего языка — есть границы моего мира” представляет собой основной принцип многоязычия²⁸.

В этой связи следует упомянуть динамику понимания концепта “образованный человек”. В древнем мире обычное умение читать казалось фантастическим достижением²⁹. Сейчас индикатором образованности по праву считается полилингвизм. Более того, полилингвизм является важным механизмом разрешения межкультурных конфликтов и создания условий для полноценной социальной коммуникации. Его гуманистическая природа актуализируется в успешном взаимодействии представителей разных культур при сохранении их локальной этнокультурной идентичности

Феномен полилингвизма (многоязычия), имея долгую историю своего существования, актуализирует социокультурную гетерогенность мира. В настоящее время существует более 6700 языков, хотя их большое количество исчезло, а многие приобрели статус “мертвых” языков (древнегреческий, древнеславянский, гэльский, латынь), так как не используются в процессах непосредственной социальной коммуникации. Являясь результатом социокультурного взаимодействия носителей разных языков как представителей разных культур, полилингвистический капитал стал компонентом лингвистических габитусов индивидов в широком спектре их взаимодействия: от установления межкультурных контактов до дистанцирования носителей разных языков. Известно, что в мире, особенно в глобальном контексте, почти нет развитых государств, в которых лингвистический капитал населения ограничен одним языком (исключениями являются Польша и Армения). Более того, глобальная социальная коммуникация как обмен смыслами разных социокультурных сообществ может конструировать глобальную социальную реальность, только используя полилингвистические социальные практики.

Глобальная культура, функционирующая посредством полилингвизма, объединяет государства в единое социокультурное сообщество, в котором глобальный символический капитал обеспечивает и укрепляет полилингвистический капитал индивидов в целях их успешной социализации и аккультурации на полилингвистических рынках. В результате в сферах экономики, политики, культуры, образования создаются новые полилингвистические продукты в виде

---

²⁸ *Апель К.-О.* Витгенштейн и проблемы герменевтического понимания // *Апель К.-О.* Трансформация философии. М., 2001. С. 85.

²⁹ *Тоффлер Э.* Метаморфозы власти. Знание, богатство и сила на пороге XXI века. М., 2004.

образовательного и культурного обмена, интернационализации образования и т.д.

Тем не менее, в современной социальной реальности имеют место две противоположные тенденции относительно значимости полилингвистического капитала, а именно — конструктивистская и примордиалистская.

Согласно конструктивистскому подходу, культурная идентичность детерминирует этничность через доминирование социальных, политических и экономических факторов. Данный подход сформировался на базе теорий М. Вебера, Э. Дюркгейма и К. Маркса. Приверженцы этого подхода считают, что культурная самобытность не оказывает влияния на социальную идентичность, наоборот, эту функцию выполняют отличительные черты глобальной социальной реальности, а именно — массовость и стандартизация жизни. По их мнению, глобальный мир не может поддержать такое многообразие языков. Подобный взгляд на данную проблему известен еще со времен Римской империи.

Приверженцы примордиалистского течения утверждают, что местные социокультурные особенности по ходу процесса глобализации не только не потеряли актуальность, а наоборот, становятся еще более выраженными в ответ на унификацию³⁰. Примордиалисты, приводя различные исторические и культурные примеры, защищают текущее культурное и языковое многообразие и призывают к моральной ответственности в деле поддержания и возвеличивания социокультурных корней этносов и языков. Конструктивисты небезосновательно указывают на недостоверность и субъективизм примордиалистских идей, на нехватку доказательств. Самих же конструктивистов критикуют за постмодернистское отрицание социокультурных ценностей, свойственных всем людям.

Этот конфликт является следствием противоречия между глобализацией и стремлением сохранить культурную идентичность. Например, Евросоюз изначально стремился к равноправному представительству всех языков, используемых его субъектами. Но по мере роста Евросоюза от этого принципа начинают постепенно уходить.

Конструктивисты утверждают, что Евросоюз может совсем отказаться от принципа равноправия языков. Причины могут быть как чисто прагматическими, например, экономия на оплате работы переводчиков, так и обусловленными культурными конфликтами,

---

³⁰ *Фишман Д.* Сегодняшние споры между примордиалистами и конструктивистами: связь между языком и этничностью с точки зрения ученых и повседневной жизни // *Логос*. 2003. № 4 (49). С. 117.

неизбежно возникающими, когда языки начинают конкурировать друг с другом.

Другими словами, главным различием между этими двумя подходами является противоречие между миром единого рынка мегакультур, мегаязыков и мегаценностей и миром этнического и социокультурного многообразия.

По мнению конструктивистов, полилингвизм имеет свои границы, что означает насильственное сокращение используемых языков, так как мировое сообщество не может позволить себе всестороннюю поддержку полилингвизма. Конструктивистский подход на самом деле представляет собой превалирование экономических и политических факторов с целью обеспечения массовости и стандартизации человеческой жизнедеятельности, что в конечном итоге ограничивает развитие и приращение их полилингвистических капиталов, стандартизируя и унифицируя их полилингвистические габитусы.

Примордиалисты, напротив, поддерживают и укрепляют полилингвистические социальные практики, считая их маркерами развития локальных идентичностей и социокультурного многообразия. Интересно отметить, что конструктивизм и примордиализм могут быть использованы одним и тем же государством в зависимости от его выгоды. Так, Франция придерживается концепций примордиализма относительно роли английского языка как языка международного общения, но одновременно выступает с конструктивистских позиций, отказывая окситанцам, бретонцам и эльзасцам в сохранении их локальных языков³¹. По своей сути, конфликт между примордиалистами и конструктивистами отражает трансформацию феномена символической власти, характеризующуюся снижением объективации социальных институтов. Современная глобальная социальная реальность, таким образом, обуславливает становление феномена полилингвистического капитала как продукта взаимодействия полилингвистических габитусов и полилингвистических рынков. Тогда социальная коммуникация может быть эффективной только при наличии полилингвистических капиталов как условия реализации прав и свобод каждого индивида. Именно полилингвистический капитал обеспечивает индивидам реализацию таких насущных потребностей, как получение, генерирование и распространение актуальной информации, доступ к общемировым знаниям, свободное изложение разных точек зрения. Таким образом, полилингвизм как социальный конструкт информационного гло-

---

³¹ Смокотин В.М. Указ. соч.. С. 87–92.

бального социума имманентно является механизмом преодоления неравноправия различных лингвистических капиталов, обеспечивая социокультурное многообразие лингвистических рынков и габитусов. Причем, это многообразие представлено как совокупность когнитивных, эмоциональных, поведенческих и ментальных ценностных моделей. Учет полилингвистических рынков выполняет функцию амортизатора социокультурных и социоисторических конфликтов. Действительно, глобализм обеспечивает полилингвистическому капиталу новые лингвистические рынки в виде доступа к всеобщему образованию, профилактики пандемий, создания новых лекарств, медицинского оборудования и диагностик в виде изложения необходимой информации на разных языках, обеспечения экологической безопасности посредством представления нужных и необходимых сведений о локальных условиях на разных языках, в виде реализации прав на свободу получения знаний на любом языке, имплементации социальной справедливости в форме получения работы в соответствии с социальным статусом³².

Универсальность, всеобъемлющий характер и глубокая интеграция современных коммуникационных технологий, а также их способность трансформировать реальные социальные системы создали новый вид социальной реальности — киберпространство. Приоритет информационных технологий в процессе информационного обмена отводит важную роль феномену полилингвизма как отражения локальных и универсальных дискурсов, представленных множеством языков. Самыми популярными языками интернета являются английский — 872,9 млн человек, китайский — 704,5 млн человек, испанский — 256,8 млн и т.д. Количество русскоязычных пользователей составляет 103,1 млн человек. Например, по данным представленности языков в киберпространстве на 2018 г., английский язык занимает 52,1% контента, русский — 6,5, японский — 5,6, немецкий — 5,5, испанский — 5,1%³³. Преобладание контента на английском языке объясняется его статусом как языка международного общения. Количество контента на русском языке объясняется, с одной стороны, высокой активностью пользователей, а с другой стороны, готовностью совершать переводы мультимедийного контента с других языков, в первую очередь с английского, включая переводы статей, текстов Википедии, сериалов, компьютерных игр и текстов песен. В виртуальных социальных пространствах СНГ русский язык сохраняет статус языка международного общения, даже в тех

---

³² Agirgad D. Op. cit.

³³ Языки в Интернете. URL: ru.wikipedia.org/wiki/Языки_в_Интернете (дата обращения: 29.01.2019).

странах, где не имеет статуса государственного — в странах Прибалтики, в Украине, Казахстане и т.д. Тем не менее, все исследования касаются самых распространенных и экономически рентабельных языков. В рекомендациях ЮНЕСКО о развитии и использовании полилингвизма в киберпространстве отмечается, что языки часто используются как инструмент доминирования и разделения народов. Будущее тех или иных языков зависит от способности сопротивляться натиску более агрессивных языков и добиваться с помощью новых видов технологий маргинализации громадной части населения планеты. Например, люди, не говорящие на языках, используемых в киберпространстве, лишены возможности полноценного участия в полноформатном информационном обмене и находятся в условиях информационной/лингвистической зависимости.

В этой связи следует учитывать феномен полилингвистической несправедливости и информационного неравенства. Этот феномен является следствием неравенства полилингвистических капиталов членов информационного глобального сообщества, что в свою очередь обусловлено их социальным неравенством. Социальное неравенство отражает особенности социальных структур, социальной стратификации, неравенство возможностей как в материальном, так и социальном и духовном аспектах. Причем социальное неравенство включает такие компоненты, как профессиональное, этническое, гендерное, территориальное неравенство и другие его виды³⁴. В условиях глобального информационного общества социальное неравенство (информационное в том числе) проявляется в обладании разными формами капитала и наличием/недостатком гражданских прав и свобод. Нивелирование информационного неравенства должно обеспечиваться образовательными системами разных стран во избежание возникновения конфликтогенных ситуаций. Большое значение имеет повсеместная реализация на практике модели трехязычного языкового образования: родной язык, английский язык и язык по выбору. Полилингвистическая справедливость актуализируется на коммуникативном уровне (представление, перевод и анализ текстов на разных языках с помощью информационных технологий), когнитивном уровне в виде представления полилингвистического контента в архивах и библиотеках в целях сохранения и приумножения коллективного богатства человечества³⁵. Таким образом, полилингвистический капитал, с

---

³⁴ *Осипова Н.Г.* Неравенство в эпоху глобализации: сущность, институты, региональная специфика и динамика // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2014. № 2. С. 119–141.

³⁵ *Фишман Д.* Указ. соч. С. 117.

одной стороны, предоставляет глобальному сообществу возможность сохранения локальной специфики лингвистических капиталов, рынков и индивидуальных габитусов, а с другой стороны, служит цели поддержания социальной справедливости/равенства для носителей разных языков. Можно смело утверждать, что социологический подход П. Бурдьё к трактовке лингвистических интеракций как социальных практик индивидов в процессе взаимодействия их лингвистических габитусов на лингвистических рынках обладает большим эвристическим потенциалом в контексте реализации их практических смыслов. В свою очередь, индивидуальные практические смыслы реализуют свои лингвистические капиталы в системе коррелирующих глобальных социальных институтов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

Апель К.-О. Витгенштейн и проблемы герменевтического понимания // Апель К.-О. Трансформация философии. М., 2001.

Барт Р. Миф сегодня // Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1994.

Бек У. Что такое глобализация? М., 2001.

Бергер П. Культурная динамика глобализации // Многоликая глобализация. М., 2004.

Бурдьё П. О производстве и воспроизводстве легитимного языка // Отечественные записки. 2005. № 2. URL: http://magazines.russ.ru/oz/2005/2/2005_2_9.html (дата обращения: 30.04.2018).

Вайнрайх У. Одноязычие многоязычие // Новое в лингвистике. Вып. 6. Языковые контакты / Сост., ред., вступ. ст. и коммент. В.Ю. Розенцвейг. М., 1972.

Гронас М. “Чистый взгляд” и взгляд практика: Пьер Бурдьё о культуре // Новое литературное обозрение. 2000. № 45.

Дейк Т.А., ван. Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989.

Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество, культура. М., 2000.

Кишиштофек К. Глобальная культура, мультикультурализм и глобальное правление // Вести мирового общественного форума “Диалог цивилизаций”. 2005. № 1.

Макаров М.Л. Интерпретативный анализ дискурса в малой группе. Тверь, 1998.

Могилевич Б.Р. Многоязычие как компонент социальной справедливости в эпоху информационного общества // Социальная несправедливость в социологическом измерении: вызовы современного мира. XII Международная научная конференция “Сорокинские чтения-2018”: Сб. мат-в. М., 2018.

Могилевич Б.Р., Калинин А.А. Многоязычие как социокультурный феномен // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2017. Т. 17. Вып. 2. С. 136–139.

Осипова Н.Г. Неравенство в эпоху глобализации: сущность, институты, региональная специфика и динамика // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2014. № 2. С. 119–141.

Смокотин В.М. Многоязычие и проблемы преодоления межъязыковых и межкультурных барьеров. Томск, 2010.

- Соссюр Ф., де.* Труды по языкознанию. М., 1977.
- Телегин Д.В.* Язык как социальная практика: о “лингвистическом капитале” П. Бурдьё // Вестник Тюменского государственного университета. 2013. № 2. С. 9–17.
- Тоффлер Э.* Метаморфозы власти. Знание, богатство и сила на пороге XXI века. М., 2004.
- Фишман Д.* Сегодняшние споры между примордиалистами и конструктивистами: связь между языком и этничностью с точки зрения ученых и повседневной жизни // Логос. 2003. № 4 (49).
- Фуко М.* Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М., 1996.
- Хомский Н.* О природе и языке. М., 2005.
- Шюц А.* Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии. М., 2003.
- Языки в Интернете. URL: ru.wikipedia.org/wiki/Языки_в_Интернете (дата обращения: 29.01.2019).

REFERENCES:

- Agirgad D.* The long-term effects of bilingualism on children in immigration: student bilingualism and future earnings // International Journal of Bilingual Education and Bilingualism. 2014. Vol. 17. N 4. P. 449–464.
- Apel' K.-O.* Vitgenshtejn i problemy germenevticheskogo ponimaniya [Wittgenstein and problems of hermeneutic understanding] // *Apel' K.-O.* Transformaciya filosofii. М., 2001 (in Russian).
- Bart R.* Mif segodnya [The Myth Today] // *Bart R.* Izbrannye raboty: Semiotika. Poetika. М., 1994 (in Russian).
- Bek U.* Chto takoe globalizaciya? [What is globalization?] М., 2001 (in Russian).
- Berger P.* Kul'turnaya dinamika globalizacii [Cultural Dynamics of Globalization] // *Mnogolikaya globalizaciya.* М., 2004. S. 8–24 (in Russian).
- Bourdieu P.* In other words: essays towards reflexive sociology. Stanford, 1990.
- Bourdieu P.* Language and symbolic power. Cambridge; Massachusetts; Harvard, 1991.
- Bourdieu P.* The logic of practice. Cambridge, 1990.
- Burd'e P.* O proizvodstve i vosproizvodstve legitimnogo yazyka [On the production and reproduction of a legitimate language] // *Otechestvennye zapiski.* 2005. N 2. URL: http://magazines.russ.ru/oz/2005/2/2005_2_9.html (data obrashcheniya: 30.04.2018) (in Russian).
- Comte A.* Systeme de politique positive. T. 2. Statique sociale. P., 1929.
- Dejk T.A., van.* Yazyk. Poznanie. Kommunikaciya [Language.. Cognition. Communication]. М., 1989 (in Russian).
- Entessar N.* The Kurdish mosaic of discord // *Third Word Quarterly.* 1989. Vol. 11. N 4. P. 83–100.
- Fishman D.* Segodnyashnie spory mezhdru primordialistami i konstruktivistami: svyaz' mezhdru yazykom i etnichnost'yu s tochki zreniya uchyonyh i povsednevnoj zhizni [Today's debate between primordialists and constructivists: the relationship between language and ethnicity from the point of view of scientists and everyday life] // *Logos.* 2003. N 4 (49) (in Russian).
- Fuko M.* Volya k istine: po tu storonu znaniya, vlasti i seksual'nosti. Raboty raznyh let [The will to truth: beyond knowledge, power and sexuality]. М., 1996 (in Russian).

Gronas M. “CHistyj vzglyad” i vzglyad praktika: P'er Burde o kul'ture [“Pure look” and the look of practice: Pierre Bourdieu on culture] // *Novoe literaturnoe obozrenie*. 2000. N 45 (in Russian).

Habermas J. On the pragmatics of social interaction: preliminary studies in the theory of communicative action. Cambridge, 2001.

Homskij N. O prirode i yazyke [On nature and language]. M., 2005 (in Russian).

Kastel's M. Informacionnaya epoha: ekonomika, obshchestvo, kul'tura [The Information Age: Economics, Society, Culture]. M., 2000 (in Russian).

Kshishtofek K. Global'naya kul'tura, mul'tikul'turalizm i global'noe pravlenie [Global culture, multiculturalism and global government] // *Vesti mirovogo obshchestvennogo foruma “Dialog civilizacij”*. 2005. N 1 (in Russian).

Labov W. The study of language in its social context // *Stadium Generale*. 1970. N 23.

Makarov M.L. Interpretativnyj analiz diskursa v maloj gruppe [Interpretative analysis of discourse in a small group]. Tver', 1998 (in Russian).

Mogilevich B.R. Mnogozychie kak komponent social'noj spravedlivosti v epohu informacionnogo obshchestva [Multilingualism as a component of social justice in the era of the information society] // *Social'naya nespravedlivost' v sociologicheskom izmerenii: vyzovy sovremennogo mira. XII Mezhdunarodnaya nauchnaya konferenciya “Sorokinskie chteniya-2018”*: Sb. mat. M., 2018 (in Russian).

Mogilevich B.R., Kalinkin A.A. Mnogoyazychie kak sociokul'turnyj fenomen [Multilingualism as a sociocultural phenomenon] // *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Sociologiya. Politologiya*. 2017. T. 17. Vyp. 2. S. 136–139 (in Russian).

Osipova N.G. Neravenstvo v epohu globalizacii: sushchnost', instituty, regional'naya specifika i dinamika [Inequality in the era of globalization: essence, institutions, regional specifics and dynamics] // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serya 18. Sociologiya i politologiya*. 2014. N 2. S. 119–141 (in Russian).

Shyuc A. Smyslovaya struktura povsednevnogo mira: ocherki po fenomenologicheskoj sociologii [The semantic structure of the everyday world: essays on phenomenological sociology]. M., 2003 (in Russian).

Smokotin V.M. Mnogoyazychie i problemy preodoleniya mezh'yazykovyh i mezhkul'turnyh bar'erov [Multilingualism and problems of overcoming interlingual and intercultural barriers]. Tomsk, 2010. S. 87–92 (in Russian).

Sossyur F., de. Trudy po yazykoznaniyu [Proceedings in linguistics]. M., 1977 (in Russian).

Telegin D.V. Yazyk kak social'naya praktika: o “lingvisticheskom kapitale” P. Burde [Language as a social practice: on the “linguistic capital” of P. Bourdieu] // *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2013. N 2. S. 9–17 (in Russian).

Thompson G.B. Editor's introduction // *Bourdieu P. Language and Symbolic Power*. Cambridge, 1994.

Toffler E. Metamorfozy vlasti. Znanie, bogatstvo i sila na poroge XXI veka [Metamorphoses of power. Knowledge, wealth and power are on the threshold of the 21st century]. M., 2004 (in Russian).

Vajnrajh U. Odnoyazychie mnogoyazychie [Monolingualism multilingualism] // *Novoe v lingvistike. Vyp. 6. Yazykovye kontakty / Sost., red., vstup. st. i komment. V.Yu. Rozencvejg*. M., 1972 (in Russian).

Yazyki v Internete [Languages on the Internet]. URL: rj.wikipedia.org/wiki/Yazyki_v_Internete (data obrashcheniya: 29.01.2019) (in Russian).